

Влад Порошин

ТАФГАЙ

Тревожная осень 1971 года принесла гражданам СССР новые вызовы и потрясения. Сначала Леонид Ильич Брежнев случайно получил девятый дан по дзюдо, посетив с дружественным визитом Токио, когда ему понравилась странная рубашка без пуговиц в ближайшем к посольству магазине. Затем Иосиф Кобзон победил на конкурсе Евровидение с песней «Увезу тебя я в тундру», напугав её содержанием международных представителей авторитетного жюри. Но самое главное на внеочередном съезде КПСС было принято единогласным голосованием судьбоносное решение — досрочно объявить сборную СССР чемпионом мира по футболу 1974 года. Ура товарищи! А горьковский хоккеист Иван Тафгаев твёрдо решил снова пройти медицинское обследование, потому что такие сны даже нормальному человеку могли повредить мировоззренческую целостность настоящей картины Мира.

Глава 1

В тёплой влажной Англии, в центральной её части, в августе 1971 года случилось несчастье. Пятеро подростков-хиппи разбили лагерь прямо среди древних менгиров Стоунхенджа. Кого первым посетила эта «гениальная мысль» — потусить прямо внутри мегалитического сооружения, чтобы впитать невидимые человеческому глазу «духовные вибрации», история умалчивает. Но как рассказал полицейский, который в два часа ночи патрулировал эту территорию, произошло следующее: «Внезапно весь загадочный Стоунхендж наполнился голубым свечением, льющимся прямо с неба. Затем раздались жуткие крики туристов, и откуда-то рядом появился страдающий бессонницей фермер. Свет был настолько ослепительным, что даже пришлось закрыть глаза».

А когда свечение улетучилось, и крики успокоились, внутри древнего сооружения, кроме пустой палатки, были обнаружены: потухший костёр, гитара, котелок, томик поэта лорда Байрона, пластинка Скотта Маккензи, и фенечки разных цветов и узоров. Но самой любопытной находкой стал дневник одной из туристок Вильмы Руперт. Вот что она писала: «Дождь всегда идёт там, куда приходит голубое свечение. Я вижу его каждую ночь, но не говорю ребятам». Много ещё чего писала Вильма и про алкоголь, и про отца, и про инопланетян, которые его похитили. Но причина необычной пропажи подростков так и осталась не раскрытой.

Не раскрыли полицейские, которые жили и живут на деньги налогоплательщиков, так же тайну исчезновения из поезда Дижон — Париж Лиу Лепренса, изобретателя кинематографа. И куда пропали люди из канадской деревни Анджикуни, тоже осталось загадкой. А невероятная пропажа премьер-министра Австралии Гарольда Холта в 1967 году, просто перешла все разумные границы! Человек, чтобы освежиться в декабрьскую австралийскую жару, нырнул в Тихий океан и до сих пор не вынырнул.

Вот и я, Иван Тафгаев, который умер в возрасте 50-ти лет в 2021 году и невероятным образом переместился в тело 25-ти летнего Тафгаева Ивана в 1971 год, где Брежнев — всегда молодой, тоже загадочно пропал. Что я запомнил перед самой этой пропажей? Да, собственно говоря, всё!

После четвёртой игры на хоккейном турнире имени космонавта Павла Беляева в Череповце, где моё горьковское «Торпедо» досрочно за тур завоевало первое место, был устроен банкет. Тосты, музыка, пьяные танцы, неприятный разговор с главным тренером

команды, в которой я был на птичьих правах, всё это закончилось моим досрочным убытием с чужого праздника жизни. От ресторана «Ленинград», который находился на первом этаже одноименной гостиницы, чтобы подняться в свой номер, мне предстояло всего-навсего пересечь зону ресепшена. И тут, как назло, я встретил защитника и капитана СКА Павла Козлова. Рубашка расстёгнута до пупа, пиджак уже в чём-то белом, на ширинке «день открытых дверей», волосы торчат в разные стороны.

— Э! Иди сюда! — Грозно рыкнул Козлов, который очень хорошо успел навеселиться, что чувствовалось по его нетвёрдой «лунной» походке.

На него испуганно оглянулись две размалёванные «матрёшки», что уже не одну ночь в поте лица «трудились» в нашей гостинице. Ничего, немного осталось жрицам продажной любви потерпеть, ведь через два дня конец хоккейного турнира. А так же из-за назревающего конфликта вздрогнула и напряглась женщина администратор за гостиничной стойкой.

— Я-то подойду, у меня звиздулятор при себе, — я показал каменный кулак, который ещё никого не оставил равнодушным. — Один вопрос, ты уже больничное меню в городской реанимации изучил?

— Мню? Да я щас, сука, из бифштекса кровь твою выбью, — Козлов сделал три кривых и стремительных шага навстречу и его рука с жатым до боли кулаком, словно лопасть вертолёта просвистела в миллиметре от моего подбородка.

Затем тело ленинградского хоккеиста, который сейчас в прямом смысле слова позорил культурную столицу, по инерции занесло и Павел, пытаясь затормозить, схватился за экзотическое растение. Само собой керамический вазон брякнулся на кафельный пол, треснул и развалился на две большие половинки. А вот дальше произошло то, чего я никак не ожидал. Из дверей администратора выскочил наряд блюстителей гостиничного порядка в количестве четырех человек. Один капитан, и ещё трое, вроде как, сержанты или лейтенанты. Но вместо того, чтобы вразумить Козлова, обратившись к загулявшей совести советского спортсмена, товарищи милиционеры окружили мою скромную персону.

— Нарушаем правила поведения в гостинице, — хищно улыбнулся товарищ капитан, а возможно уже, персонально для меня, и гражданин начальник. — Сейчас составим протокол и проследуем за мной. Предъявите паспорт.

И пока я немного офигевал, хоккеист Павел Козлов, который почему-то для товарищей из милиции оставался «человеком невидимкой», резво перебирая всеми четырьмя конечностями, уже практически скрылся из зоны ресепшена.

— Весело у вас тут, в Череповце, — пробормотал я, быстро соображая — кого или кому валить первым.

«Если сломать челюсть толстопузому капитану, и «надавать лещей» ещё троим товарищам милиционерам, то к прокурору не ходи, прощай высшая лига», — пронеслось в голове и перед глазами пролетели яркие моменты хоккейных матчей.

— Товарищ капитан, — я почесал затылок. — Поскользнулся, упал, случайно зацепил пальму, могу возместить за порчу казённого имущества любую сумму в пределах разумного. И готов поклясться всеми наградами ленинского комсомола, что это было сделано мной ненарочно.

— Штраф — это само собой, — капитан вытащил платок из кармана и промокнул запотевший крупный и жирный лоб. — Придётся сесть на пятнадцать суток за избиения человека. Чугуева, ну-ка иди сюда! — Рыкнул милиционер на размалёванную путану, у

которой действительно проглядывал плохо замазанный пудрой бланш под глазом.

Я беспомощно посмотрел на администраторшу гостиницы, но та сделала вид, что её, творящийся здесь «беспредел» абсолютно не касается.

— А может, на первый раз обойдётся выговором с занесением в личное дело? — Я кисло улыбнулся, рассматривая сияющую проститутку Чугуеву, которую не трогал не то чтобы пальцем, но и другими членами моего крепкого и цветущего организма.

— Предъявите паспорт, гражданин Тафгаев, — капитан кивнул одному из своих подчинённых, и тот из бумажной папочки вынул практически готовый протокол. — У нас в Советском союзе никому не позволено хлестать женщину по щекам. Свидетели распишитесь.

В бессовестно-лживый пасквиль о моём буйном нраве внесли дополнение, что я разбил вазон в фойе гостиницы и предложили бумагу на подпись «липовым свидетелям».

— Не серьёзное дело вытанцовывается, — сказал я, пока вторая «жрица любви» и беспринципная администраторша не успели поставить свои закорючки. — Допишите ещё, что я взорвал Храм Христа Спасителя в Москве. Убил тридцать пятого президента Джона Кеннеди в Далласе. И лишил по взаимному согласию девической невинности актрису Мэрилин Монро.

— Ну, товарищ капитан, сейчас мы столько «висяков» закроем! Ух! Раскололся, собака такая, — Обрадовался лейтенантик, записывая мои фантазии в протокол.

«Наверное, кроме родной деревни Дубровки и службы в Советской армии конопатый наивный паренёк ничего в своей жизни больше и не видел», — подумал я, сдерживая смех, видя, как милиционер дописывает про взрыв храма.

— Ты что вторишь! Сука! — Тяжёлая рука товарища капитана залепила звонкую затрещину необразованному лейтенанту, и фуражка отличника боевой и политической подготовки улетела на середину гостиничного фойе «просить милостыню». — Не видишь, гражданин Тафгаев шутит. Такую бумагу испортил, сволочь.

— Ничего сейчас корректором лишнее замажем, — пришла на выручку необразованному молоденькому милиционеру работница гостиницы, зачеркав информацию про взорванный в 1931 году храм. И затем она, и подруга «пострадавшей» Чугуевой, гражданка Никанорова завизировали многострадальный протокол.

«Третий размер груди», — автоматически отметил предательский голос в голове «достоинства» Никаноровой.

«Всё не уймётся, озабоченное животное! А ведь потом, возможно спустя годы всплывёт, что я «избил» женщину! — грустно подумал я, отказываясь подписывать, шитый белыми нитками, повешенный на меня криминал. — Ревнивый муж, княжны Мэри, певицы этой отомстил, гад. А всё из-за тебя, головная моя нервотрёпка!»

— Товарищ начальник, я теперь могу идти? — Кокетливо обратила на себя внимание, мявшаяся от безделья в стороне проститутка Чугуева.

— Смотри у меня! Пока свободна, — погрозил пальцем капитан милиции «ночной бабочке» и снова по-отечески глянул на меня. — Не хочешь подписывать? Ничего, — осклабился он, — у нас в КПЗ хорошо, посидишь, одумаешься, ремонт там новенький сделали.

— Какой? — Удивился молоденький лейтенант, уже подобрав свою фуражку.

— Замок новый на решётку повесили, вот какой, — недовольно пробурчал гражданин начальник. — Давай Кудейкин сопроводи гражданина в номер, чтобы он захватил с собой

верхнюю одежду и туалетные принадлежности. У нас пока не коммунизм, и мы в тюрьме не обязаны выдавать всяким нарушителям законности зубную щётку и зубной порошок.

— А телевизор в камере есть? — Спросил я, стараясь потянуть время и что-нибудь всё же сочинить.

— Есть, — нагло соврал толстопузый блюстителю порядка. — И холодильник есть и магнитофон. Концерт по заявкам, танец с шашками и «Лебединое озеро» я тебе гарантирую. Не тяни резину, Тафгаев, не задерживай рост процента раскрываемости преступлений! Мы, между прочим, взяли повышенные обязательства по этому показателю.

К сожалению, пока я вместе с Кудейкиным ходил в номер, пока меня под белы ручки «поковали» в милицейский раздолбанный на ужасных дорогах УАЗ-452, или в простонародье «буханку», я ничего путного придумать не смог. Однако когда присел в огороженное решётками заднее отделение машины, мозг заработал с удвоенной скоростью, потому что необходимость мигом обострила воспалённый разум.

— Гражданин, капитан, можно вопрос? — Спросил я под тархтение автомобиля довольного проделанной работой толстопузого юмориста. — А вот если товарищ Щёлоков, министр общественного порядка узнает, как тут в Череповце по оговору посадили хоккеиста, которым заинтересовался сам Чернышёв тренер московского «Динамо», он вас наградит или повесит в звании?

— Стой! — Крякнул капитан милиции водителю «буханки». — Что ты, Тафгаев, сейчас сказал?

— Я говорю, что вчера общался с представителем прославленного «динамовского» коллектива, — я тяжело вздохнул, выглядывая одним глазом из-за решётки. — Сам министр заинтересован, чтобы «Динамо» побил в неравной схватке армейцев Москвы и завоевало звание чемпиона СССР по хоккею. Но вы тут в Череповце не осознаёте того, что осознаёт сам товарищ Щёлоков.

— Кхе, кху, кхум, — капитан выразительно прокашлялся, вынул из кармана платок и промокнул лоб и намечающуюся лысину.

— Не хватает Саше Мальцеву такого центра таранного типа как я, — я грустно уставился в окно, за которым просматривался лишь один тускло-жёлтый уличный фонарь.

— Мы сейчас значит, покурим, а ты, то есть вы, товарищ Тафгаев, посидите и подумайте о своём поведении, — капитан милиции шикнул на своих коллег и они все разом вышли на свежий воздух.

«Итак, если подумать, — стал спокойно размышлять я, — сейчас эти оборотни в погонах, которые крышуют местных проституток начнут кумекать: «Правда это или нет, что про меня знает сам всемогущий Щёлоков?» Допустим, кто-то из них видел меня на льду во время турнира — это плюс, но не решающий. Значит, будут звонить своим знакомым в Москву, чтобы те узнали: «А правда ли на меня положил глаз рулевой «Динамо» Чернышёв?» За день этого не сделать. А завтра уже пятница, затем выходные, после которых меня здесь точно не будет. Вот это — реальный плюс!»

— Выметайся, — задняя дверь «буханки» со скрипом отворилась, и на меня посмотрел недовольный разговором с сослуживцами товарищ капитан местного отделения милиции. — Повезло тебе, обормоту, у нас срочный вызов. Но в следующий раз сто раз подумай, прежде чем баб чужих оприходовать.

— Не виноватый я, она сама пришла, — пробурчал я, выпрыгивая из задней двери УАЗика. — В какую сторону мне сейчас идти? Где гостиница-то?

— Шустрый очень, сам найдешь, — пискнул лейтенант Кудейкин, которому сегодня за меня уже влетело.

И стражи порядка больше не говоря ни слова, запрыгнули в свой раздолбанный на ухабах автомобиль и с громким стуком захлопнули двери. «Буханка» борзо затарахтев, напоследок обдала меня неприятными выхлопными газами. Я, оставшись совсем один, покрутил головой по сторонам. Кроме одинокого жёлтого уличного фонаря, везде докуда долетал взгляд, стояла крошечная осенняя тьма. И на небе, как назло, не было ни Луны, ни далёких таинственных звёзд, даже окна домов непривычно были темны.

«Я же говорил — всё обойдется», — хмыкнул голос в голове.

«Если такой умный, скажи куда идти? — я опять покрутился на месте. — Если не знаешь, тогда заткнись навсегда!»

Я посмотрел на наручные «ЗИМовские» часы. Стрелки показывали почти половину первого ночи. «Главное во дворы не соваться», — подумал я и потопал наугад по дороге вымощенной кирпичом. И лишь где-то через полчаса, неизвестно как, я оказался на очень хорошо освещенной улице Ленина, на которой выстроилась вряд четырёхэтажные дома примерно пятидесятих годов постройки.

«Кстати, а здесь же недалеко общежитие училища искусств и культуры! — обрадовался я. — Может заглянуть на огонёк к сестричкам Ане и Тане? Ну а что, час ночи для студентов — это же детское время. Тем более, а вдруг в милиции, хлебнув самогончика и передумав меня отпускать, эти оборотни вернутся за мной в гостиницу? Второй раз шутка про Щелокова может и не проканать. Между прочим, лет так через десять с лишним этого министра освободят от занимаемой должности и исключат из партии, за коррупцию, которую я наблюдал сегодня своими глазами».

Я вильнул во двор, перескочил через канаву, где что-то журчало и плескалось, и остановился внизу напротив окон сестёр близняшек на третьем этаже. Далее маленьким камушком с третьего раза я попал в нужное стекло и помахал девчонкам с еле освещенного тротуара.

«Вот так вот и коннектились сейчас в прошлом без всякого «Фейсбука» и «Контакта», наши папы, мамы, бабушки и дедушки», — улыбнулся я, ведь меня заметили.

* * *

Моё появление в общежитие училища в эту ночь вновь вызвало оживление среди его женского контингента, который требуя новых песен, набился в комнату сестёр близняшек.

«В прошлый раз вроде было как-то гостей поменьше, — подумал я, разглядывая «новеньких» девчонок с музыкальными инструментами. — Смотрю еще, и приделались в кокетливые короткие платья специально для меня».

— Новая дворовая песня из нашего города Горького называется «Что такое осень», — сказал я, почёсывая лоб. — Играется на простых аккордах и простым боем, поётся простым голосом.

— Не томи! — Дунула в флейту самая высокая из девчонок Настя.

Кстати, из-за тесноты, сестричка Таня присев мне на колени и закрыв своими прелестными блондинистыми волосами часть общего обзора, нервно поёрзала упругой попочкой.

«Закругляйся с музыкой, Паганини!» — гаркнул голос в голове.

— Что такое осень? Это небо, — как стихотворения прочитал я, записанные мной слова на тетрадном листке. — Плачущее небо под ногами...

— Давай сюда! — Не выдержала сестричка-гитаристка Аня и выхватила мои почеркушки из рук.

Девушке понадобилось секунд десять, чтобы разобраться в аккордах, и она ангельским голосочком запела песню музыканта Юры Шевчука.

Осень. В небе жгут корабли.

Осень. Мне бы прочь от земли.

Там, где в море тонет печаль

Осень, тёмная даль...

Приятными женским хором грянули будущие музыкальные педагоги. И вдруг в дверь кто-то постучал.

— Коменда, — большими испуганными глазами вперилась в меня Аня. — Лезь под кровать, — с жаром прошептала она.

— Спокойно, — так же шёпотом ответил я. — У нас тут не пьянка, мы репетируем новую песню к празднику Великого октября, который будем отмечать в ноябре. А я ваш новый преподаватель вокала. Открывайте, — скомандовал я, когда стук снова повторился.

Таня мигом встала с моих коленей и взяла в руки нотную тетрадь и ручку, как будто что-то умное записывает. Дверь самая крайняя и самая высокая Настя, перекрестившись, отворила. К облегчению всех на пороге возник с банкой мутной жидкости щуплый, но высокий паренёк в брюках и майке.

— Девочки, а можно мы с вами тоже песню послушаем? — Спросил он, косясь куда-то в сторону, в коридор. — Мы тут этот принесли — «большой привет».

Большим приветом парень назвал банку, на которую сверху была натянута сильно раздутая резиновая перчатка.

— Сколько вас? — Грозно спросила его Настя с флейтой.

— Трое, — робко ответил паренёк.

Девчонки сначала посмотрели на меня, я в свою очередь на сестричек, а лишь затем, махнув рукой, дал добро на то, чтобы «ввели гражданина посла»...

Что такое осень? Это ветер

Вновь играет рваными цепями, — подпевали ребята приятными баритонами:

Осень, доползём ли, долетим ли до ответа,

Что же будет с Родиной и с нами.

Осень, доползем ли, доживём ли до рассвета?

Осень, что же будет завтра с нами...

«Что же будет завтра со мной? — подумал я, щупая упругую попку Тани, которая опять сидела у меня на коленях. — Из «Торпедо» скорее всего, уйду. С Прилепским точно не сыграюсь. Поеду в «Крылья» к Борису Кулагину. У него сейчас кроме тройки Бодунов, Анисин и Лебедев, есть ещё очень перспективный Сергей Капустин. Значит уже в этом сезоне можно как следует пошевелить всех лидеров советского хоккея!»

— Хватит! — Брянькнула по всем струнам гитары близняшка Аня. — Песни попели, брагу выпили, расходимся. Нам ещё нужно к завтрашним занятиям, точнее уже к сегодняшним, подготовиться.

Возражать девушке, видя мою мощную фигуру, никто не посмел и народ, посмеиваясь, начал покидать насиженные места, унося с собой и музыкальные инструменты, и грязные кружки. И остаток ночи мы уже провели втроём.

— Мы к тебе приедем, — шептала Аня, покрывая мою грудь поцелуями.

— Да, мы всё уже решили, — сказала Таня, впившись в мои губы. — Женишься на ком-нибудь из нас, и будем жить вместе.

— Так, что вы ещё придумали? — Спросил я, переворачивая Аню на бок, чтобы значит, доступ кислорода был лучше.

— В деревню надо переезжать, а то запалимся, — ойкнула Аня.

— Правильно, у нас в деревне Васька тракторист тоже живёт с двумя и ничего, — Таня временно отошла в сторону, чтобы попить водички и нам с сестрёнкой не мешать. — Раньше народ косился, шептался, а потом махнули рукой. Он ведь план-то выполняет, на доске почёта висит, а что ещё председателю колхоза надо?

— Да, у нас в стране, ах, да, ах, хорошо, главное план выполнять, — поддержала сестру Аня. — А то так никогда коммунизм и не построим, ах, ой.

— А потом ты с одной разведёшься, а на другой женишься, — добавила ещё одну ценную идею Таня. — Чтобы у нас у каждой были свои фотографии со свадьбы.

— Значит, так и поступим, — сказал я, переворачивая свою партнёршу по строительству коммунизма к себе тыльной стороной. — В этом году я временно занимаюсь хоккеем, в следующем тоже хоккеем у меня на уме, а через два года, если вы меня дождетесь, переквалифицируюсь в трактористы, и едем в колхоз. Но пока девчонки я жениться даже под дулом пистолета не согласен.

— Мы, Ванечка, ой, ах, терпеливые, дождёмся, — тяжело дыша, ответила за себя и сестру Аня.

— Ну, смотрите, я вас за язык не тянул, — я легонько шлёпнул Аньку по упругой попке.

Глава 2

В пятницу 24 сентября на череповецком стадионе «Металлург» я бросил сумку на деревянную из трёх параллельных брусков лавку. Кстати, все бетонные трибуны были покрыты исключительно ими. Ведь мода на цивилизованные пластиковые сиденья сюда ещё не добралась. Между прочим, лавки очень удобны для истинных ценителей футбольного спектакля, пришёл раньше всех, купил билет за 50 копеек, и занял самые лучшие места. И никаких тебе ВИП-лож, где за столик приносят элитные напитки и закуску. Потому что сейчас в 71 году в СССР — почти все равны!

На стадионе же кипела спортивно-физкультурная жизнь. На гаревой дорожке и в виражах за футбольными воротами занимались две группы легкоатлетов. Одни тренировали бег на короткие дистанции, другие прыжок в длину. А на кочковатом футбольном поле подрастающие мастера кожаного мяча, разбившись на пары, отрабатывали длинные передачи с одного края на другой.

Погода была замечательная, наверное, градусов десять по Цельсию, а настроение наоборот — поганое. Главный тренер Прилепский за нарушение режима ночного сна, до тренировки с командой на лёд не допустил. Встал в дверях раздевалки, развёл руки в стороны, как Вицин, Никулин и Моргунов из «Кавказской пленницы» преграждая путь, и завыл:

— Где всю ночь шлялся? Я проверял!

— Не шлялся, а в качестве народного дружинника патрулировал улицы ночного города, — пробурчал я, пытаюсь пролезть в раздевалку. — Мне, между прочим, почётную грамоту на завод обещали прислать за задержание особо опасного нарушителя общественного порядка.

— Какое дежурство? Что ты мелишь? — У Александра Тихоновича вдруг от

нахлынувших негативных эмоций разыгрался нервный тик на лице.

— А что я должен был отказать товарищам из милиции? Сказать, что мне на строящийся развитой социализм с высокой колокольни плевать? — Я тяжело вздохнул. — Я даже глазом моргнуть не успел, как мне прикрутили к руке красную повязку. Вот и пришлось патрулировать всю ночь. Туда по улице и обратно.

— Вот иди и патрулируй дальше, — оттолкнул меня в грудь Прилепский. — От тренировок я тебя отстраняю, и от последней игры с «Химиком» тоже. Куда ты там намылился? В Москву, в «Локомотив»? Скатертью дорога!

— В «Крылья советов», — поправил я тренера, гордо разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

«Я конечно не подарок, но и у главного тренера Прилепского тоже сегодня не день рождения, грустный праздник», — думал я, семеня по крайней бровке футбольного поля.

И первый круг для разминки я прошёл в прогулочном темпе, а затем каждый двадцать метров пошёл с резкими ускорениями. Вообще для хоккея, в который играют короткими сменами, очень важна взрывная работа всех мышц тела. Выносливость тоже нужна, но толку от неё, когда ты шайбы за игру ни разу не коснешься, и будешь везде опаздывать и проваливаться.

На третьем кругу по стадиону, я так лихо рванул, что случайно обогнал бегущих по гаревой дорожке легкоатлетов.

— Ты за какое общество бежишь? — Пристроился рядом со мной тренер местных спринтеров.

— Я бегу исключительно за общество «Защитников животных», — я остановился и принялся делать дальнейшие упражнения для разминки разных групп мышц. — Борюсь тем самым, за сохранение популяции манулов и камышовых котов.

— А зря, — наставник легкоатлетов тоже остановился. — Я бы из тебя сделал бегуна на короткие дистанции. Мы бы с тобой на первенство города, ух бы как пошумели.

— Послушайте, уважаемый, если вам судьба котов и манулов безразлична, то не мешайте тренировочному процессу, — не выдержал я. — У вас тут в Череповце хоккейный турнир проходит памяти космонавта Беляева. Хоккеист я, ёшкин кот.

— Хоккеист? Тренируешься один и без наставника? — Товарищ в синем спортивном костюме удивился так, как будто я что-то подозрительное съел.

— Когда есть цель, то уже не важно, контролирует тебя тренер или нет. Привет лёгкой атлетике, — я махнул рукой и посеменял к зрительской трибуне, где бетонные ступеньки, ведущие вверх, можно было использовать для прыжков с места.

Где-то десять минут я корпел над этим занятием, прыжками через ступеньку вверх. И вдруг заметил неприятную и подозрительную для меня активность нескольких непонятных товарищей около моей сумки. Там конечно кроме сменной свежей футболки и свитера нет ничего, но это видать пришли по мою душу. Я немедленно прекратил упражнения и двинулся навстречу «приключениям».

Ещё издали я рассмотрел этих парней. Широкие штаны, короткие из темно-серой материи куртки. Причёмски под «ёжик», носы сбитые, на пальцах наколки. Про телосложение из-за одежды я судить не взялся.

«Сидельцы, — матюгнулся я про себя. — Хорошо хоть всего пять штук».

— Здравствуйте, товарищи мазурики, — улыбнулся я, медленно сокращая дистанцию. — Набор в кружок «Здоровье» временно прекращён. Так что предлагаю мирно рассосаться,

чтобы избежать напрасных обид по поводу уязвленного самолюбия.

— Чё такое базаришь, фуфел? — Ухмыльнулся один из братков, смачно плюнув на гаревую дорожку.

И в следующий момент, я даже сам не успел сообразить, как рука сама собой резко выпрямилась, и кулак воткнулся точно в челюсть нехорошего человека, то есть «редиски». К сожалению для себя пострадавший мало того что меня разозлил, так он ещё и стоял на первой ступеньки зрительских трибун. Поэтому падение вышло как в индийском кино, неправдоподобно красивым.

— Жаль, что погода сегодня для загара неподходящая, — сказал я, потирая кулак. — Красиво лёг, руки в стороны, ноги врозь.

— Ты чё творишь, сука! — Взвизгнул один, но вместо того чтобы наброситься на меня разом, все сидельцы сделали шаг назад.

— Я же намекнул, что у меня нервы слабые, а удар сильный, так что ж вы за языком не следите, граждане мазурики? — Я внутренне уже приготовился вырубить ещё кого-нибудь, поэтому поставил ноги немного шире, чем в повседневной жизни.

И тут один из оставшейся крутой четвёрки нажал на кнопку, и в его руке со щелчком раскрылось кривое лезвие перочинного ножа. Единственное что мне оставалось это схватить в левую руку свою сумку, чтобы была возможность ей заблокировать удар колющим и режущим предметом. И в тот же момент нож вылетел мне в живот, а я же отмахнулся сумкой как теннисной ракеткой. И о чудо, лезвие, пробив кожаную боковину, застряло внутри неё.

— Там же свитер, сучара! — Гаркнул я и ринулся добивать тех, до кого успел дотянуться.

А успел я дотянуться почти до всех, кроме самого шустрого и, по всей видимости, самого умного, который не полез в драку. Он отскочил метра на четыре и досмотрел избиение своих товарищей со стороны. Выглядело это жёстко и жестоко, так как когда я немного успокоился, кровищи вокруг уже было в избытке. Кстати, все кто в это время занимался на стадионе спортом и оздоравливающей тело физкультурой тоже уставились на меня и лежащих в ряд уркаганов. Я выдохнул и посмотрел на последнего мазурика.

— Чего хоть мне сказать-то хотели? — Спросил я. — И кто теперь за свитер и сумку казённую заплатит?

— Если из пацанов хоть кто-нибудь копыта откинет, тебя же посадят, — осклабился последний уркаганчик.

— Чё с ними будет, с безмозглыми, — я пихнул одного носком ноги и тот тихо простонал. — Синяки заживут, а зубы потом вставят фирменные из железа. Ещё будут хвастаться, что в одиночку против кофлы отбивались. Короче, пока доблестная милиция не нарисовалась, чего хотели-то?

— Сам знаешь, чтоб баб чужих не мацал, — бандит в очередной раз сплюнул на гаревую дорожку и прищурился, якобы запомнит меня надолго и достанет даже на дне морском.

— Идиоты, — пробурчал я и стал обшаривать карманы временно недееспособных бойцов криминального фронта. — Триста рублей, — я показал деньги бандиту, — забрал в качестве моральной компенсации. Всё, не кашляй.

После чего я схватил все свои вещи в руки и «сделал ноги».

«Блатные ментам жаловаться не станут, и свидетели, скорее всего тоже не захотят связываться, — подумал я. — А вот отомстить бывшие сидельцы могут. Но сегодня в пятницу они пока придут в себя, залижут раны, побухают. Завтра к вечеру проспят, а уже в

ночь на воскресенье меня здесь не будет. Дырку они от бублика получают, а не Ваню Тафгаева!»

* * *

На обеде в ресторане гостиницы «Ленинград» я специально сел за свободный столик отдельно от всей команды.

«Хороши одноклубники, меня Прилепский до тренировки не допустил, хоть бы один хоть что-то против вякнул, — зло подумал я. — Всё, решено, в понедельник, вторник привожу в порядок документы, забираю трудовую книжку с автозавода, и в вечерней школе тоже попытаюсь выправить аттестат о восьмилетнем образовании. И здравствуй столица Родины — Москва, привет «Крылья советов». Сегодня ещё с Борисом Кулагиным переговорю».

— Здравствуй, Иван, — напротив меня присел тренер армейцев из Ленинграда интеллигентнейший Николай Пучков. — Я слышал ты в «Крылья» собрался?

«Вот те раз! — подумал я. — Никому ничего сказать ещё не успел, а уже итак все всё знают!»

— Николай Георгиевич, — я отставил тарелку с супом в сторону, — вы же умнейший человек. Мне сейчас двадцать пять лет. Это значит, что на высоком уровне я отыграю в лучшем случае семь — восемь сезонов. У «Крыльев» команда сейчас очень сильная подобралась. С ними можно уже в этом году и чемпионат взять и в сборную взлететь. Вот мои приоритеты.

— Ясно. А если тебя в ЦСКА позовут, в ЦСКА побежишь? — Кисло улыбнулся Пучков.

— Вот туда я точно не побегу. Анатолий Тарасов — это же диктатор. А я извините, не винтик, и не шпунтик, чтобы мной помывали как неодушевлённым предметом, — сочтя разговор законченным, я опять углубился ложкой в тарелку с супом.

Однако поесть мне не дали, сначала за столик подсел тренер воскресенского «Химика» Николай Эпштейн, затем тренер московского «Локомотива» Анатолий Костюков. И разговор с ними вышел почти-что один в один, как и с Пучковым. Я снова объяснял, что мне уже не семнадцать лет, что мои приоритеты — это сборная и победа в чемпионате СССР, что это невозможно ни с «Химиком» ни с «Локомотивом». И по поводу ЦСКА я так же высказался, что с диктаторами мне не по пути.

В общем, плюнув на похолодевшие макароны и залпом опрокинув в себя компот, я хотел было уже заглянуть в гостиничный номер на «тихий час», как рядом «вырос» Александр Прилепский. По лицу главного тренера было не совсем понятно, чем он сейчас не доволен. Тем, что вокруг меня как вороны кружат тренеры других команд, либо тем, что его воспитательная метода не находит отклика в моём сердце.

— Через три часа у нас тренировка по ОФП здесь на стадионе «Металлург», не соблаговолите ли вы принять в ней участие? — Криво улыбнулся Прилепский.

— Не соблаг не сболага не сговолю. Как то так, Александр Тихонович, — развёл я руки в стороны. — Пойду сегодня в библиотеку, рассказ «Каштанка» надо бы дочитать. Интересно чем там дело всё-таки закончилось.

— Лыжи наострил, предатель, — главный тренер, презрительно махнув рукой, быстрым шагом покинул ресторан.

И тут же за столик плюхнулся администратор нашей команды Дмитрич, полноватый мужчина лет пятидесяти с большой проплешиной на голове.

— Жарко чего-то сегодня, — Дмитрич промокнул платочком все, что было можно на

своей голове. — Иван, ты это не спеши пока с «Крыльями». В воскресенье вернёмся в Горький, а в понедельник в часиков так шесть вечера будет встреча с руководством завода. Давай там с директором Иван Ивановичем Киселёвым переговорим. Что тебя в «Торпедо» не устраивает?

— Я конечно патриот и города Горького и нашего Автозаводского района, но не идиот, — я грустно улыбнулся. — Загибай пальцы, Михал Дмитрич. В Москве меня ждёт квартира, примерно через год, машина. Борьба за призовое место в чемпионате СССР и возможность заиграть в сборной команде страны. Вон Валерий Васильев из «Динамо» тоже наш горьковчанин, играя в Москве, прославляет и город наш и область. И я так хочу. Ну и последнее, с Прилепским не споёмся.

— Машину и квартиру и мы сможем добыть, — засуетился администратор команды, что-то перебирая в своём потёртом портфеле. Наверное, просто так, на нервной почве. — И всё-таки давай переговорим с директором завода. Не руби с плеча. Смотри, как здорово с молодыми сыгрался, с Ковиным и Скворцовым. А?

— До вторника я всё равно буду в Горьком. От разговоров с директором от меня хоть и не убудет, но и не прибудет, — я пожал плечами.

* * *

Смех смехом, а в библиотеку Череповца я всё-таки решил заглянуть. В номере киснуть было скучно. По городу гулять опасно. А библиотека, она тут стоит рядом с гостиницей «Ленинград», самое безопасное место на данный момент. Сами посудите, кто в здравом уме будет искать хоккеиста-дуболома среди полок с пыльными томами мировой и отечественной литературной классики. И когда моя мощная фигура появилась на втором этаже читального зала, в больших испуганных глазах библиотекарши я прочитал немой вопрос: «Чего тебе надобно дылда?»

«Хорошая баба, грудь колесом, — завёл свою надоевшую мне «дуделку» голос в черепной коробке. — Жаль, одета не по моде».

— Вы хотите что-нибудь почитать? — Удивилась женщина лет сорока, которая действительно была одета в немного устаревший наряд, потёртый жакет и бабушкину блузку в горошек.

— Чтение — вот лучшее учение, — пробубнил я, оглядывая зал.

За ближними столами тихо шуршали страницами несколько пионеров, а за самым дальним столом прятался дедушка «божий одуванчик». «Может быть, мемуары выдумывает», — подумал я.

— Мне бы подписку газеты «Советский спорт» за последние три года, — ответил я библиотекарше. — А то отстал от жизни. Смутно представляю — кто сейчас на спортивном Олимпе в авангарде, а кто в арьергарде?

— Пожалуйста, ваш читательский билет? — Пролепетала библиотекарша.

— Вот, — я вытащил из безразмерного кармана плаща шоколадку «Цирк», где на обёртке балерина в красном платье стояла на лихом скакуне. — Понимаю, что это не совсем читательский билет, но другого документа на сегодня не имею. Да и мне бы вместо томика «Пушкина» полистать здесь подшивку газет.

— Не положено, — женщина как-то разом покраснела и очень глубоко задышала, как будто я предложил какой-то интим.

— Да дай ему, — на выручку библиотекарше бальзаковского возраста пришла шустрая бабушка, которая уже перешагнула этот возрастной рубеж. — Видишь взгляд какой

наглючий.

«Да, не отвяжемся», — вдруг вступился за меня голос в голове.

— Вот ещё, — я вынул ещё один «Цирк», который купил так-то для себя.

— Какие газеты листать собрался, чемпион? — Шустрая бабуля отодвинула в сторону свою коллегу и спрятала шоколад в ящике стола.

— Подшивку «Советского спорта» за 68, 69 и 70-й год, — ответил я.

Первое, что меня удивило — это то, что никакой великой тройки нападения, где Харламов феерил вместе с Михайловым и Петровым не было и в помине. В 68 году Михайлов и Петров играли с Александровым, а Валерий Харламов лишь выходил на замену в других сочетаниях. А вот уже в 69 году Михайлов, Петров и Харламов играли вместе и в клубе, и в сборной.

«Если заиграю в «Крыльях» сложнее всего придётся против этой троицы, — подумал я, просматривая статьи об игре сборной СССР в сезоне 1970–1971 года. — Забавно, что чемпионат мира 1971 года в Швейцарии стартовал 19 марта. То есть с таким диким календарём — внутренний чемпионат просто фикция какая-то! Нормальный чемпионат страны если начинается в сентябре, то должен заканчиваться минимум в апреле. Хотя нет, я не прав! Чемпионат мира закончили 3 апреля, а уже 5 апреля продолжился чемпионат СССР. Дурдом!»

А вот две игры чемпионата мира, 24 марта и 1 апреля с чехословаками меня особенно заинтересовали. Потому что в первом матче наши сыграли вничью 3: 3, и там на 43 минуте счёт сравнял Петров с подачи Харламова. А во второй игре чехи нашу сборную вообще обыграли 5: 2.

«Эх, посмотреть бы видеозапись хоккейной встречи, — подумал я. — Много полезного можно подчеркнуть у чехословацких товарищей в том, как они сдерживали тройки Михайлов, Петров, Харламов и сочетание Викулов, Мальцев, Фирсов. Сейчас бы сюда ещё ручку с тетрадкой».

Я оторвал голову от подшивки газет и вздрогнул, так как на меня уставился дедушка «божий одуванчик», и смотрел он на меня, не мигая, скорее всего, уже минуты две.

— Хоккеем интересуетесь молодой человек? — Старческим «потрескавшимся» голосом спросил он.

— Так, шайба, клюшка, и судья, наши лучшие друзья, — усмехнулся я.

— Неважнецки сыграли мы с чехами на чемпионате мира в Женеве, — тяжело вздохнул дедушка. — А ведь следующее первенство будет в Праге. А там после 68 года играть — это как плясать в кратере вулкана. Поддержка трибун, самоотдача игроков.

— Может быть, не ездить? — Я честно посмотрел в честные глаза дедушки.

— Танки не надо было вводить, — обиженно пробубнил он. — А вам молодым всё шуточки.

То, что в 72 году мы станем вторыми, я отлично помнил. Опять одну игру с ЧССР сведём вничью, а вторую проиграем. И вечные «спасители хоккейной чести страны» шведы нам не помогут, наоборот, дважды уступят чехам. Да ещё с нами в ничего не значащей последней игре сыграют вничью. А вот детально кто был в составе, как развивались события на льду, я основательно запомнил.

«Ладно, посмотрим из чего состоит «Спартак» и «Динамо», — усмехнулся я про себя. — Чего переживать о 72 годе? Ведь будущее ещё может измениться. Это я теперь точно знаю».

За оставшееся до закрытия библиотеки время я сначала посмотрел календарь нового хоккейного сезона, а затем вновь принялся изучать будущих противников. Оказалось, что лучшая пятёрка московских «Динамоцев» — это защитники Васильев и Давыдов, а так же тройка нападения: Чичурин, Мальцев и Белоножкин. Сразу почему-то пришёл на ум электроник — Сыроежки, которого хулиган Гусев обзывал Сыроножкиным и даже Сыропопкиным.

«В общем, смотреть надо живьём, как «Динамо» сейчас играет, — подумал я. — Ничего мне фамилии Чичурин и Белоножкин не говорят».

А вот «Спартак» имея в своём распоряжении такую россыпь талантов, как Зимин, Шадрин, Старшинов, Якушев, Шалимов, Паладьев, прошлый сезон 1970–1971 года отыграл слабо. Неожиданно уступил третье место армейцам из Ленинграда. Кстати, первым в чемпионате стало ожидаемо — ЦСКА, а вторым московское «Динамо».

«Ого, а в этом сезоне у «Спартака» новый тренер. Бориса Майорова сменил Юрий Баулин, — я почесал свой затылок. — Кто такой Юрий Баулин? И зачем турнули Борю Майорова? Жаль меня не зовут в «Спартак», с таким составом, мы бы пошумели основательно».

— Библиотека закрывается, — робко окликнула меня библиотекарьша бальзаковского возраста.

— А можно я ещё полчаса полистаю прессу, — взмолился я. — А потом я вас до дома провожу, чтобы по такой темноте никто не обидел.

— Не положено, — пролепетала женщина.

— Так и быть, провожу вас без всяких дополнительных условий, а газеты досмотрю завтра, — улыбнулся я.

«Правильно мыслишь! — оживился надоедливый голос. — Хорошая женщина».

По тёмным череповецким улицам мы с Олесей Сергеевной, так звали более молодую библиотекарьшу шли молча. Я думал о своём, о хоккее, а она тоже о своём, о женском. По дороге зашли в гастроном, что размещался на первом этаже обыкновенной хрущевской пятиэтажки. Олеся Сергеевна купила каких-то костей для супа или холодца. А я пока женщина стояла в очереди, взял бутылку с кефиром, который был запечатан пробкой из толстой фольги. И не покидая пределов торгового павильона, выпил содержимое залпом.

— Бутылочку сдавать будете? — Ко мне подошёл какой-то мужчина с помятым лицом и характерным вечерне-пятничным запахом.

— Сколько сейчас за такую стеклотару дают? — Поинтересовался я, протягивая бутылку мужчине.

— 15 копеек, — грустно вздохнул он. — Может, ещё рублик подкинешь, добрый человек? На чекушку не хватает.

— Вот тебе полтинники и не наглей, — я отдал пятьдесят копеек страдальцу, развернул его к себе спиной и легонько подтолкнул в сторону светлого будущего, которое для кое-кого, как правило, наступало с принятием определённого количества допинга.

Дорога от гастронома до квартиры Олеси Сергеевны прошла уже более весело, с разговорами и с невинными шуточками. Я врал про свои успехи на хоккейном поприще, рассказывал, что специально за мной прилетал скаут из НХЛ, и обещал мне трёхэтажный дом на берегу озера Мичиган и трёхлетний контракт с клубом «Чикаго Блек Хокс». Но в последний момент, примчались товарищи из определённых органов и отправили в Череповец на перевоспитание. А Олеся жаловалась на одиночество и на то, что здесь нет ни

оперы, ни балета, ни Государственной Третьяковской картинной галереи.

— Да, это не Рио-де-Жанейро, — согласился я, когда мы остановились около первого подъезда серой и мрачной пятиэтажки.

— Зайдёте ко мне? Я вам суп приготовлю, — сказала женщина, скромно опустив голову.

— А давайте поступим так, — я тяжело вздохнул, — я сейчас к вам зайду, вас поцелую и сразу же уйду. И вам будет что вспомнить, и я меня совесть не будет мучить, что воспользовался вашим одиночеством.

«Ты это, лапшу-то Олеся не вешай, зайдёт он только и выйдет, — заворчал голос в голове. — Где это такое видано, чтоб заходили в таких обстоятельствах и сразу выходили?!»

Глава 3

В свой номер в гостиницу я вернулся естественно на заре и повалился, не снимая плаща, прямо поверх одеяла. Вымотался за ночь как на тренировке, потому что внешность бывает обманчива и в «тихом омуте» может совсем неожиданно водиться кто угодно.

Первым протёр заспанные глаза Сашка Скворцов.

— Опять гербарий собирал? — Ухмыльнулся он.

— В планетарий ходил, — пробубнил я, не открывая глаз.

— До утра? — Привстал паренёк.

— А до сколько? — Я всё же решил лечь досыпать без одежды, поэтому встал и повесил свой единственный плащ в одежный шкаф на вешалку. — Ты пойми, Скворец, в нашей спиралевидной галактике Млечный Путь примерно четыреста миллиардов звёзд. Пока все названия запоминал ночь и прошла.

— Заливаешь, — высунулся из-под одеяла Вовка Ковин.

— Вот считай, — я снял остальную одежду и бухнулся на кровать. — Сириус — раз, Альдебаран — два, Антарес — три и так далее. Всё, давайте спать, — скомандовал я и отрубился.

* * *

На завтраке, где нам подали манную кашу и варёные яйца, ко мне за стол подсел главный тренер Прилепский.

— Поговорим серьёзно? — Уставился он на жующего меня.

— А вы уже в курсе? — Спросил я Александра Тихоновича, с трудом проглотив большой кусок ещё не переваренной пищи.

— В чём? — Напрягся тренер.

— Дальние родственники, так, седьмая вода на киселе, прислали мне вызов в США, — я глотнул компотика, наблюдая, как медленно закипает Тихонич. — Не знаю как, но меня пригласили на просмотр в НХЛ, клуб «Чикаго Блек Хокс». Между прочим, команду назвали в честь знаменитого индейского вождя Черный Ястреб Гойко Митич Большой Змей.

— Сука! — Прилепский грохнул кулаком об стол, и вверх подпрыгнуло всё, что я не успел зафиксировать рукой. — Хотел же поговорить с тобой как с человеком! Мать твою! Что ты мне мозги нервируешь?!

— Александр Тихонович, тише, выведут, — прошептал я оглядываясь.

— Сука! — Главный тренер вскочил. — На игру можешь даже не переодеваться. Из команды я тебя исключаю. Окончательно!

— А, между прочим, там, в Чикаго для заливки льда ещё один человек требуется, — я равнодушно развалился на кресле, отправляя второе варёное яйцо себе в рот.

После весёлого представления из ресторана я вышел и сытый, и довольный. Однако в фойе меня тормознула какая-то смутно знакомая группа людей, человек восемь, в простеньких, но всё же деловых костюмах. В точно таких же уже вторую неделю здесь по гостинице перемещались хоккеисты из Москвы, Воскресенска и Питера, то есть Ленинграда.

— Чё он на тебя так орал? — Поздоровавшись со мной, спросил смутно знакомый парень.

— Что орал? — Я махнул рукой. — Да, пьяный напился вот и орал. А у вас, мужики, ко мне дело какое, или просто поболтать не с кем?

— Да это я, Володя Шеповалов, вратарь из СКА, — удивился высокий и белобрысый парень. — Ты же играл против меня. Это Валерка Зубарев из «Химика», это вратарь Саша Сидельников из «Крыльев».

— Вратари мы, — кивнул Сидельников.

— То-то я и смотрю, где-то я вас уже видел, — усмехнулся я. — Вы же на поле в масках стоите. Напугали вы меня мужики, думал, опять кого-то бить придётся.

— Мы, это, — замялся Шеповалов, — у Витьки Коноваленко по поводу нового шлема вратарского спрашивали. Так он к тебе посылает. Ну, так как? Это...

— Тоже такие хотим, — добавил более решительно будущий второй вратарь сборной СССР Саша Сидельников.

— Да, да, — закивали другие вратари, которые пока были в своих клубах на вторых ролях.

— Хотеть не вредно, вредно не хотеть, — крикнул я. — Пошли, — я кивнул головой и повёл вратарскую братию к гостиничной стойке. — Возьмите ручки, бумажки, будем писать заявку на имя директора завода «ГАЗ» товарища Киселёва И. И.

Я дождался пока вратари поудобней устроятся, согнувшись крючком около напряжённого администратора гостиницы.

— Вы чего писать удумали? — Заволновалась администраторша, которая ещё недавно была свидетелем по моему «липовому» делу.

— Спокойно, хоккеисты кляузами не занимаются, — я поднял руку как на партсобрании. — Итак, — я посмотрел на вратарей, — шапка на «Заявке» стандартная. Директору «ГАЗ» Киселёву от такого-то вратаря, такого-то клуба. Далее большими буквами посередине пишем — «Заявка», точка. Ниже: на получение вратарского шлема фирмы «ГАЗ». Текст заявки такой: «В целях повышения мастерства голкиперов отечественной вратарской школы, и последующих побед на международной арене в турнирах различной значимости, прошу обеспечить вратарским шлемом новой конструкции. Количество — одна штука, стоимость — 300 рублей. Дата, подпись. Чего не пишем, сколы мои ясные?

— Не дороговато ли, триста целковых? — Почесал затылок Сидельников.

— А зубы новые вставлять, а лечить переломы лицевых костей, это как, дёшево? — Я немного «вскипел». — Вы соображаете, что будет, если шайба случайно угодит в шею? То-то и оно!

— Кому заявки отдавать? — Обречённо пролепетал Володя Шеповалов из Ленинграда.

— Мне, — я хлопнул рукой по гостиничной стойке. — В понедельник лично их предоставлю директору завода. Наше дело правое, враг будет разбит, а шлемы своевременно изготовлены и выданы.

* * *

На этот последний день турнира памяти космонавта Беляева организаторы назначили

сразу три последних матча. Первыми в полдень должны были сыграть «Локомотив» из Москвы и местный череповецкий «Металлург». Далее «Крылья советов» — СКА и завершающей игре наше «Торпедо» должно было скрестить клюшки с «Химиком» из Воскресенска. В турнирной же таблице перед последним туром наблюдался полнейший хаос. На второе место претендовали сразу четыре команды. Ведь «Химик» имел 5 очков, «Крылья» — 4, СКА и «Металлург» по 3 очка. Ничего не светило лишь «Локомотиву», который после четырёх игр наскрёб всего одно жалкое очко.

Для нашей команды «Торпедо» с восемью очками последний тур был лишь формальностью. Поэтому Прилепский хоть и испортил со мной настроение сегодня утром, всё равно ходил по спортивному дворцу «Алмаз» гоголем. И даже несколько с высоко посматривал на своих более именитых коллег по тренерскому цеху, на Кулагина, Эпштейна, Пучкова и Кострюкова. Турнир-то хоть и товарищеский, но самооценку поднимает знатно.

Тренировки на этот субботний день не назначались, и народ в прямом смысле маялся от безделья и скуки. Многие хоккеисты уже очень хотели домой, так как Череповец — это не город курорт на берегу тёплого Средиземного моря. Да и деньги почти все уже были потрачены на разные сомнительные развлечения. Кто-то, как и я, зашёл в «Алмаз» посмотреть игру других команд, кто-то хмуро «давил массу» в номере гостиницы «Ленинград».

— Здравствуй, Иван, — ко мне подошёл жилистый худосочный светловолосый мужчина лет тридцати. — Я научный руководитель «Крыльев», Вячеслав Колосков.

Я пожал руку и внимательно пригляделся. Действительно Колосков, будущий спортивный футбольный функционер. Оказывается, научной работой сейчас занимается, причём в хоккее. Наверное, обвешивая датчиками спортсменов и снимая какие-то показатели даже диссертацию защитит. Только вот, когда я играл и тренировался в 90-е в США с командой низшей лиги «Уилинг Тандербёрдс», да и здесь в России, ни про какие наработки Колоскова и слыхом не слыхивал. И вообще странное дело, одни, теряя здоровье на хоккейном льду, после завершения игроцкой карьеры останутся не у дел. А другие, занимаясь чем-то околохоккейном, получают в будущем прекрасную должность.

— Ты же вроде уже согласился на переход в нашу команду, какая может Америка? — Удивился Колосков. — Какая НХЛ? Ты чего, это же подсудное дело?

— Ну и скорость тут распространения слухов, — присвистнул я, — прямо хоккейная. «С такой скоростью, через неделю и до Чикаго долетит весть, что они, оказывается, предложили трёхлетний контракт неизвестному русскому хоккеисту», — подумал я.

— Ни в какую Америку не лечу, передумал, — я почесал затылок. — В Москве же буду в среду, 29 сентября, за два дня в Горьком с документами все вопросы закрою. Координаты оставьте, куда подъехать, с кем связаться.

— Вот и правильно, держи визитку, — Колосков протянул мне маленький прямоугольный картонный прямоугольник, на котором ручкой был начертан телефон и гордая подпись «Научный руководитель Вячеслав Колосков».

— Вы чего, совсем берега попутали?! — Налетел на Колоскова наш администратор Дмитрич, который тоже заглянул во дворец спорта на хоккей. — На ходу подмётки рвёте! Тафгаев не продаётся! Мало вам в «Крылья советов» из ЦСКА ребят натаскали?! Ещё и тренера Кулагина заполучили!

— Ты же знаешь, что Лебедева, Бодунова и Анисина Тарасов сам списал за профнепригодность, — опешил от напора нашего администратора Колосков. — А Борис

Кулагин хоть и не удачно поработал с ЦСКА в начале прошлого сезона, однако он классный специалист и заслужил самостоятельной тренерской деятельности.

Я сразу вспомнил статьи из «Советского спорта», в которых писалось, что по ходу сезона 1970–1971 года, пока Анатолий Тарасов писал диссертацию, Кулагин как главный тренер провалился. Потерял управление командой, внутри коллектива упала спортивная дисциплина, и поэтому Анатолий Владимирович снова пришёл на тренерский мостик, как спаситель. И само собой, ЦСКА тут же выдал беспроигрышную серию и победил в чемпионате СССР.

Как по мне, то Кулагина элементарно «сплавили» хоккеисты, по просьбе Анатолия Владимировича. Ну, какая диссертация в начале сезона? Об этом многие в кулуарах знали, но старались ситуацию не афишировать. Иначе бы «специалиста неудачника» не позвали бы тренировать одну из самых сильных команд страны. Да и ЦСКА так сразу не заиграл, если хоккеисты были бы растренированы.

— Иван, ты же обещал, что мы сначала поговорим с директором завода? — Дмитрич дёрнул меня за руку.

— Я от своих слов не отказываюсь, — ответил я. — Мне всё равно в понедельник в первой половине дня нужно будет подписать обходной лист, забрать «Трудовую книжку» из отдела кадров. А вечером на встрече команды с директором «ГАЗ» я обязательно буду. Ладно, я пошёл.

— Куда? — Разом спросив, разволновались и Колосков, и наш администратор Дмитрич.

— Сейчас же хоккей начнётся «Локомотивом» — «Металлург», — проблеял Михаил Дмитрич, предчувствуя, что «жирная рыбка» в моём лице безвозвратно уплывает из «Торпедо».

— Что-то расхотелось игру смотреть. Пойду в библиотеку, почитаю советские газеты, которые иногда сеют разумное, доброе и вечное, — я помахал обоим административным работникам ручкой.

Глава 4

Когда перед последней игрой я вернулся во дворец спорта «Алмаз», то первым делом обратил внимание на таблицу хоккейного турнира, которая висела практически у входа. Она из себя представляла прямоугольный кусок фанеры, на который были прикручены самодельные деревянные желобки. В эти желобки и вставлялась, написанная на плотной бумаге, вся информация, связанная с игрой команд. Вот такое вот современное «электронное табло»:

	И	В	Н	П	Разница	Очки
1. «Торпедо» Горький	4	4	0	0	24 -15	8
2. «Крылья советов» Москва	5	3	0	2	26 -17	6
3. «Химик» Воскресенск	4	2	1	1	19 -14	5
4. «Металлург» Череповец	5	2	1	2	22 -27	5
5. СКА Ленинград	5	1	1	3	11 -21	3
6. «Локомотив» Москва	5	0	1	4	17 — 27	1

«Ого, а местный «Металлург» — шустряки, — подумал я. — Конечно, они играли каждый матч с форой в две забитые шайбы, но всё равно это же команда даже не первой лиги, а второй. Или как сейчас принято говорить команда класса «А», вторая лига, западная зона. Ниже только команды класса «Б». Кстати, известная по выступлениям Валеры Харламова «Звезда» Чебаркуль сейчас играла тоже во второй лиге, но в восточной зоне. — Я

ещё раз оглядел турнирную таблицу. — Получается, что если «Химик» нас сейчас обыграет, то займёт второе место, а иначе только третье, ничья их не устраивает».

Не знаю почему, но вдруг захотелось подбодрить ребят, сказать им пару ласковых напутствий. И поэтому ноги сами собой повели меня к служебному входу, который вёл в подтрибунные помещения. На двери в закрытый мир хоккейного закулисья дежурил бдительный сотрудник милиции. Отутюженная форма темно-серого цвета, фуражка с кокардой и со здоровенной блестящей эмблемой, брючки, китель, ботиночки, синяя рубашка с галстучком, в общем, ничего угрожающего милиционер на себе не имел.

Я показал стражу порядка временное удостоверение с своей жуткой фотографией, в котором говорилось, что я являюсь хоккеистом горьковского «Торпедо». На что блюститель порядка равнодушно махнул рукой.

— Проходите, товарищ Тафгаев, — сказал он. — Опаздываете, ваши уже переодеваются.

— К сожалению, сегодня не играю, пора дать дорогу запасным, — хмыкнул я.

— Ну и зря, конечно игра турнирного значения не имеет, но многие сюда как раз на вас посмотреть пришли. Это же целое искусство, врезать так, чтобы и больно было и по правилам, — улыбнулся милиционер.

— Когда амбиции отдельного человека перевешивают здравый смысл, логику искать бесполезно, — я махнул рукой.

— У вас значит в хоккее так же, как и у нас в отделении, — милиционер, вдруг осознав, что ляпнул лишнего, закашлялся и добавил. — А хорошо у нас в Советском союзе с хоккеем, правда?

— Думаю, на Олимпиаде в Саппоро победим, — я посмотрел по сторонам и двинул в раздевалку пока ещё своей команды.

В коридоре, где давно уже требовался ремонт, я миновал несколько закрытых дверей, судейскую комнату, раздевалку команды «Химик» и наконец, вошёл в нашу комнату, по которой были разбросаны вывернутые настежь баулы с хоккейной амуницией. Ребята, весело переговариваясь, завершали священный для каждого игрока ритуал завязывания коньков. Кто-то считал, что хорошая примета надевать коньки с левой ноги, а кто-то, наоборот, с правой. Лично мне было по барабану.

Вратарь Витя Коноваленко сидел отрешённо глядя куда-то в пустоту, ничего вокруг не видя и не слыша. Тем самым настраивался на игру, в которой по его признанию в него кидали булыжники, а он не имел права отвернуться.

Я молча кивнул всем ребятам и прошёл в тот угол, где переодевался сам, и где сейчас сидели мои молодые партнёры по тройке нападения: Ковин и Скворцов.

— С кем сегодня играете? — Спросил я Сашку Скворцова.

— В центре будет с нами Витя Доброхотов, — кивнул он.

— Старайтесь в силовую борьбу не вязаться, ваши козыри скорость и быстрая игра в пас, — сказал я, понимая, что в таком сочетании их сегодня здоровые мужики просто задавят. — Давайте удачи.

— Тафгай! — Окрикнул меня Коля Свистухин, который сегодня был капитаном команды. — Ты уже всё, окончательно в «Крылья» перешёл?

И в раздевалке разом наступила тишина, и даже Коноваленко прервал свою предигровую медитацию.

— Да вот пока решаю, в «Крылья» мне ехать или в «Чикаго Блэк Хокс», — грустно усмехнулся я.

Зато мои бывшие партнёры по команде весело и дружно заражали.

* * *

На трибуне череповецкого «Алмаза» неожиданно мне компания составил широкоплечий и улыбчивый парень с вьющимися волосами лет примерно тридцати, который представился, как Игорь Кириллов администратор команды «Крылья советов».

«Основательно за меня взялись, — подумал я. — Сначала главный тренер поговорил, затем научный руководитель, сейчас уже и администратор».

— Это же Москва! Ты пойми парень, там столько возможностей! — Твердил мне на ухо Кириллов, пока я смотрел на площадку, где «Химик» конкретно загнал моих торпедовцев в глухую оборону. — А какие театры! «Современник», «Ленком», «Таганка»!

— Да, я театр не очень люблю, — пробормотал я, когда нападающий воскресенцев со смешной фамилией Жучок чуть-чуть не открыл счёт.

— Эх! — Ухнули разом трибуны, так как шайба скользнула по перекладине ворот и улетела в ограждающую зрителей сетку.

Администратора же «Крыльев» происходящая на льду игра мало волновала, поэтому он продолжил:

— Не нравятся театры? Тогда есть музеи. Оружейная палата, Третьяковская галерея...

— А фрески в Новодевичьем монастыре есть? — Попытался пошутить я, но мой «покупатель» из московской команды прикола не понял и, замахав руками, заявил:

— Да фресок в Москве завались! А какие рестораны в городе, ты бы знал. Не то, что тут, в Череповце. Одна изжога от местного меню.

— Я из Горького, — поправил я администратора.

— Я это и хотел сказать, — пробубнил москвич.

Вдруг на площадке мои молодые партнёры по тройке нападения, Ковин и Скворцов, перехватив шайбу, устремились в контратаку. Скворец прорезал диагональ с левого борта на правый, и Кова влетев в зону атаки, накрутил защитника воскресенцев Юрия Ляпкина.

— Давай! — Заорали трибуны, которые уже хотели зрелища в виде забитых голов.

Ковин классно выкатил шайбу под бросок Скворцову, но Сашку вовремя чуть-чуть зацепив корпусом, отправил на лёд второй защитник «Химика» Сапелкин. И опасный момент тут же был ликвидирован.

«Мышечной массы не хватило», — грустно заметил я.

— А ещё в Москве проходит ежегодно международный кинофестиваль, — снова завёл свою волюнку администратор Кириллов. — Звёзды приезжают со всего мира!

— Вообще-то кинофестиваль устраивают раз в два года, — поправил я завравшегося товарища. — И потом, ну какие театры и музеи, когда мы со сборов не вылезаем. А в этом году игры пойдут каждые четыре дня, потому что в календаре паузы на «Приз известия», Олимпиаду в Саппоро и чемпионат мира в Праге.

— Гол! — Вдруг грянули трибуны, пока я высказывал то, что было на душе.

Я посмотрел на площадку, где покатали на смену грустные игроки «Торпедо», а воскресенцы наоборот поздравили своего партнёра по команде. Затем мысленно обматерил этого надоедливого Кириллова, из-за которого я проспал забитую шайбу, и сказал:

— Слушай Кирилл, я тебя слышал, в среду буду в Москве, дай спокойно игру посмотреть.

— Меня Игорь зовут, — обиделся он.

— Я это и хотел сказать, — отмахнулся я.

Администратор «Крыльев» протянул мне свою визитку, заверил, что встретит меня на вокзале, и попросил, чтобы я накануне во вторник позвонил. После чего наконец-то попрощался.

И тут же «Химик» забил второй гол. Какой-то парень из Воскресенска красиво проврался по правому краю, выкатил шайбу на накатывающего по центру партнёра и тот в касание отправил шайбу под перекладину. Вратарь Коноваленко оказался бессилён. Он что-то обидное высказал своим защитникам. Что конкретно — с трибуны было не слышно. И от бессилия легонько хлопнул вратарской клюшкой по штанге ворот.

— Гол с подачи Валентина Козина забил Александр Голиков, номер двадцать третий, — объявил диктор по стадиону.

«Так это же Голиков старший, должен быть ещё младшенький Владимир, — подумал я. — Где-то ближе к концу семидесятых оба брата будут играть и в сборной СССР, и в «Динамо» Москва. И вместе с Александром Мальцевым составят отличную тройку нападения. Но пока один в «Химике», а другой неизвестно где, и неизвестно кто».

В перерыве после первого периода, в местном буфете под недоумённые взгляды рядовых болельщиков я взял всего лишь бутылку минералки. А когда я залпом опрокинул в себя поллитровку грузинского «Боржоми», некоторые завсегдатаи хоккейных баталий кисло поморщились.

— Пейте минералку офигенную, морда будет здоровенная! — Громко, как на сцене продекламировал я и вернул пустую тару опешившей буфетчице.

И надо сказать на душе действительно полегчало. Второй период я ожидал с непонятно откуда взявшейся эйфорией, что сейчас мои торпедовцы закружат вихрь лихих атак и, разорвав в хлам защиту воскресенцев, накидают авоську красивейших шайб. Но реальность оказалась жёсткой как гранитная плита. Нет, на искусственном льду действительно закружился вихрь, но не тот который я ожидал. Команда из Воскресенска бросилась добивать робкого и растерянного соперника.

Контригра горьковского «Торпедо» полностью сошла на нет. Наверное, минут семь мои бывшие партнёры по команде жалко жались к воротам и тупо отбрасывали шайбу куда подальше. Зрители на трибунах засвистели и насмешливо заулюлюкали. Только один Коноваленко раз за разом выручал свою развалившуюся хоккейную дружину.

Даже я, сидя почти на самых дальних местах, видел, как Виктор Сергеевич выкрикивал нелицеприятные слова на буквы: хэ, бэ и эс. Однако и всемогущий хэбээс не помог, когда третью шайбу прямо с пятака в сутолоке пропихнули в сетку наших ворот.

«3: 0. Если сейчас не проснуться, то в третьем периоде, когда сил останется ещё меньше, столько же пропустят», — подумал я, от досады хлопнув себя кулаком по бедру.

К счастью, «Химик» забив третий гол, заметно успокоился и до конца второго периода раза три позволил мои горьковчанам приблизиться к своим воротам и бросить по ним. Но всё это было сделано коряво и с неудобных позиций. Кстати, ни Ковин, ни Скворцов, ни Доброхотов больше на льду не появлялись. Вместо них тренер стал выпускать тройку Соколовский — Орлов — Шигонцев.

А когда прозвучала, сирена на перерыв, какой-то дядя, проходя мимо, похлопал меня по плечу и язвительно заметил:

— Летят твои, как фанера над Парижем.

— Если вы применяете эту идиому, — рыкнул я, — то должны знать, что на заре воздухоплавания, пролететь на аэроплане сделанным из фанеры — это была удача. А вот

грохнуть, то есть не пролететь — трагедия.

— Всё равно летят, — хмыкнул вредный дядя в шляпе и поспешил сделать ноги.

Тут в моей голове что-то перемкнуло, злость разом отключила все сдерживающие неразумное поведение инстинкты и я, зарывав как медведь, двинулся в подтрибунку. Мимо милиционера, который дежурил на входе в служебные помещения, я пролетел, как кабан-секач, который не знает преград. А в дверях раздевалки, столкнувшись с главным тренером Прилепским, я без слов ломанулся так, что тот отлетел в сторону.

— Тафгаев! — Взвизгнул ассистент главного Виталич. — В ми в ми в милицию захотел?!

— Совсем мозгами херакнулся?! — Крикнул главный тренер, который всё же удержался на ногах.

— Я с мужиками пять минут перетру, выйдите от греха за дверь, — я показал ручкой, куда должны были сейчас отправиться Прилепский со своим верным ассистентом.

— Александр Тихонович не уходите, — подал голос капитан команды Коля Свистухин.

— Пойдём Тихоныч пока чайку попьём, — пролепетал Виталич. — Если что, тут наряд милиции дежурит.

— Приводи всё отделение, — пробурчал я, буравя взглядом притихших торпедовцев. И дождавшись, пока в раздевалке кроме игроков никого не осталось, сказал. — Если сейчас «булочками» своими активно двигать не начнёте, то запомните, я, когда с «Крыльями» буду против вас играть, всех на льду переломаяю.

— Да, ладно Иван, игра-то ничего не решает, — первым высказался бывший капитан Лёша Мишин.

— А вы знаете, что там, в НХЛ на тренировках никогда не играют двусторонних встреч, — уже чуть успокоившись, продолжил я воспитательную беседу. — Потому что игроки одноклубники минуты через две начинают ломать друг друга и драться. Ведь если ты где-то недобежал, отыграл спустя рукава, тебе контракт хороший никогда не предложат. Вот такие турниры как наш, у них называются выставочными матчами. И там все носятся и рубятся как в плей-офф. Иначе вместо основной команды отправят тебя в фарм-клуб, где платят в разы меньше.

— А фарм-клуб это что? — Заинтересовался Ковин.

— Это как наш горьковский «Полёт» из класса «Б», — пояснил я.

— Да, чё говорить, дикий оскал капитализма, с которым нам не по пути, — робко заметил Свистухин.

— Парадокс, — я криво усмехнулся. — Играя там за деньги они, в конечном счёте, более честно относятся к своему ремеслу. А вы сейчас предаёте хоккей, предаёте лучшую часть своей жизни.

— Чего делать-то? Говори, — встал со своей лавки вратарь Виктор Коноваленко. — А то один кричит, другой учит. Что по сути предлагаешь?

— Значит так, пара защитников Астафьев и Фёдоров играют через смену, — я стал загибать пальцы. — При них на льду порядка больше. Против лучшей тройки «Химика» Козин — Ликсюткин — Голиков, которые нам две банки закатали, будет выходить тройка Соколовский — Орлов — Шигонцев. Ваша задача прессинговать и не давать им спокойно дышать. Цепляйте аккуратно, толкайтесь, вяжите их по рукам и ногам. Ты, Мишин со своими верными кунаками должен активно играть в атаку. И наконец, третья тройка, Скворцов — Свистухин — Ковин. Ты, Николай, должен разгрузить пацанов от черновой

работы, должен добавить жесткости звену. Лезь активней на пятак и скидывай на фланги.

— А ты что, тренер? — Вдруг поднялся со своего места Саша Федотов. — Может, мы с твоими предложениями не согласны.

— Кто не согласный, сейчас здесь ляжет, и на третий период не выйдет, — я сжал пудовые кулаки, которые давно чесались, чтобы прогуляться по наглым и безответственным харям.

— Мужики, давайте на третий период, — робко заглянул в раздевалку ассистент Виталич.

— Пошли, — я пару раз хлопнул в ладоши, — активней булочками двигаем. А я на скамейке запасных за вашими спинами постою, проконтролирую.

Конечно, в третьем периоде, когда я появился около скамейки запасных, Прилепский был очень не доволен, но когда ребята задвигались, взвинтили темп, главный тренер успокоился. И даже не стал разбираться, почему поменялась очерёдность выхода на лёд троек нападения. И согласился, что его любимчик Коля Свистухин в тройке со Скворцовым и Ковиным хорошо смотрится.

Кстати, именно они и размочили счёт. Свистухин удачно поборолся в средней зоне, не глядя отшвырнул шайбу на левый фланг Скворцову. И Сашка как метеор улетел от опекающего его игрока. Ворвался в зону атаки, срезал угол и неожиданно для вратаря и защитников «Химика», которые вытянулись на него, сделал гениальный пас себе за спину. И Вова Ковин, накатывающийся следом, расстрелял практически пустые ворота.

— Да! — Заорал я.

— Го-о-ол! — Грянула дружно вся наша скамейка запасных.

— Хорошо разыграли, Тихоныч, — вкрадчиво сказал главному тренеру ассистент Виталич.

— Нормально, — улыбнулся Прилепский. — Молодцы! Теперь я вижу, что моя установка до вас, наконец-то, дошла. Активней надо идти на добивание! — Похвалил тренер приехавших на смену Ковина, Скворцова и Свистухина.

После пропущенной шайбы, к сожалению, проснулся и «Химик» и игра тут же пошла на встречных курсах. Это когда на атаку одной команды, тут же идёт атака другой. Такое рубилово очень нравится зрителям, но для тренеров — это настоящая нервотрёпка. Мне, конечно, ещё там, до смерти случалось немного потренировать мальчишек, и сейчас снова вернулись те ощущения спортивного мандража и тренерского бессилия, когда сам не можешь выйти на площадку. И я не заметил, как скинув плащ на ящик с запасными клюшками, сам полез к бортику, где принялся покрикивать и подбадривать хоккеистов.

— Хорошо, хорошо, играй жестче в отборе! Слышь защита, не тяни с пасом в среднюю зону! А ты, какого хрена не пошёл по краю? Тебе же коридор открыли, так херачь по нему! Куда ты лепишь от синей линии? Игрок же перед тобой! Обрежешь, мать твою, удавлю!

— Ты это, Тафгаев, — вмешался в мои тренерские действия Прилепский, — шёл бы на трибуну. Кто тут главный? Ты или я?

— Не бзди, Тихоныч, сейчас вторую положим! — Я со всей дури хлопнул главного тренера по плечу, и до него дошло, что сейчас лучше под руку мне не попадаться.

И я как в воду глядел, буквально через полминуты, невысокий и юркий Фролов пролетел по правому краю, и сделал роскошную передачу на левый борт, где шайбу подобрал Леша Мишин и хорошим кистевым броском поразил открытый ближний угол ворот.

— Вот так! Да! Молодчики! — Торжествовал я.

После смены ворот в третьем периоде, по давно устаревшему спорному правилу, темп игры немного упал. Все «поднаелись» и воскресенцы, и мои горьковчане. Даже я запыхался и чуть-чуть охрип.

— Булочками двигаем, булочками! — Хрипел я. — Что с тобой, Николай? — Спросил я тяжело дышавшего Колю Свистухина, который только что заменился.

— Устал что-то, — признался мне центрфорвард.

— Подожди, сейчас у главного спрошу, — я похлопал хоккеиста по плечу. — Тихоньч! — Гаркнул я главному тренеру. — Тут Свистухину расслабляющий эротический массаж нужен! У нас лимит по девочкам ещё остался?

— Чего, б...ь, ему нужно?! — Офанорел Прилепский.

— Девочки ему нужны, — подсказал кто-то с другого края скамейки запасных, и вся команда грохнула от смеха.

— Харе ржать! Смена! — Охладил я криком шутников. — Орлов, Соколовский, Женя Шигонцев очень нужно сделать вбрасывание в зоне атаки, — я тревожно посмотрел на табло, которое отобразило, что осталось всего две минуты до конца игры. — Выручайте мужики!

Время в спорте, сколько бы сам не играл, под конец встречи всегда бежит по-разному. Когда выигрываешь сам, то слишком медленно, а когда проигрываешь — слишком быстро. Вот и сейчас для меня секунды неслись со скоростью света. Вроде новая тройка нападения только что отвоевала шайбу, как уже тридцать секунд улетели в вечность навсегда. Вроде, только что ребята вошли в зону атаки и заставили вратаря «Химика» зафиксировать в ловушке непослушную шайбу, а уже до конца игры всего осталась одна минута.

— Коноваленко! Витя! — Я сунул два пальца в рот и свистнул что есть силы. — Давай сюда на скамейку.

— Зачем это? — Спросил вратарь, подъехав к бортику.

— Пульку в преферанс не с кем расписать, — махнул рукой я. — Сдайте Сергеичу козырей побольше. Мишин, Федотов, Фролов на лёд, защитники Астафьев, Федоров тоже пошли и... Свистухин Коля. Не посрами отец родной! — Я за шиворот буквально оторвал парня от скамейки. — Защита по воротам не щёлкаем, а делаем кистевой бросок, чтобы шайбу можно было подправить и затолкать.

— Ты чего развоевался? — Очнулся главный тренер, когда уже все шесть полевых игроков выкатились на вбрасывание. — Игра турнирного значения не имеет.

— Турнирного — нет, а принципиального — имеет, — хриплым голосом ответил я. — Ты, когда собираешься отрабатывать вариант игры с шестым полевым игроком?

— Не твоё дело, — отмахнулся Прилепский и посмотрел на лёд.

Саша Федотов удачно поборолся на вбрасывании и шайбой завладел наш защитник Юра Фёдоров. Пас на Астафьева, тот сделал ложный замах и дал дальше по левому борту на Мишина. Алексей хотел было вернуть обратно, но пас на синюю линии уже был перекрыт, поэтому он запустил шайбу по закруглению за воротами, где за неё пришлось повоевать Фролову. Ещё немного и воскресенцы перехватили бы чёрный заколдованный диск и шмальнули по нашим пустым воротам. Но в борьбу влез Коля Свистухин, который играл второго центрального нападающего и откинул шайбу опять защитнику Фёдорову.

— Да бросай ты, мать твой! — Не выдержал, стоящий у борта тренер Прилепский. — Время же идёт!

— Ложный замах и перевод налево! — Заорал почти тут же я, так как на нашего

защитника уже выдвинулся нападающий «Химика».

И слава советскому спорту, Фёдоров сыграл по-умному. Замахнулся, дождался, когда соперник кинется под шайбу, показал, что отдаст налево другому защитнику Астафьеву, но вместо этого выкатился ещё на более удачную позицию и бросил по воротам. Однако вратарь воскресенцев отбил шайбу блином. А дальше я наблюдал всё как в замедленной киносъёмке. Чёрный капризный диск подскочил вверх, на него тут же бросились защитники «Химика» и наши нападающие, а он в этой толкотне опустился ровнёхонько чуть пониже спины Коли Свистухина и уже после отрикошетил в сетку ворот.

— Го-о-ол! — Заорали наши игроки.

— Товарищ судья, гол забит рукой! — Кинулись к судье хоккеисты «Химика».

— От жопы залетело, какая, б...ь, рука?! — Заблажил от бортика Прилепский. — Спроси кого угодно!

Судья секунд десять чесал затылок, и отталкивал от себя возмущённых несправедливостью слепой судьбы воскресенцев. Затем махнул рукой и показал на центр площадки. А это значит, спорить дальше было бесполезно, 3: 3. В последние пять секунд, которые остались до конца встречи зрители стоя устроили овацию обеим командам.

— Молодцы! Молодцы! — Скандировали трибуны.

Лично я, стёр рукавом, взмокшей на груди и подмышками, рубашки выступивший на лбу пот. «Вот и всё, пора прощаться с горьковским «Торпедо», — подумал я. — Неплохая команда, заводная. Кстати, заодно и «Крыльям советов» помог остаться на втором месте».

* * *

Уже впотьмах весёлые и уставшие почти всей командой мы возвращались в гостиницу. Парни много шутили про счастливую задницу Свистухина, а Николай, тоже посмеиваясь, всех шутников слал куда подальше. Тут от «Алмаза» до «Ленинграда» идти-то всего ничего, метров двести. Поэтому я, уже внутренне расслабившись, позабыл про оборотней в погонах и про уркаганов с ножичками, как вдруг из темноты выскочил мелкий шкет.

— Дядя, — дёрнул он меня за рукав. — Подойдите, пожалуйста, вас там зовут.

Я посмотрел, куда указал мне мальчик. Там, в тусклом свете уличного фонаря около ворот стадиона «Металлург» стояло четверо парней разной комплекции. Ни лиц, ни тем более намерений, с которыми они приглашали меня на беседу, разобрать было нельзя.

— С тобой пойти? — Спросил Леша Мишин.

— Пойдём, только чуть что не влезай, и ничего не говори, — кивнул я головой.

— И я с вами, — сунулся было Свистухин, но его я остановил:

— Ты Николай уже сегодня подвиг один совершил, не искушай судьбу дважды.

«В принципе, четверых бы я и один уработал, — мелькнуло в голове, когда мы с капитаном команды подходили к непонятным ребятам. — Но эти, наверное, пришли не воевать, а поговорить. А разговор — это самое мудрое, что придумало человечество, чтобы разрешать казалось бы неразрешимые конфликты. Ведь только дураки сразу лезут в драку, которая в любой момент может закончиться плохо для всех сторон конфликта».

— Ты, что ль Тафгай? — Спросил меня невысокий, но коренастый парень, затушив на моих глазах сигаретку о свою ладонь и выбросив её куда-то на землю.

— Если быть точнее, то Гарольд Вильсон, но можно и Иван Иванович, — я украдкой бросил взгляд на руки этих типчиков. А то я-то от ножичка увернусь, а Мишин может и не успеть. И слава советской милиции, никаких колющих и режущих предметов я не обнаружил.

— Гарольд Вильсон, — криво усмехнулся коренастый. — За то, что ты поломал моих ребят, стоило, конечно, тебя порешить. Но Сват сам первым вытащил пику, поэтому конфликт считаю исчерпанным. На будущее лишь хочу предупредить не борзей. И не таким рога обламывали.

«Умно, — ухмыльнулся я про себя. — Этот неизвестный мне авторитет решил, проиграв в драке, сделать вид, что так бы победил, просто сам сегодня не захотел».

— Рога, значит, обломаете? А копыта? — Улыбнулся я. — Спокойно, — я заметил какое-то нездоровое движение среди спутников коренастого. — Когда это будущее наступит, тогда и будем решать, кому что делать. А теперь, бывайте граждане мазурики.

Я развернулся и, не дожидаясь дальнейших «тёрок», потащил Леху Мишина быстрее к команде и дальше в гостиницу. Устал я, однако, от Череповца. И мне сейчас очень сильно захотелось домой, в гости к девчонкам в общагу или в медпункт к Ольге Борисовне, в общем, туда, где легко и спокойно на душе.

Глава 5

«Лётчик высоко летает, и земли ничем не задевает», — примерно так поскрипывал фюзеляж отечественного самолёта АН-24-Б. В Череповец летели на биплане, АН-24 системы «кукурузник», а обратно в Горький благодарное за игру на турнире начальство расщедрилось на моноплан. Крейсерская скорость — 460 км в час. Дальность полёта до 2800 км. И самое главное — это наличие достижения цивилизации, то есть туалета в хвостовой части салона. А то хорошо, что на турнир добирались с дозаправкой в Ярославле, иначе мужики после пары литров слабоалкогольного пива не долетели бы в целости.

— Видишь, Иван, с каким трепетом относится дирекция завода к команде, — бухтел мне в ухо начальник «Торпедо» Михал Дмитрич, постукивая ладонью по обивке самолёта. — А ты в «Крылья» собрался, а зря. У нас в Горьком летом красота! Рыбалка, Ока, Волга и...

— И шашлык, — добавил я. — Успокойся уже Дмитрич, ты мне полчаса спать не даешь. Я своих решений не меняю. Если только чудо какое-нибудь произойдет?

— Какое? — Ухватился за соломинку, как тонущий в болоте обещаний начальник команды.

— Ну, допустим, если Волга потечёт вспять или небо упадёт на землю, — пробормотал я, стараясь заснуть. Так как сегодня в гостинице промурыжили до пяти утра, три раза откладывая время вылета.

— Я ж с тобой по-серьёзному говорю, а ты всё юмором шутишь, — в шестой раз обиделся Дмитрич и замолчал на целую минуту.

— Если по-серьёзному, — я приоткрыл один глаз, — то если прилетит вдруг Хоттабыч на ковре-самолёте и бесплатно покажет кино, то сто процентов остаюсь в «Торпедо»! И точка! — Я отвернулся от начальника команды и попытался хоть как-то на откидном кресле поудобней пристроить свою мощную тушу.

И уже стал почти засыпать, и видеть сквозь пелену бело-голубого марева двух сестричек близняшек, которые покрывали моё тело жаркими поцелуями, как меня разом вернул в явь приятный женский голос.

— Товарищ Тафгаев не хотите ли пройти в кабину самолёта? — На меня смотрела голубоглазая блондинка с причёской под каре, стюардесса не то Галя, не то Валя. — Вас приглашает капитан рейса.

Я оглянулся на соседнее кресло, где обиженно сопел Михал Дмитрич, пожал плечами и

согласился. В салоне же почти все уже спали, даже самые отъявленны картёжники Орлов, Котомкин, Свистухин и Шигонцев. Аппетитная фигура бортпроводницы, которая шла впереди и соблазнительно покачивала попкой в синей по колено юбке, тут же пробудила в голове несносный мне голос.

«Надо брать», — привычно загундел он.

«Вот никогда не поверю, что тебя зараза нельзя будет в будущем заткнуть!» — привычно ответил я.

А стюардесса, пока я вёл бредовый внутренний диалог, открыла дверь в кабину самолёта. «Ну что сказать? Тесновато будет», — подумал я, упираясь головой в потолок. Кроме тесноты бросилось в глаза множество различных приборов и куча всяких тумблеров переключения неизвестно чего прямо над головами капитана и второго пилота, которым я пожал руки.

— Вон видишь огни? — Спросил меня капитан и сам же ответил. — Это город Кинешма. А вон река — это Волга. Скоро дома будем.

— Может, порулить хочешь? — Спросил, наверное, в шутку второй пилот.

— Если честно, жить хочу, — улыбнулся я и вызвал смех у лётчиков.

— А многие в детстве мечтали стать лётчиками и космонавтами, — совершенно серьёзно заметил командир экипажа.

— Было что-то такое, писали в школе сочинения на тему «Кем я хочу быть?», — поддакнул я. — Лично я сразу написал, что хочу в будущем стать клоуном. Что тогда в классе началось — смех, крик, срочно родителей в школу...

Я хотел было рассказать смешную историю, как водил деда к классной руководительнице, а до этого в парикмахерскую и в магазин покупать «пиджак с карманами». Но вовремя опомнился, что это у меня в той жизни был дед, а здесь я из детского дома.

— Чего они в школе так всполошились? — Удивился второй пилот.

— Да, была в классе у нас Зазнайкина, точнее фамилия у неё была Зайкина, но все звали Зазнайкиной. Встала она и сказала: «Стыдно тебе должно быть, Тафгаев. Все будут социализм строить, а ты над нами, значит, будешь смеяться». А я возьми да и ляпни: «Это, смотря как будете строить!» У классной чуть инфаркт не случился. Из пионеров меня на неделю турнули. Но потом, чтоб отчётность не портил, обратно галстук заставили надеть.

И тут вдруг я заметил, что капитан и его второй помощник как-то напряглись. И вспомнил, что я сейчас не в бандитских девяностых и не в жирных нулевых, а в самом эпицентре брежневского застоя.

— В общем, перевоспитала меня тогда школьная общественность, наставила на путь истинный, — прокашлялся я. — Я даже с этой Зазнайкиной целовался, когда постарше стал. Кстати, из парней ни лётчики, ни космонавты не получились. Кто-то спился, кого-то убили, кто-то шоферит по дорогам страны. А девчонки, вместо киноактрис, почти все пошли по торговой линии работать.

— Да, детские мечты, это как первая любовь — безответны, — вдруг выдал глубокомысленный тезис капитан самолёта. — А твоя-то мечта сбылась?

— Мечта — пока нет, — я тяжело вздохнул. — Но работаю сейчас по специальности. Веселю людей, махая клюшкой на хоккейном льду.

— А что ж ты, Иван, из «Торпедо» уходишь? — Спросил второй пилот.

— С «командиром экипажа» не сработался, — ухмыльнулся я. — Не буду вам больше

мешать. Пойду, посплю перед посадкой.

«И здесь уже, в самолёте, все всё знают! Сейчас ещё в Горьком каждый будет интересоваться — а почему? — подумал я. — Ничего, у меня нервы крепкие!»

* * *

К родимой общаге на проспекте Ильича из аэропорта «Стригино» меня доставил наш клубный «ЛАЗовский» автобус. На выходе я в сотый раз уверил начальника команды Михал Дмитрича, что в понедельник в 18.00 буду как штык «на ковре» у директора завода. Тем более без баула с хоккейной формой и экипировкой, которую я должен был сдать завтра в понедельник в профком предприятия, мне не подпишут обходной лист.

А когда автобус отчалил, я покрутил головой по сторонам. Листья с деревьев практически все опали, и больше никаких перемен, вокруг одна стабильная на долгие годы стабильность. Я взял в руки пробитую бандитским ножиком сумку, ключики, баул с формой и попёрся в общежитие. В девять часов утра жизнь в нашем общем доме уже помаленьку закипала. И пока я тёмкал свои объёмные вещи по лестнице на четвёртый этаж со мной даже кое-кто успел поздороваться. На стандартный вопрос: «Как сыграли?» Я отвечал по-простому: «Зае...ись».

А вот в комнате меня ждал сюрприз. Сначала в нос удар стойкий запах перегара, а затем я различил две скрюченный фигуры. Одна покоилась на кровати соседа, а другая прямо в одежде нагло завалилась на мое законное койко-место. Весь стол был изгажен остатками еды, открытыми консервными банками и заставлен бутылками разного литража, цвета и конфигурации. Под столом я заметил пять пустых трёхлитровых банок из-под томатного сока. На полу тоже что-то было разлито и что-то из бывшей закуски безжалостно раздавлено.

Поэтому, не снимая ботинок, я прошёл к соседской койке, и убедившись, что эта белобрысая башка принадлежит именно ему, громко прокашлялся. Эффект от звука, который я издал ртом, оказался нулевым. Василёк всё так же дрых, что-то бормоча во сне. И как мне не хотелось применять грубую физическую силу, всё же пришлось, откинув одеяло, одной рукой приподнять за майку своего, потерявшего человеческий облик, соседа.

Затем я легонько, так чтобы случайно не сломать нос, шлёпнул его по щеке. Потом встряхнул и ещё раз отвесил слабенькую пощёчину. Наконец веки Василька медленно разомкнулись, в бессмысленной и глупой улыбке растянулся рот, и я услышал глухой малознакомый хрипловатый голос:

— Иван? Ты же должен же через два дня... появиться... в воскресенье...

— А это не я, это смерть твоя геройская, — еле сдерживая накатывающую злость, сквозь зубы процедил я.

— Ну, тогда я ещё посплю, — Василий хотел было нырнуть обратно на подушку, но не тут то было.

Я его схватил одной рукой за трусы, другой за майку и, приподняв над грязным полом, понёс в угловую комнату с умывальниками.

— Это куда мы летим? — Прохрипел Василёк, беспомощно дёргая ногами.

— Мыться! — Выпалил я и открыл первый попавшийся кран с холодной водой.

Светловолосая голова соседа, подчиняясь насилию, которое оказывала на неё моя здоровенная рука, нырнула под струю. Первый этап купания я ограничил десятью, может пятнадцатью мучительными секундами.

— Лучше? — Спросил я, придерживая Василия за шею.

— Хуже, — промямлил он.

— Значит, сейчас точно полегчает, — я опять согнул паренька буквой «г» и продолжил водные процедуры. — А сейчас как? — Спросил я, вынув соседа из-под струи примерно через тот же промежуток времени.

— Сейчас хорошо, — чуть-чуть заикаясь и постукивая от холода зубами, соврал Василёк, которому больше не хотелось заниматься оздоровительным закаливанием. — Неужели сегодня уже воскресенье? — Спросил он, заметно протрезвев. — Вроде вчера только был четверг. Это куда же два дня пропали? А, Иван?

— Значит так, слушай сюда, Герберт Уэллс, — я показал свой кулачище. — Сейчас хватаешь веник, ведро и тряпку, и чтобы они в руках у тебя мелькали, как кегли у циркового жонглёра во время премьеры. Комнату привести в идеальный показательный порядок, — я выдохнул, чтобы немного успокоиться. — Кто на моей кровати дрыхнет?

— А это подчинённый мой, Семён Натанович, мастер золотые руки, — ответил Василек, приплясывая босиком на бетонном полу.

— Просил же директора, чтоб выделили для работы непьющего, — махнул рукой я, и, осознав, что моя просьба была из разряда фантастических, обречённо пошёл приводить в чувства второго клиента.

Однако второй клиент, мастер золотые руки исчез, пока я купал под краном его непосредственного начальника. Ни записки не оставил, ни открытки. Но вряд ли его похитили. Ведь что можно взять с работяги, кроме профессиональных болячек? Значит, Натанович вовремя сообразил, что в гостях, если там задержаться и напакостить, может быть очень плохо.

— Ты меня Иван извини, — бормотал Василёк, натянув трико и ползая по комнате в поисках веника и тряпки. — Я виноват, но я не виноват. Прикрыли мой экспериментальный цех по производству хоккейных шлемов. Главный экономист заявил, что эта затея глупая и нерентабельная. Вот мы с Натановичем с горя и... Так уж вышло.

Василий наконец-то разыскал поломанный до половины веник и начал выметать продукты нетрезвой и нездоровой жизнедеятельности.

— У меня иногда возникает мысль, что нашу страну кто-то проклял, — сказал я, следя за усердной работой соседа. — Сначала в ней был дефицит колбасы и свободы, затем дефицит логики и порядка, а потом в дефиците оказались разум и совесть. Вот кого всегда было в избытке, так это идиотов. В общем, я в гастроном. Приберёшься, постельное бельё смени!

— А ты сейчас про что говорил? — Не понял меня Василий, остановив в дверях.

— Я говорю веником рабой активней, Герберт Уэллс доморощенный.

Гастроном, который я больше всего любил посещать находился в трёх минутах ходьбы от общежития в желтых Бусыгинских домах. Назвали квартал в честь первого жильца и зачинателя стахановского движения в машиностроении, кузнеца с Автозавода Александра Бусыгина.

Наверное, потому что в них квартировалась местная элита, а так же учителя, врачи и инженеры, в магазине можно было хорошо отовариться. Купить дефицитную куриную тушку или «охотничьи колбаски», которые можно было грызть. Неожиданно из дверей гастронома выпорхнула до боли знакомая миниатюрная женская фигурка. «Если ошибусь, то хотя бы познакомлюсь», — подумал я, подкрадываясь к незнакомке, похожей на дочку физиогра Самсонова.

— Девушка, а вы верите в комсомольскую дружбу между мужчиной и женщиной с первого взгляда? — Спросил я перепугавшуюся Светку Самсонову. — Привет, как папа?

— Ты с ума сошёл! — Взвизгнула она, отскочив от меня на три метра. — Я тебя чуть авоськой не огрела! А в ней, между прочим, две банки тушёнки и банка сгущённого молока. И я с посторонними на улице не знакомлюсь, — пробурчала она и ускорила шаг.

— Даже не хочешь попрощаться? — Я своими длинными ногами в полсекунды нагнал Светку и, пристроившись рядом, взял нужный темп. — Я ведь скоро уезжаю.

— Куда опять? — Бросила девушка не глядя на меня.

— В Антарктиду, — почему-то вырвалось у меня, и Светка, наконец, остановилась и уставилась большими зелёными глазами. — По методу академика Бреденко будем переселять белых медведей с северного полюса на южный, а пингвинов наоборот на север.

— Ты, Тафгаев, врун и лгун! — Выпалила дочка физорга. — Весь Автозавод знает, что ты в Москву намылился. В эти... в «Советские крылья».

— Давай хоть на прощание поцелуемся, — растерялся я от скорости распространения слухов.

— Кикимор своих из общаги целуй! — Бросила Светка и припустила как на уроке физкультуры при передаче зачёта по бегу на средние дистанции. Большой скорости мешала тяжёлая авоська, которая не давала грамотно по классике работать руками, и периодически стучала девушку по правому бедру.

«Ну, вот и попрощались», — грустно подумал я и пошёл затариваться курами, овощами и колбасой, если звёзды на небе сегодня сошлись в нужной для удачных покупок конфигурации.

* * *

Скажи мне хоть кто-нибудь, что после того разгрома в своём жилище, который я наблюдал рано утром, вечером опять будет похожий разгром, то я бы просто рассмеялся в лицо такому «Нострадамусу». Но видимо у моей 404 комнаты судьба такая, что гуляют в ней с песнями и плясками уже четвёртый день подряд. И хоть поводы для веселья всё больше грустные, но ведь хорошо сидим!

Закуски навалом, выпивки по минимуму. Васильку нельзя, я не пьющий, а девчонкам из женского общежития: Нюрке, Лариске, Таньке и Нельке и пары бутылочек сухого вина достаточно для настроения. Они и без вина от меня сегодня ни на шаг не отходили, то обнимут, то поцелуют, а то и то и другое сделают одновременно. Но потом Нюрка вперёд всех, устроившись у меня на коленях и периодически ёрзая своей хорошенькой попкой, оглядывала надменным взглядом единоличной победительницы своих менее удачливых подруг. Позже к столу бутылку портвейна притащили Толя и Коля, волосатики-неформалы, с которыми мне довелось поиграть в волейбол на первенство завода. И сейчас они терзали блажными аккордами две размалёванные акустические гитары:

В доме восемь на Тверском бульваре

Ясно было даже детворе,

Что из сто седьмой квартиры парень

Самый симпатичный во дворе.

Е-и-е, — орал Толик, подражая Мику Джаггеру, и через септаккорд дуэт хиппарей по второму разу исполнял две последние строки.

Не играл для них он на гитаре,

И не рвал тюльпанов на заре.

Проходил он даже мимо Тани
Самой симпатичной во дворе...

Встретил я этих оболтусов случайно, когда возвращался из магазина с покупками. Парни же, напротив, вместо замороженной курицы и прочих продуктов питания, тащили куда-то две завёрнутые в покрывало гитары. Слово за слово, мой небольшой рассказ об играх в Череповце, их повествование о создании своего заводского ВИА, дескать, надоело трескаться портвейн без какого либо полезного дела. И вот они заглянули на вечерок в поисках нового песенного материала, который я пообещал им показать. Ведь в Череповце столько новых песен «сочинили» дворовые музыканты! На, самом деле, я мог им показать слова и аккорды всего трёх песен: «Ты так красива», «Не повторяется такое никогда» и «Что такое осень». Жаль, что в будущем музыкой мало интересовался, кто ж знал, что занесёт в этот 1971. Хорошо хоть не в 1917.

Дослушав несчастную историю любви самого красивого парня на Тверском бульваре, девчонки весело захлопали в ладоши.

— Спойте ещё что-нибудь мальчики, — попросила музыкантов Лариска, стреляя глазками и невинно покусывая свою нижнюю губу.

— А может, нам лучше Иван изобразит уличные череповецкие песни? — Хитро глянул на меня Николай.

— Ваня, ты ещё и поешь? — Удивилась Нюрка.

— Я ещё и на машинке «Зингер» делаю хохломскую вышивку крестом, — засмеялся я. — А теперь серьёзно, парни, а вы какую песню собираетесь сбавать в профкоме, чтобы вам выделили деньги на инструменты?

— Эту, — кивнули разом неформалы.

— Тогда в профком можете даже и не ходить, — вдруг заявил, скромно молчавший весь вечер Василёк. — Я нашу заводскую бюрократию во, как изучил! — Сосед провёл ладонью руки себе по горлу.

«Да, будь здоров, Васю промурьжили всякие шишки и шишечки из заводоуправления, — подумал я, вспоминая его рассказ. — Хотя так напиваться до потери количества дней в неделе — тоже не выход! Что же мне Коле и Толе изобрести?»

— Вспомнил! Аккорды блатные, зато слова заводские! — Я встал, аккуратно сдвинув недовольную Нюрку, и вырвал листок из общей тетради, с которой несколько раз сходил в вечернюю школу.

Затем настоятельно попросив не мешать, начал царапать как курица лапой, это мой фирменный подчёрк, слова песни из творчества ВИА «Самоцветы» с дедовской пластинки. Скоро этот «шедевр» будут крутить до дыр на всех фестивалях и комсомольских стройках страны, чтобы тем самым поднимать временно куда-то опадающий дух молодёжи и студентов.

— С этой вещицей вас в профкоме на руках носить будут, пока не уронят, — посмеивался я, показывая свои кривые буквы, которые выстроились в стройные стихотворные строчки.

— Мы это петь не будем, — ляпнул Колян.

За что тут же получил от меня знатного «леща» и чуть не упал сам, и не уронил гитару с множеством иностранных надписей на деке.

— Надо Коля, надо, — улыбнулся я, глядя на музыкантов «стальными и холодными» глазами. — Кстати, надписи, когда пойдёте в профком, заклейте изолентой. Чтоб вас оттуда

сразу же в милицию не увезли, на экскурсию.

— Ну, пойте уже мальчики, — попросила Лариска, приняв как можно более соблазнительную позу.

Первым смирился с неизбежной участью, что если подался в советские музыканты, петь придётся не всегда то, что нравится, Анатолий, который вяло стал перебирать аккорды.

— Веселее, — скомандовал я. — Не перебором играть, а унца, унца, унца-ца. Уже лучше. Как махну, запевай. И... Попробуйте только перепутать слова. И... Давай! — Я махнул рукой, как прораб на стройплощадке и Толя в одиночестве заблеял:

Колеса диктуют вагонные,
Где срочно увидеться нам.
Мои номера телефонные,
Разбросаны по городам.

— Припев петь на два голоса! — Скомандовал я, показав кулак размером с небольшой кочан капусты.

Заботится сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз...
Мой адрес — не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз

— Х...я два, — наверное, от испуга провыл Колян, песня разом оборвалась и в комнате воцарилась на какое-то время гробовая тишина.

— Где про х...я два в тексте?! — Я схватил Николая за грудки и приподнял. — Это написано: умножить на два, то есть петь два раза! Да, подчёрк у меня не очень, но разобрать можно! — Я опустил Колю обратно. — Ай, идите вы к лешему, что хотите, то и тренькайте в вашем профкоме. Всё, коктейльная вечеринка закончена. Завтра сдам робу и гудбай.

Глава 6

Понедельник 27 сентября, до начала чемпионата СССР всего четыре дня, а я бегая здесь вокруг заводских зданий ищу кладовщика, мастера цеха, библиотекаря и незнакомого мне товарища из секретного отдела. А они все как назло то отошли, то обедают, то возможно просто от меня прячутся.

«Блин! Если бы курил, то сейчас точно бы закурил!» — матюгнулся я мысленно и снова залетел в свой родной ремонтно-инструментальный цех.

— Казимир, привет. Мастер не пробегал? — Спросил я своего бывшего коллегу, при этом пожав его мозолистую руку.

— Я с дезертирами не разговариваю, — пробормотал Казимир, вернувшись к работе.

— Вот те раз, я же тебя с женой познакомил? — Растерялся я. — Мы же тут столько полезных политинформаций провели, а ты? Эх! Данилыч! — Кинулся я ко второму своему коллеге. — Тоже со мной не разговариваешь?

— Что-то Иван, я слышать стал плохо, — сказал мужичок, которого я неоднократно приносил после гулянок домой, к жене. — Вот о чём ты меня сейчас спросил?

— Пить будешь? — Крикнул я громче, всё-таки в таких цехах, где всё гремит и шумит, мужики на самом деле глохли ещё до выхода на пенсию.

— Пить? — Расслышал самый часто употребляемый глагол Данилыч, затем задумался на пару сек и ответил. — Пить буду, но молча.

— Я когда играть сюда со своей командой «Крылья светов» приеду, то специально забью две шайбы в ворота Коноваленко. Одну для тебя, Казимир, другую для тебя, Данилыч.

Наши дезертира, — махнул я рукой и побежал на второй этаж в заводскую библиотеку.

Слава советской космонавтике, библиотекаря оказалась на месте. Я молча сунул перед женщиной, которая уже больше думала о внуках и пенсии, чем о книгах, бланк обходного листа. Как долго она надевала очки, включала настольную лампу, затем рылась в каких-то картонных карточках, что я чуть взвыл.

— На вас записано три книги, — мило улыбаясь, сообщила мне «повелительница» пыльных книжных полок.

«Книги, книги, эти книги, — задумался я. — Ну правильно, меня почти две недели не было, теперь они по всей общаге разошлись. Полдня искать придётся».

— Могу возместить потерю школьной учебной литературы в денежном эквиваленте, — я сунул руку в карман. — Там вроде «История» стоит 30 копеек, и... Вот вам три рубля с запасом.

— Наше поколение, молодой человек, в отличие от вас, наглой современной молодёжи, воспитывалась на других ценностях, — всё так же мило улыбаясь, сообщила библиотекаря. — Не всё в этом мире измеряется деньгами. Уберите это.

Женщина посмотрела на мою трёшку, как на жабу из ближайшего болота.

— Эх! — Выдохнул я и спрятал деньги в карман.

В коридор я вылетел как раненый в самое сердце бык, мозги уже не соображали, а мышцы всё ещё работали. И о чудо! Мастер нашего цеха, маленький и полненький мужчина в самом расцвете лет Сергей Ефимович, по прозвищу Ефимка, вывалился прямо на меня. Испуг его так оказался велик, что он, не успев даже для приличия поздороваться, резко развернулся и, быстро перебирая кроткими ножками, засеменил в туалет.

«Погоня! Какой детективный сюжет обходится без неё? Один — бежит, другой — догоняет! Таков непреложный закон жанра!» — автоматически вспомнил я цитату из кинофильма «Берегись автомобиля».

После чего вальяжно прошёлся до туалета, ведь из него скрыться некуда. На окнах решётки, да и со второго этажа, который по метражу скорее третий, не выпрыгнешь. Можно конечно уйти «подводным путём», но это ещё никому не удавалось.

— Сергей Ефимович, бумагу подпишите, и сидите дальше хоть до вечера, — культурно постучал я в единственную запертую кабинку. — Я вам даже кроссворд свежий принесу, чтоб тужилось веселее.

— Сначала расплатись за рабочие штаны, которые ты этим летом сжёг, — пробурчал из-за двери мастер цеха.

— Зачем это? — Удивился я.

— А кто тебя знает? — Затараторил Ефимка. — Напился пьяный и с криками: «Долой самодержавие!» взял и поджёг. А шею, между прочим, намылили мне!

— Сколько я должен заплатить за свержение самодержавия? — Не выдержал я и легонько стукнул ладонью по фанерной перегородке, которая тут же завибрировала, а за дверью громко ойкнул мастер цеха.

— Пять, э, семь рублей, заплати в кассу, справку об оплате принесёшь мне, — пискнул мужчина. — И перестань ломать туалетные перегородки, мало тебе штанов?

* * *

«Штаны, перегородки, книги, фрезы, которые я и в глаза не видел, но выбросил вместе с металлической стружкой в отходы, а должен был сдать кладовщику, — голова моя в прямом смысле кружилась, в висках стучала барабанная дробь. — Да это просто заколдованный

город! Вчера с неформалами поссорился. С девочками из общаги поссорился. Даже сосед по комнате, который во всём передо мной виноват, и тот от меня нос воротит! Видите ли, я его унизил перед подчинённым».

А когда я весь взмыленный прибежал в заводоуправление, в кассу. То естественно кассир во время рабочего дня куда-то уехала до следующего рабочего дня, то есть до завтра. И последнее что оставалась мне, кроме принятия яда, это заставить подписать обходной лист товарища из секретного отдела. Кстати, кабинет его был на том же первом этаже, в конце коридора.

Я громко постучал в дверь нашего «секретчика», ведь ни для кого на заводе не было секретом, что «ГАЗ» кое-чего «стряпал» и для обороноспособности страны, но я-то тут при чём? Меня, раздолбая и охламона, к таким цехам на пушечный выстрел не подпускали, естественно, чтобы я не разболтал военную тайну проклятым буржуинам за банку настоящего немецкого пива.

Затем я вошёл в кабинет, и плюгавый мужичок за столом резко перевернул листок бумаги тыльной стороной. Спрятал, значит, главный секрет от посторонних глаз.

— Подпишите обходной лист, — я выложил ненавистную бумагу на стол.

— По инструкции не имею право ставить свою подпись, пока других подписей здесь нет, — медленно растягивая слова и делая между ними большие паузы, сказал работник секретного отдела.

— Покажите мне эту инструкцию! — Рявкнул я.

— По инструкции, я не имею право показывать эти инструкции, — словно робот ответил мужчина.

— А по инструкции во время сигнала общей тревоги, вы с такой же скоростью побежите в бомбоубежище? — Спросил я, пытаясь унять злость. — Можете не отвечать, потому что по инструкции вы не имеете право отвечать на такие вопросы! Кстати, на листочке у вас с обеих сторон пусто. Эх!

Я вылетел от «секретника» так хлопнув его дверью, что посыпалась штукатурка с потолка, чтобы странный мужичок прочувствовал, какова она, вражеская бомбардировка.

В таком взвинченном состоянии путь мне был один, напрямик в медпункт к Ольге Борисовне, может хоть она выпишет мне успокоительные пилюли. Но пока я трусцой бежал от здания заводоуправления до своего цеха, то мне пришла гениальная мысль: «А какого ляда, я тут мечусь? Сегодня же билет куплю на ночной поезд и в Москву! А с трудовой книжкой пусть все формальности решает администратор «Крыльев» Игорь Кириллов или Кирилл Игорев. И чихал я на все инструкции!»

Однако в медпункт я всё же заглянул. Ольга Борисовна, лишь завидев меня, вздрогнула и тут же молнией метнулась, чтобы закрыть дверь на щеколду. Затем этот ураган нерастраченной женской сексуальности закрутил меня с невероятной скоростью и страстью. Я даже не успел сообразить, как оказался лежа спиной на медицинской кушетке, а врачаха, оседлав меня, сверху.

«Вот это я понимаю! Вот это настоящее прощание с городом! А то все обиделись, как будто я у них денег занял минимум тысячу рублей и улепётываю не расплатившись».

— Оля, подожди, — я приостановил женщину, которая на мне, если бы я был жеребец, ускакала бы уже до Московского вокзала. — Я спросить хотел, у меня иногда шумы в голове бывают неприятные, может лечение есть какое от этого?

— Шумы, да, шумы, хорошие шумы, — Ольга продолжила скачку, но уже не галопом, а

легкой трусой. — А может на тебе порча? Или сглаз? Да, сглаааз, хорошооо.

— Точно, как я раньше не додумался? — Я даже разволновался, ну конечно, против такой химеры, как голос в черепной коробке может помочь такая же химера — народная медицина.

— Есть на Монастырке один знахарь, — врачаха потянулась как кошечка. — Очень хороший знахарь. Я тебе адрес напишу, но потом, дааа.

— Бум, бум, бум, — вдруг в дверь в медпункт кто-то постучал.

Ольга слетела с меня, так же быстро, как и взлетела, а я спрятался за ширму. Женские трусики, чтобы не смущать страждущего, пришлось спрятать в карман.

* * *

«Гениально, — думал я, спеша на встречу с чудом. — Значит так, знахаря зовут Волков Михаил Ефремович. Снимает сглаз, порчу, приворот. Лечит от полового бессилия, алкоголизма и прочее».

— Эй, там, в голове, — спросил я голос, широко вышагивая вдоль бесконечного заводского забора. — Слазь, кончилось твоё время! Кончилась твоя власть!

В ответ же голос загадочно отмалчивался, либо ему был до фонаря местный шаман, либо ему просто нечем было крыть.

Монастырка, куда я так стремился, раньше была необычной деревней. Дело в том, что во множественных речушках, впадавших в Оку, присутствовал бурый железняк. Его местные умельцы добывали и отжигали, поэтому в деревеньке «коптило небо» более сорока кузниц-шиповок. А кузнецы, ещё издревле считалось, якшались с нечистой силой. Во, какую мне политинформацию прочитала Ольга Борисовна, намекая на то, что колдунов здесь пруд пруди.

Сейчас же от деревни остались лишь редкие частные домики, за которыми высились новые пятиэтажки и завод «ГАЗ». Старая деревенская жизнь безвозвратно умирала, а новая городская основательно устанавливалась.

— Эй, хозяйева! Есть кто-нибудь внутри?! — Я постучал в окно почерневшего от времени деревянного одноэтажного дома. — Эге-гей! Выходи, сейчас экскаватор приедет! Снесут всё к «едрени фене» и фамилию не спросят!

На мой стук и голос из сеней высунулся заспанный мужчина неопределённого возраста. Волосы с проседью, средних размеров борода, из-за которой можно было дать её обладателю и сорок лет, и пятьдесят, и даже больше.

— Сносить дом не имеете права, — устало заметил мужчина необычным для внешнего вида звонким голосом, затем он посмотрел мне в глаза, и пригляделся к чему-то над моей головой. — Заходи, — коротко бросил он.

Я тоже посмотрел, чего надо мной происходит, но кроме безучастного неба ничего не разглядел. Внезапно, какой-то неприятный озноб пробежал по моей спине, и сразу же расхотелось входить внутрь, но отступить — было не в моих правилах.

В горнице колдуна всё было как в обычном деревенском доме. Деревянный пол, стол, табуретки, лавка и радиоточка на стене. Сразу, что бросилось в глаза — это странная иконка в углу на прибитой под потолком полке. На иконе было изображено трое святых, об этом говорили нимбы над их головами. Два мужика по краям, а в центре как бы это выразиться помягче с крестом в правой руке и с копьём в левой не человек.

— Святой Христофор Псеглавый, — подсказал нужный ответ мужчина, прочитав недоумение на моём лице.

— За что ж его в собаку-то превратили, художника что ли покусал? Ладно, это дела давние. Проблема у меня страшная, — я сел на табуретку и тяжело вздохнул. — Посторонний голос у меня в голове ерунду всякую иногда говорит, можно его сделать немым?

— Я сразу так и догадался, — загадочно проговорил колдун, рассматривая что-то над моей причёской.

«Аха, догадался. Я же сам тебе это сейчас и рассказал», — мысленно хмыкнул я.

— Давай-ка мил человек, я тебя под бубен положу, — предложил мне хозяин дома.

— Да хоть под барабан, лишь бы помогло. Куда лягать? — Я посмотрел на голую лавку, на которой я при всём желании не помещался.

— Ложись на пол, у меня метёно, — сказал колдун и скрылся за занавеской.

Я сбросил плащ, немного себе под нос поматерился, ведь в избе мыли, наверное, ещё весной и от безысходности улёгся прямо в брюках и серой рубашке на пол. «Хорошо, что одежда на мне копеечная, а то ведь потом не отстираю», — подумал я, заметив краем глаза, как колдун вынес здоровенный шаманский народно-ударный инструмент. Я такие бубны по телевизору видел в разных мистических кинофильмах и в передачах про жизнь далёких северных народов.

«Давай стучи быстрее, а то мне сегодня ещё на собрание хоккейной команды бежать, да и в вечернюю школу не плохо бы заглянуть», — сказал я про себя и улыбнулся как примерный мальчик.

Однако лежание под бубном оказалось делом не быстрым. Колдун, наверное, минут пять стучал колотушкой над моими ногами.

— Бум, бум, бум, — долбил бубен низкими частотами меня по ушам, затем знахарь из Монастырки переместился к центру моего тела и стал издавать удары более высокого тембра.

«Хосподя, я с ума сошёл, — подумал я, продолжая, как ни в чём не бывало улыбаться. — Дожил до двадцати пяти здоровенных лет, а всё как маленький верю в деда Мороза. Стоп! Что значит до двадцати пяти? Я ведь сначала дожил до пятидесяти, а потом умер. Так что тогда, мне года плюсовать или вычитать? Ладно, пушай стучит, лишь бы теперь хуже не было».

Тем временем колдун переместился к солнечному сплетению и опять повысил тембр издаваемых звуков. Даже башка закружилась. А этот Псеглавый с иконы как будто даже мотнул своей собачьей головой.

«Если сейчас срочно галлюцинации не прекратятся, то встану дам в дыню колдуну и уйду, — решил я, — Ты что? Мысли мои слышишь? Заулыбался так не по-хорошему, собака такая. Извиняйте товарищ Псеглав, это я не про вас. Это я про этого с бубном. Кончай стучать, зараза!»

Но оказывается, мало того, что шаман набубунькался над моей больной головой, он принялся барабанить совсем на высоких частотах там дальше, за шевелюрой.

«Ну, всё молись несчастный!» — психанул я и попытался встать. Но ноги мои зашатались и подогнулись в коленках, как после хорошего удара в челюсть. Я пробежался на полусогнутых и, уткнувшись руками в бревенчатую стену, затормозил.

— Ты чего это шаман мне в воздух подсыпал? — Хриплым и тихим голосом выдавил я, оставаясь в нелепой позе, как будто двигаю стенку вперед.

— Скорей выпей этого, — колдун сунул мне под нос столовую ложку с прозрачной

жидкостью.

Он сказал, я сделал и от остроты, попавшей в пищевод настойки, у меня вмиг перехватило дыхание и полились слёзы из глаз.

— А то то то? — Попытался я спросить: «А что это такое я выпил?»

— Чего же я тебе такое дал? — Задумался сам колдун. — Если сладко кивни головой.

Я активно замотал башкой в разные стороны и снова попытался задать законный вопрос: «Что ты творишь, сволочь?»

— Чё чё чё? — Вылетело взамен.

— Ничего, от заикания я тебя вылечу, сейчас бы как-нибудь на ноги поставить, — шаман почесал затылок и полез на полку со старыми книгами.

«Чтоб ты провалился неуч шаманская! — мысленно крикнул я. — Книжки раньше читать надо было! И куда только министерство образования смотрит?!»

— Пей быстрее это, — я перед носом увидел на той же ложке новую микстуру, но уже коричневого цвета.

«Ага, разбежался! Сам пей!» — подумал я и плотно сомкнул губы. Тогда эта колдовская сволочь зажала мне пальцами нос, и насильно сунула микстуру в рот. В глазах буквально через секунду потемнело, и я обессиленно повалился вниз.

— Сука! — Успел выкрикнуть я перед полным отключением моего молодого цветущего организма.

Глава 7

Встречу директора крупнейшего предприятия в стране Иван Ивановича Киселёва с нашим торпедовским коллективом организовали прямо на рабочем месте, то есть непосредственно в директорском кабинете. Наносили туда стульев со всех соседних помещений, ведь только одних хоккеистов присутствовало двадцать девять человек, а ещё главный тренер Прилепский с ассистентом Виталичем, врач Тамара Иоффе и директор команды Михал Дмитрич Бузуев. В общем, сели в тесноте и в духоте.

Я по привычке расположился на задах, у дверей. Мало ли придётся спасаться бегством, так как я иногда за себя ручаться не могу. Как дам прямо в лицо правду матку, а кому это и когда нравилось?

Начались посиделки с поздравлений. Иван Иванович долго жал главному тренеру руку, выражал надежду, что в этом игровом сезоне мы не подкачаем, что повторим успех далёкого 1961 года, когда в неравной борьбе вырвали второе почётнейшее место. Прилепский сказал, что приложит все наши силы.

Потом ещё много всяких восторженных глупостей болтали, в которые я быстро перестал вникать, так как после посещения шамана недоучки и бракодела, с головой у меня совсем стало плохо. Голос в моей черепушке, что мешал мне нормально жить, подбивая на разные сомнительные приключения с женским полом, вдруг решил взяться за ум. Первое, что он мне заявил, когда я очнулся в лачуге колдуна, что хватит бегать по бабам, и теперь пора делать из меня настоящего человека, патриота своего города и преданного гражданина делу партии в построении социализма и коммунизма в отдельно взятой стране. Тут же он наметил на будущее несколько ключевых задач: окончить среднюю школу, вступить в комсомол и помочь команде «Торпедо» достойно выступить на чемпионате СССР. Про Москву, он посоветовал мне забыть, пригрозив частыми травмами и прочими психическими неприятностями.

А когда я стал душить шамана, требуя вернуть всё назад, то есть до того как я сдуру

послушал Ольгу Борисовну и заявился сюда, то ответ его меня обескуражил. В лучшем случае через месяц можно будет попробовать, а ещё лучше через два! Сука!

— Иван, — меня толкнул в бок, сидящий рядом Сашка Скворцов, — про тебя говорят.

— Что говорят? — Я вытянул голову, чтобы посмотреть, кто там клевету всякую распространяет.

— Главный сказал, что для достижения новых высот в спорте, нужно исключить из команды тех, кто её тянет вниз, — улыбнулся Скворцов. — То есть тебя. Теперь можешь спокойно ехать в Москву.

«Москва, как много в этом слове... Куда я сейчас поеду?!» — чуть не выкрикнул я.

— А что нам ответит на это товарищ Тафгаев? — Директор завода посмотрел в мою сторону.

«Развели тут в городе колдунов недоучек! Плюнуть некуда! Куда милиция смотрит? Не умеешь сглаз снимать — не берись!» — мысленно ругался я, пробираясь поближе к начальству. Можно было конечно что-нибудь ляпнуть и с места, но сейчас нужно было ляпать с умом. Поэтому пока я раздвигал стулья вместе с хоккеистами, мой мозг лихорадочно шевелил извилинами: «Забудь — кто виноват, думай — что делать?»

— Здравствуйте, товарищи хоккеисты, — начал я по официальному, возвысившись как гигант над директором «ГАЗа» и главным тренером. — Все мы знаем, что планы партии — это планы народа. Правильно я говорю? — Спросил я директора Киселёва, которому ничего не оставалось, как растерянно кивнуть головой. — В отличие от некоторых, — я как бы случайно показал пальцем на тренера Прилепского, — в Череповце я много времени провёл в библиотеке. Что я могу сказать, турнирная сетка, которая выпала нашему «Торпедо» аховая. Из двадцати первых матчей чемпионата мы можем железно взять лишь четыре игры. Это домашние игры со СКА, с «Химиком» и две встречи с «Локомотивом» Москва.

— А причём здесь партия? — Заулыбался Прилепский.

— Вот партии, как и товарища Брежнева, я попрошу не касаться, — я сделал очень грозное лицо.

«Ну, Александр Тихонович вляпался ты теперь, лучше бы молчал, вылетишь из «Торпедо» за политическую недалёковидность прямо сегодня!» — возликовал я про себя и продолжил:

— Я сейчас объясню политическую близорукость нашего пока главного тренера. После двадцати игр, набрав максимум 8 очков, мы займём предпоследнее место! Производительность труда рабочих завода рухнет. Пьянство на рабочих местах возрастет, травматизм увеличится. Производственный план полетит в топку. Вы товарищ Прилепский ответите за это перед партией и государством?

— Позвольте! — Вскрикнул главный тренер.

— Подожди Александр Тихонович, — остановил его директор, который турнирной сетки ещё не видел. — А что вы предлагаете товарищ Тафгаев?

— Первое, во главе команды нам нужен более грамотный специалист, с которым возможно будет реализовать новые тактические схемы игры, с помощью которых мы обыграем тех, кто нас сильнее. — Я тяжело выдохнул и взял паузу.

«Что я такое несу? Это же бред! Где этого специалиста взять?» — я от бессилия сжал кулаки.

— И где же этого специалиста взять? — Спросил директор завода.

«Где? А знаю? Сейчас мелю языком любую глупость, что на ум придёт, и гори всё

синим пламенем!» — решил я и сказал:

— Надо ехать в Москву и... И оттуда пригласить к нам тренером... Очень хорошего специалиста... Заслуженного человека... Легенду нашего советского спорта... Все мы его хорошо знаем... Всеволода Михайловича Боброва. Товарищ Бобров сейчас возглавляет вторую сборную СССР. Я читал про это в «Советском спорте». Конечно нужны будут для этого кое-какие финансовые подарки, но это того стоит.

Буквально все в директорском кабинете посмотрели на меня разинув рты. Да я бы и сам сейчас сидел такой же. Вот что значит — вовремя прочитанные советские газеты!

— А это очень хорошая идея, — поддержал меня директор команды Дмитрич. — Нам на юбилей города проигрывать никак нельзя. Ведь 650 лет в это году стукнуло!

— Ага, Сева прямо так и разбежался ехать сюда тренировать, — махнул рукой раздосадованный Прилепский. — Кого вы слушаете? — Он указал на меня. — Это же бывший заводской пьяница, который этим летом сжёг свои рабочие штаны! Он же бредит!

— Между прочим, почти за две недели в Череповце, Иван не выпил ни грамма, — вступился за меня капитан команды Лёша Мишин. — И отыграл он, чего греха таить, лучше всех. Если нам удастся заполучить тренера Севу Боброва и оставить в команде Ивана, то мы в этом чемпионате многим бока намнём.

— Да, двинем так, что мало не покажется! — Встал с места Коля Свистухин. — В пределах правил, конечно.

— Согласен с Севой мы выйдем на новый уровень, — высказался вратарь Коноваленко. — У него даже мёртвый заиграет. И ехать надо за Бобровым самим, сегодня же. Нам через четыре дня дома со «Спартаком» играть.

— Что скажешь Иван? Ты же вроде в Москву в «Крылья» собрался? — Директор завода Киселёв задал вопрос, который сейчас волновал всех, судя по наступившей тишине.

— Москва пока подождёт, — я очень тяжело вздохнул, проклиная колдуна. — А за Бобровым должны поехать я и Виктор Сергеевич. Есть у меня пару хороших идей, как его привезти в Горький, от которых Всеволод Михалыч не сможет отказаться. Если всё получится товарищи, в призах будем точно, но и руководству завода тоже придётся многое сделать. Хоккей, Иван Иванович, это не покер. — Я посмотрел на директора завода, который загадочно улыбался. — Хоккей — это удовольствие дорогое.

* * *

Впервые за всё время в этом 1971 году, я наворачивал вторую тарелку домашнего борща, который приготовила Валентина Дмитриевна, жена нашего прославленного вратаря Коноваленко. Уютная кухня, на плите кастрюля, в углу холодильник. Вот что значит женатый человек, все радости жизни исключительно на одной жилплощади, и борщ, и жена красавица, и ребёнок, который сейчас меня буравил восторженным взглядом. Не каждый день увидишь, как человек ростом под метр девяносто уничтожает с космической скоростью съестные припасы.

— А вы с папой сейчас, ночью, на нашей машине в Москву поедете? — Спросила меня девятилетняя дочь нашего голкипера Оля, которую оставили родители присматривать за мной, чтобы я ещё чего-нибудь из холодильника не съел.

— Поедем. Нужно срочно привезти одного дядю сюда в Горький. И кроме нас это сделать некому, — я проглотил последние остатки борща и слопал в один прикус последний бутерброд с колбасой.

— А сам он, почему не может приехать? — Удивилась наивная девочка. — Дайте ему

телеграмму и всё.

— Тссс, — я приложил палец к губам. — Никому не говори. Есть такой красивый древний хоккейный обычай, который называется «Похищение тренера». Ты не думай, — я подмигнул немного напуганной дочке вратаря, — тренер сам мечтает, чтобы его похитили. Он пока просто этого не знает.

— А! Это как похищение невесты в «Кавказской пленнице», — догадался Оля. — Знаю, смотрела.

— Ну, где там твои родители? — Занервничал я, так как время шло, а машина за окном стояла. — Вы извините, если я вам деньги мешаю считать! — Крикнул я в сторону комнаты. — Но ехать пора! Вдруг Боброва, кто-нибудь другой свистнет!

— Я же говорю, что мы за Севой едем, — на кухню первым зашёл оправдывающийся, красный как рак Коноваленко, а следом его супруга Валентина.

— Они едут тренера воровать, — разъяснила маме смысл нашего вояжа сообразительная дочь.

— Как воровать? — «Впала в ступор» любимая женщина вратаря.

— Он сам мечтает, чтоб его своровали, — добавила девятилетняя, не по годам умная Оля.

— И если он будет брыкаться, кусаться, звать милицию и жаловаться в Обком, мы его всё равно не отпустим, — сказал я, вставая. — В следующем году Олимпиада, чемпионат мира, игры с канадцами, нам сейчас Бобров позарез нужен. Не на прогулку едем Валентина Дмитриевна.

— Я с вами! — Пискнула дочка вратаря.

— Вот, даже ребёнок понимает важность момента, — я погладил белобрысую девочку по голове. — Едешь с нами, но потом, а сейчас, чтобы папа за рулём не уснул, будешь спать дома в кровати за себя и за него.

— Витя, как же ты будешь всю ночь рулить? — Заволновалась за супруга Валентина.

— Всё продумано, сначала Виктор Сергеич рулит, потом я, и в Москве опять он. Поехали уже, а то спать хочется, — широко зевнул я.

— У тебя права с собой? — Поинтересовался Коноваленко, наконец-то, завязывая ботинки.

— Туточки, — я постучал по пустому карману.

«Врать не хорошо, — тут же загундел перевоспитанный голос. — Родители в детстве отучают».

«А я из детского дома, у меня кроме деда никого не было, — ответил я. — И чё ты лезешь? Я для города стараюсь! Ведь мне теперь больше всех надо».

* * *

Где-то ближе к половине второго ночи я очнулся, резко потрянув головой, посмотрел на часы, затем на Коноваленко. Ну, что за человек? Договорились же в час смена! Всё строго, как вовремя хоккейного матча. Нет, едет, молчит, клюёт носом, но терпит, самоубийца.

— Сергеич, давай без героизма, — я сладко потянулся. — Ты, спать, а я жать на газ и на тормоз. И кто ж это додумался расположить рычаг переключения скоростей на рулевой колонке? — Усмехнулся я, рассматривая забавный механизм.

Виктор притормозив, припарковал свою «Волгу ГАЗ-21» с блатным номером 00-03 ГОЛ, которая внешне напоминала «Ford Mainline» 1952 года, в неизвестной мне пустынной местности автодороги Москва — Горький. И тоже сладко потянулся. Мы вышли из машины

и молча поменялись местами. Я сел на диванчик со стороны водителя, а Виктор со стороны пассажира. Не знаю почему, но конструкторы отдельными сиденьями в салоне пренебрегли, впрочем, как подушками, так и ремнями безопасности.

— Так скорости переключаются? — Я передвинул рычаг на первую передачу.

— Ты водить-то умеешь? — Опомнился Коноваленко.

— Не бойсь, трус не играет в хоккей, — хохотнул я. — Водил я такой тарантас в «ретро-гараже».

— Не понял? — Не то обиделся, не то удивился вратарь.

— В детском доме мы так называли автомобильный кружок, — я подмигнул Виктору и медленно повёл машину, вспоминая, как на такой «консервной банке» кататься. — Ты, мне Сергеич скажи, чего грустим? Прилепского убрали, который вместо тебя хотел Сашу Котомкина назначить в ворота первым номером. Жизнь налаживается!

— Когда тебе тридцать два стукнет, поймешь, — пророкотал характерным низким голосом голкипер, который не догадывался что мне уже было когда-то пятьдесят. — Боюсь, из сборной СССР могут попросить. Я ведь под двадцатым номером всегда играл, и в «Торпедо», и в сборной. А сейчас тренерским советом «двадцатку» передали более молодому и перспективному Владу Третьяку. Вроде всё справедливо, но...

— Да, Третьяк далеко пойдёт, — усмехнулся я, вспоминая, каким хитрым чиновником он впоследствии станет. — Ничего. Третьяку мы крылья быстро пообломаем. Твоя будет «двадцатка». Ты у меня в сборной ещё лет пять поиграешь минимум.

— Как это? — Виктор посмотрел на меня как ребёнок, которому пообещали купить велосипед на день рождения, если он хорошо будет себя вести.

— Так это, — я вдруг заметил, что мы всё ещё ползём на второй скорости и перевёл рычаг на третью передачу. — У нас с ЦСКА две игры, до паузы в чемпионате на «Приз Известий». Так? Значит накидаем Владу дважды полную авоську. Знаю я его манеру игры, Третьяк любит выкатываться из ворот. Значит, на ложных замахах будем его ловить. Но этого мало. Первое, нужно будет скорректировать твою подготовку. Второе, нам в команду понадобится отдельный тренер вратарей. Третье, принятие алкоголя ты, Сергеич, должен сократить до литра пива в день после игры, причём под хорошую мясную закуску.

— А если не сокращу? — Последний пункт вратарю явно не понравился.

— Тогда, ты меня извини за откровенность, через год пойдёшь детей на Автозаводе тренировать, — прямо ответил я. — Это до тридцати можно и пить, и играть одновременно. А после тридцатничка два пути — либо пить, либо играть.

— Да пошёл ты, — обиделся на меня Коноваленко.

— А я итак пойду в тренеры, когда наиграюсь, — улыбнулся я. — Как кулак сожму, сразу все заметят мою тренерскую руку. Спи уже, ближе к Москве поменяемся.

«А то без прав кататься по столице Родины не комильфо, — мысленно продолжил я диалог. — Это мы в Горьком неприкосновенные личности, а в Москве, где хоккеистов — прорва, мы почти никто».

Глава 8

Дом около метро Сокол, который местные жители именовали «генеральским», а московские таксисты «бобровским», странно, что не «тарасовским», являл собой смесь Сталинского ампира и архитектуры попроче. Так как все генералы и маршалы в первоначальное архитектурное сооружение не помещались, то московские власти, нагнав сюда пленных немцев, достроили ещё два крыла без излишних архитектурных изысков.

Кстати, в пэ-образном дворе имелась хоккейная коробка, на которую я сейчас задумчиво смотрел из кухонного окна легенды советского спорта, Всеволода Боброва. Принял нас бывший капитан сборной СССР по хоккею и футболу хорошо. Можно даже сказать обрадовался, особенно, когда мы сообщили, что в Москве лишь проездом из Горького в Чикаго. Однако дальнейший наш разговор зашёл в тупик. Коноваленко сидел понуро за столом, а Всеволод Михалыч уже пятнадцать минут маялся, пытаясь разными намёками отправить непрошенных гостей в пеший поход по многочисленным музеям столицы.

— Сергеич, ты же знаешь, как я тебя уважаю? — Спросил Бобров вратаря Коноваленко.

— Не отвечайте, Виктор Сергеич, — попросил я. — На славах почти все, как Лев Толстой, а на деле разные случаются варианты. То есть я правильно понял, что связываться с командой из дальнежопнинска вам мешает боязнь потерять лицо? Как начнёт наше «Торпедо» валиться в чемпионате, то и из второй сборной могут выпроводить?

Торт фабрики «Большевик», который мы купили в крыле этого же дома, в кондитерской напротив Всехсвятского храма, был давно порезан и даже на половину уничтожен. Чай давно остыл, поэтому Всеволод Михалыч, чтобы не отвечать на неудобный вопрос, поставив чайник на плиту, сделал отвлекающий внимание «финт».

— Давно хотел к вам на рыбалку приехать, — пожаловался, тяжело вздохнув, Бобров. — Как у вас рыбалка на Волге?

— Не отвечайте, Виктор Сергеич, — я громко прокашлялся. — А если мы начнём крушить всех направо и налево?

— Мои поздравления, тогда зачем вам тренер? — Не отступал Бобров, откровенно посмеиваясь мне в лицо.

— А если я расскажу, что вас назначат главным тренером сборной СССР после Олимпиады в Саппоро, вы мне поверите? — Я посмотрел на улыбающуюся легенду спорта.

— Не буду скрывать ходят такие разговоры, — не удивился Всеволод Михалыч.

— Ладно, — я выключил ненавистный полупустой чайник, из которого пошёл пар, и зашёл с последних козырей. — Тогда слушайте дальше. Чемпионат мира в Праге вы проиграете. Будет ничья и поражение от чехов и ещё ничья со шведами. Как итог — безнадёжное второе место. Далее в сентябре матчевая встреча с канадскими профессионалами. В Канаде первая игра — победа, потом — поражение, ничья, и опять победа. В Москве первый же матч — победа. И всё начальство радостно забегает с криками: «Михалыч чемпион! Победитель проклятого загнивающего капиталистического спорта!» А потом бац! И три подряд поражения! Итог — общий проигрыш самой великой хоккейной серии этого века. Всё потому что вам элементарно не хватило опыта работы с командой высшей лиги.

Я выпалил эту информацию такой скороговоркой, что даже сам немного запыхавшись, взял паузу, чтобы собраться с новыми мыслями и дать усвоит сказанное своим собеседникам. На Коноваленко мои предсказания произвели впечатление, а вот Бобров лишь ещё сильнее расплылся в улыбке и хитро посмотрел на нас обоих. «Да, да, сочиняйте дальше», — читалось в его взгляде.

«Если психологическая атака не удалась, то продолжим», — решил я и продолжил:

— А потом всё же придёт успех. Вы выиграете два подряд чемпионата мира 1973 и 1974 годов. И всё, на следующую серию с профессионалами из Канады вас в сборной уже не будет. Ведь первую серию вы проиграли. И никаких побед больше не будет.

— А чё так? — расхохотался Всеволод Михалыч. — Фантазии на большее не хватило?

— Я никому этого не рассказывал, — я задумался, чем бы ещё напугать Боброва, поэтому медленно налил себе в кружку кипяточка. — Но сегодня специально для вас открою тайну. Сергеич не даст соврать, что я ещё этим летом был простым заводским пьяницей. Пил до потери человеческого облика и за бабами ухлёстывал. Но однажды так ухайдакался, что увидел будущее лет так на пятнадцать вперёд. Поэтому мне стало страшно от тупой бесцельности своей жизни. Я завязал с этим делом, — я щёлкнул пальцем по горлу. — И начал играть в хоккей.

— Так ты что, нигде до этого года не играл? — Спросил Всеволод Михалыч, еле сдерживая прущий наружу гомерический гогот.

— В том-то, Михалыч, и загадка, — очень серьёзно произнёс молчун Коноваленко. — Иван выиграл на моих глазах с одними дедами чемпионат завода, а потом с моим «Торпедо» турнир в Череповце. А я всё голову ломал — ну не может такого быть? А тут вон оно как получается.

— Завод, — захохотал Бобров. — Череповец! Мужики, вы меня извиняйте у меня сейчас дела. Давайте в следующий раз я к вам на рыбалку в Горький заскочу. — Сева встал и протянул руку Сергеичу, прямым текстом намекая, что пора и честь знать, то есть сваливать по добру.

Коноваленко пожал ладонь легенды спорта, я тоже. И мы, как опущенные в одно плохо пахнущее место, потёпали в прихожую.

— У вас, Всеволод Михалыч, во дворе коробка хоккейная, — я продолжал цепляться за последний шанс. — Мы с Сергеичем там сегодня в хоккей играть будем до вечера. Мастер класс для детворы. Вы подумайте, пожалуйста, о том, что будущее можно изменить. Неужели хочется заканчивать с большим спортом всего через три года? Если что, то выходите на улицу.

— Да, валенки только отыщу с лыжами, чтоб в сентябре по асфальту рядом с вами бегать, народ смешить, — Бобров вновь громко расхохотался.

* * *

— Ещё полчаса и валим в Горький, — зло глянул на меня Коноваленко, защищая ворота «южных».

— Да, что-то долго Сева соображает. Как он с такой думалкой умудрялся и в хоккей играть, и в футбол? — Я посмотрел на часы, где маленькая стрелка уже подползала к семи часам вечера. Во дворе стало по-осеннему темнеть, даже детишки многие убежали учить уроки. — Итак! — Крикнул я оставшейся ребятне, — промышленный север против рабовладельческого юга, седьмой и последний период до первого забитого гола. Мои «северяне» ко мне на секретный тайм-аут.

Я собрал троих ребяташек у своих ворот, Коноваленко оставшуюся троицу сорванцов у своих. Если не принимать во внимание, что «похищение тренера» с треском провалилось, то поиграли сегодня от души, как в детстве. Купили две клюшки, здесь в «Детском мире» недалеко от «генеральского» дома, маленький резиновый мячик и всё, больше никакой экипировки для хоккея на асфальте не понадобилось.

Сначала я бегал по хоккейной коробке в брюках и рубашке, а затем так разогрелся, что рубашка отправилась следом за плащом в машину к Коноваленко. А вот Виктор Сергеич меня позабавил, полдня потел в своем выходном костюме, ведь не абы к кому приехал, а к лучшему другу. Но потом и он остался, как и я, в одних брюках и майке. Жильцы дома,

которые прибегали ругаться, видя игрока сборной СССР, брали автографы, и какое-то время даже болели за одну из уличных команд. Среди зрителей появлялись и барышни, которые буравили мой бугристый мощный и потный торс немигающими взглядами. На что мой перевоспитанный голос в голове безмолвствовал. А что касается счёта на табло, то пять периодов выиграл я и мои пацаны, а один, мы специально отдали команде «южных», то есть ребятам прославленного советского голкипера.

— Парни, значит так, — я стал рассказывать последнюю комбинацию на сегодня. — Я выигрываю вбрасывание и откатываю тебе Игорёк, а ты на другой борт Юрке. И покатайте так друг на друга раза три. Потом мне на правый борт, по которому я пойду вперёд. И самый главный финт, ты Андрейка, оставляешь наши ворота пустыми и скрытно как мышка бежишь в атаку замыкать дальнюю штангу. Я соберу всех на себя и выкачу тебе на пустой угол. Лады?

— Лады! — Гаркнули разом пацаны.

Я с Коноваленко встал на точку, где мяч нам бросил местный дворник, который наверно уже проклял этот день, ведь мячик иногда улетал очень далеко и мы, бегая за ним, топтали дорогие его сердцу клумбы. Как и всегда вбрасывание осталось за мной. Я откатил на Игорька и толкнул Сергеича в бок, чтоб тот не расслаблялся.

— Мы с тобой в Горьком поговорим, — зло прошипел Коноваленко.

— Играть научись, совсем всю ловкость растерял, — улыбнулся я, открываясь для передачи на левый фланг.

И вдруг около этого левого фланга появился сам Всеволод Бобров. в плаще и кепке. От неожиданности я остолбенел, и мяч из-под клюшки выкрали пацаны команды «южных».

— Вынимай, — улыбнулся Сева.

Я оглянулся и точно, наш то вратарь в атаку убежал, как договорились. Поэтому в пустые ворота радостный Коноваленко закатил победную «банку». Команда «южных», подняв клюшки, закричала дружное «ура»!

— Поздно вышел, — пробурчал недовольно Сергеич. — Всё, уезжаем в Чикаго проездом через Горький.

— Я тут подумал, — замялся Бобров. — А может вы и правы. Я ведь как тренер второй сборной большую часть времени только и делаю, что кандидатов отсматриваю. А Чернышёв с Тарасовым имеют постоянную тренерскую практику. Я после 1967 года, когда со «Спартаком» выиграл чемпионат, больше по-нормальному и не тренировал.

— Всеволод Михалыч, я же полдня об этом и твержу! — Я стёр грязный от пыли пот с лица. — Появилась такая идея, чтобы вам не испортить репутацию, предлагаю первые три матча со «Спартаком», со СКА и с ЦСКА, вы с нами побудете как консультант. А исполнять обязанности главного будет пока Игорь Чистовский, который в этом году повесил коньки на гвоздь. Он же потом и станет вашим ассистентом.

— Поехали, нечего его уговаривать, — «забычил» Коноваленко, дёрнув меня за руку.

— Не горячись, Сергеич, дело-то не шуточное, — обиделся Бобров. — В общем, первого октября буду у вас в Горьком. Если «Спартак» обыграете, возьмусь за вас. А эти фантазии твои довольно любопытны, — Сева исподлобья посмотрел на меня. — Есть такое мнение, что в следующем году стоит устроить серию с Канадой, но про это никто знать не мог. Это тет-а-тет мне сообщили там, — Всеволод Михалыч показал пальцем на небо. Намекнув не то на кремлёвское руководство страны, не то на единого Творца всего сущего.

Двадцать шестой чемпионат СССР по хоккею взял старт, без каких либо происшествий, 1 октября 1971 года. Из девяти команд класса «А» Высшей лиги, лишь две представляли отечественную периферию, челябинский «Трактор» и моё горьковское «Торпедо». Ещё одна команда была из культурной столицы, города Ленинграда. И шесть клубов — защищали честь Москвы и Московской области. Чем хорош был такой неполноценный круговой чемпионат без настоящего мужского хоккея, который возможен лишь только в играх плей-офф?

Во-первых: все игроки сборной на виду и часто играют друг против друга. А ещё, вдруг Леонид Ильич Брежнев вместо охоты захочет на игру пожаловать, ему что, в Свердловск лететь или в Челябинск? Это же элементарно неудобно! Придворные театры для того и придумали, чтобы не мотаться на край света.

Во-вторых: такой чемпионат хорош для подготовки к главным играм сборной страны. Ведь спортсмены не убиваются в сериях до четырёх побед за главный кубок сезона, как в НХЛ. Поэтому меньше травм, меньше нервотрёпки, больше сил для чемпионата мира или Олимпиады, куда хоккеистам из жёсткого профессионального хоккея пока дорога закрыта.

В-третьих: меньше транспортных расходов. Ведь большую часть сезона «Спартак», «Динамо», ЦСКА, «Крылья советов», «Локомотив» и «Химик» на автобусе дальше Воскресенска не поедут.

Но у любых преимуществ всегда найдутся свои существенные недостатки. Чего лишал такой «карманный» чемпионат СССР из девяти команд без битвы в плей-офф?

Первое: рост мастерства хороших по потенциалу спортсменов, которые, не играя против сильнейших хоккеистов страны, медленно деградировали в своих захолустьях. Чемпионат огромного СССР вполне мог позволить себе мощную лигу с двадцатью командами, разбитыми на два дивизиона, по принципу НХЛ. В таком соревновании рубились бы не на шутку представители Белоруссии, Украины, Казахстана и Латвии. Сейчас же «Торпедо» Минск, «Динамо» Киев, «Торпедо» Усть-Каменогорск и «Динамо» Рига занимались какой-то ерундистикой в первой лиге.

Второе: страна лишалась создание настоящей хоккейной индустрии на долгие годы, строительство хоккейных дворцов на двадцать тысяч мест, как в Северной Америке. И конечно придание профессионального статуса хоккеистам, труд которых ничуть не проще, чем в шахте, в поле или у станка. Хоккейная лига СССР стала бы зарабатывать деньги, а не потреблять бюджетные средства. Ведь чемпионат, созданный по принципу придворного театра, с придворной же командой — это всегда одни расходы.

А третье лишение вытекает из второго. Объединение сильнейших хоккейных держав на момент 1971 года: СССР, Чехословакии, Швеции и Канады для главного, создание настоящего чемпионата мира среди сильнейших хоккеистов планеты в обход непонятной и мутной международной федерации, ИИХФ. Остальные же страны, так же бы влились в такой чемпионат, потому что слабые всегда идут следом за сильными.

* * *

— Свистухин, что это такое? — Я показал свой огромный сильный кулак.

— Это твоя тренерская рука, — глянув исподлобья, пробормотал нападающий.

— Иди к доске, — рыкнул я, поглядывая на притихших хоккеистов за полчаса до игры против московского «Спартака».

Кстати стартовую игру сезона по решению Обкома и заводского начальства назначили на хоккейный стадион «Торпедо» под открытым небом. По официальной статистике

народищу набилось под завязку — восемь с половиной тысяч человек. По неофициальному отчёту — десять. Проще говоря, народ на трибунах выдохнул и «утрамбовался». И сейчас в подтрибунной раздевалке слышался с улицы свист, шум и гам.

«Лишь бы не стали разом дружно топтать ногами, — подумал я, посмотрев на потолок, с которого сейчас осыпалась штукатурка. — А то похоронят нас здесь в самом рассвете хоккейных лет».

— К доске говорю, иди, — я похлопал металлическую окрашенную белой краской доску, на которой была нанесена разметка хоккейного поля и стояли чёрные и серые фишки на маленьких магнитиках.

— А чё сразу я? — Завозмущался Коля Свистухи.

— А я тебе уши надеру, паршивец этакий, — я снова показал свою угрожающую мирному здоровью тренерскую руку.

— Каждый день только и слышим, уши надеру, шею намылю, да поджопников напинаю, — забухтел под нос Николай, пробираясь к хоккейной доске с магнитными фишками.

— Покажи нам всем, как сегодня будем выполнять хоккейную ловушку в средней зоне? — Я недобро улыбнулся, так как за два предыдущих дня просто озверел, командуя упрямыми и неуправляемыми мужиками.

Ведь кто я для них? Вчерашний пьяница, который в чемпионате СССР не сыграл и матча. Я же первым делом направил свои тренерские усилия на тактические хитрости. Наипервейшее чему я взялся обучать коллектив — это хоккейная ловушка Жака Лемера, с помощью которой он выиграл в 1995 году кубок Стэнли с «Нью-Джерси Девилз». Команда у него была примерно как наша, рабоче-крестьянская. Правда, в народе игру, которую поставил Лемер своим подопечным, называли «говнохоккеем». А я решил, мы же не кушать хоккеем собираемся, а играть, поэтому два дня угрохал, гоняя по этой схеме игроков и в хвост и в гриву.

Почему я, а не и.о. главного Игорь Чистовский? Так поссорились мы на первой же тренировке. Когда он налёг на беготню с кувырками, я ему и заявил:

— Борисыч, мы со «Спартаком» в хоккей играть будем или соревноваться, кто больше накувыркается или через борт перемахнёт?

— Я тут тренер, а ты игрок и делать должен то, что я скажу! — Зло бросил Чистовский.

— Ага, ты морячка, я моряк, будешь раком или так, — так же зло ответил и я. — Ты, Игорь иди пока на трибуну отдохни. Нам «Спартак» обыграть нужно кровь из носу, чтобы Бобров Сева стал тренером «Торпедо». Кувырками, к сожалению, голы не забиваются.

В общем, до потасовки дело не дошло, игроки вовремя вмешались. Но теперь на кону стоял не только тренер Бобров, но мой авторитет и я, которому после поражения в команде не жить. Ведь не всё в жизни можно решить кулаками.

— Слушаю тебя внимательно Николай! — Я встал так, чтобы если что, то сразу дать хорошего подзатыльника.

— Я как центр нападения играю волнореза, — Свистухин передвинул серую фишку вперёд. — Правый край Шигонцев и левый Смагин располагаются позади меня под углом. Моя задача оттеснить противника либо вправо, либо влево.

— Допустим, ты отогнал спартаковца на левый борт, — я передвинул чёрную фишку налево. — Что дальше?

— Я перекрываю, — тяжело вздохнул Свистухин, — передачу от этого спартача либо

совсем назад, либо по диагонали назад. Смага встречает его в лоб. — Николай передвинул фишку Смагина. — Шига, э, Шигонцев блокирует с боку. И наш защитник перекрывает диагональный пас вперёд.

— Молодец, — я хлопнул Свистухина по плечу. — Неси дневник, ставлю пять.

— Может ему ещё родителей в школу вызвать? — Заржал кто-то с места и народ немножко похихикал.

— Теперь разберём, кто против кого будет выходить на лёд, — я заглянул в тетрадку, где у меня был записан примерный состав московского «Спартака». Много мне пришлось за эти два адских дня побегать, поднять литературы и решить множество мелких и насущных вопросов. — Против тройки, где будут играть Шадрин и Якушев сыграет Свитсухин с своими орлами плюс пара защитников Мошкарров — Ушмаков. Как Якушева будете встречать?

— С цветами и оркестром! — Заражал Толя Фролов и грохнули все.

— Это потом, — я тоже посмеялся и поднял руку, призывая к тишине.

— Один в тело играет, другой шайбу отбирает, — сказал с места Сергей Мошкарров.

— Только ломать и убивать не надо, нежнее, — попросил я. — Против звена, где будет играть Зимин и Старшинов, выйду я с Ковиным и Скворцовым плюс защитники Гордеев — Куликов. А главная наша ударная сила, тройка нападения: Мишин — Федотов — Фролов и защитники: Астафьев — Фёдоров, будут играть против слабейшей пятёрки «Спартака». Ваша задача подолгу контролировать шайбу в зоне атаки, чтобы они на вас нарушила правила и нагружать вратаря спартаковцев бросками. По возможности забить.

— А кто будет у нас следить за очередностью смен? — Спросил вдруг капитан и комсорг Лёша Мишин, когда я уже хотел вывести команду на лёд.

«Египетская тьма, у нас ведь даже ассистента Виталича нет, — подумал я. — Он ушёл вместе с Прилепским тренировать заводскую команду для первенства города и области. В неё мы, кстати, отдали часть игроков основы, чтобы у них была постоянная игровая практика. Игорь Чистовский сказал, что просто постоит рядом на скамейке запасных, пусть на большее мы, неблагодарные, не рассчитываем. В команде появился новый администратор, но он сегодня на трибуне рядом с Севой Бобровым, развлекает почётного гостя, одесскими анекдотами».

— Саша Котомкин! — Окликнул я запасного вратаря. — Ты же у нас чемпион по преферансу. Значит, карты хорошо умеешь считать. Будешь следить за порядком смен. Всё! Давай на лёд! За «Торпедо»! — Я ткнул рукой в центр синего фирменного свитера, где было название команды, а ниже располагался логотип автозавода. — За «ГАЗ», за воду и за свет!

— И за фуршет! — Добавил Фролов.

И пока все ржали, я поправил свой игровой синий свитер с тридцатым номером на спине.

* * *

Начало игры получилось замечательным. Наша «ловушка в средней зоне» работала как швейцарские часики. Трибуны клокотали, видя, как мы давим московских фаворитов. Всё же «Спартак» — это великий клуб с большой историей, а мы всего лишь дерзкая гроза авторитетов. А когда на пятой минуте Коля Свистухин со своими партнёрами в очередной раз отобрал шайбу в средней зоне, пересёк синюю линию и бросил по воротам, радости болельщиков не было предела. Ведь шайба невероятным образом оказалась в сетке ворот Виктора Криволапова.

Честно говоря, со своего места и без несуществующих пока видеоповторов, я так и не

понял, как и в чём ошибся голкипер «Спартака».

— Молодчик, Свистуха! — Горланил я вместе с остальными мужиками. — Больше контролируем шайбу! Сейчас нужно сбить наступающий порыв Москвы! — Стал я подсказывать своим партнёрам по команде, перекрикивая ликующих болельщиков.

— «Торпедо»! «Торпедо»! — Скандировали в это время переполненные трибуны.

— Ваша смена, — сказал, похлопав меня по плечу, запасной вратарь Саша Котомкин.

«Чего же я тогда старался орал?» — подумал я, выходя на лёд с Ковиным и Скворцовым против тройки спартаковцев Зимина, Старшинова и Климова. Кстати, капитану москвичей Славе Старшинову уже тридцать один год, и он сейчас помощник главного тренера Юрия Баулина, всеми уважаемый мастер.

Но на хоккейной площадке заслуги и уважение коллег не в счёт. Вышел, получи. Я даже не успел заметить, как в меня влетел Старшинов и тут же отлетел обратно, полежать и собраться с мыслями.

— Тафгай! Жару поддай! — Заскандировали болельщики на передних рядах.

Ну, я и поддал, сыграл в стеночку с Ковиным, ворвался в зону атаку по правому флангу и щелкнул от всей души. Однако под шайбу смело бросился защитник красно-белых, впрочем, которые сегодня играли в белой форме с красными полосками. И чёрный резиновый диск на огромной скорости впечатался в тело спартаковца, после чего отрикошетил за пределы поля. На трибунах все замерли, потому что защитник неподвижно остался лежать на льду.

— Человека убил, — недовольно шикнул мне со спины Старшинов.

— Не сочиняй, советские хоккеисты ещё и не такое выдерживали, — я подъехал к игроку команды гостей, снял крагу и стал нащупывать пульс на шее.

— Убери, б...ь, грабли, — прохрипел, лежащий на льду, защитник «Спартака» Мигунько, открыв глаза.

— Если матерится, значит — жить будет, — грустно улыбнулся я, так как тоже перепугался.

Не знаю почему, но этот жесткий игровой момент, меня так выбил из колеи, что я несколько смен провел, стараясь действовать как можно осторожней. На скамейке запасных больше не покрикивал и не подбадривал партнёров. В итоге за это и поплатился.

Ближе к концу первого периода, вместо того чтобы принять на корпус Старшинова, против которого я продолжал действовать, в последний момент притормозил и Вячеслав отдал красивую разрезающую передачу на ход Климову. Даже наша пара защитников немного опешила от моей показной корректности. И Константин Климов вышел один на один и сравнял счёт.

— У-у-у! — Разочарованно выдохнул весь стадион.

— Ты чего скис? — Спросил меня в подтрибунном помещении капитан команды Мишин, когда мы шли в раздевалку. — Ты же Мигунько не со зла, не исподтишка клюшкой ткнул в одно место. Проснись...

— Да, осознал я, — поднял я руки вверх, якобы сдаюсь. — Сейчас чайку нашего грузинского выпью, сразу злость проснётся, за то, что даже чая нормального в магазинах нет.

В раздевалке я ещё раз повинился в пропущенной шайбе, без которых хоккея не бывает, и похвалил всю команду за самоотдачу.

— Я понимаю, вы меня за последние дни возненавидели, — я снова встал у доски с фишками. — И оплеухи я раздавал, и клюшкой пониже спины шлёпал. Но ловушечка наша

работает. Во втором периоде дожмём «Спартак»!

— А я не согласный, — высказался с места Свистухин, автор первого забитого гола в сезоне. — Что это за методы? Чуть что сразу подзатыльник.

— Свистуха не гундось, ты ещё детский сад вспомни, где тебя в угол ставили, — пророкотал вратарь Коноваленко. — Забить надо ещё мужики, нам эта победа ой как нужна, сами понимаете для кого.

Во втором периоде дела у команды пошли ещё лучше. «Спартак» просто терялся, сталкиваясь с ловушкой в средней зоне. А мы наоборот, много бросали и буквально сидели на воротах Виктора Криволапова. Трибуны в ожидании, что сейчас вот-вот будет гол, затаили любимую кричалку всего Советского союза, которую иногда болельщики использовали и на футбольных матчах:

— Шайбу! Шайбу!

Однако ловушечка в это раз не сработала. Затолканный мной к левому борту Зимин успел отыграть шайбу назад на защитника Паладьева, который в касание перевёл в центр на Славу Старшинова. И тут уж я не подкачал. Дал так в корпус ветерана в момент получения им шайбы, что Вячеслав отлетел метра на четыре. Но и я потерял скорость, поэтому пропихнул шайбу на Ковина.

Володя свободно ворвался в зону атаки, сделал ложный замах, уложив защитника «Спартака» на лёд, и проехав ещё дальше, резким пасом на другой край вывел на пустой угол Сашку Скворцова. Скворец замахнулся, уронил этой обманкой всех, кто бросился блокировать этот бросок и выкатил по центру мне. А я, без лишних Гамлетовских терзаний, загнал шайбу в уже пустые ворота.

— Го-о-ол! — Задрожали от долгожданной радости трибуны, и даже кое-кто подбросил вверх шляпы, тёплые кепки и даже зимние не по тёплой погоде шапки.

Я поднял правой рукой клюшку вверх и медленно, получая поздравления от партнёров по звену, прокатился вдоль трибун. А когда почти десять тысяч стали скандировать: «Тафгай! Тафгай!», я чуть не прослезился. «Первая пошла», — подумал я о первой забитой мной шайбе в чемпионате СССР.

На скамейке запасных я вновь принялся подбадривать и подсказывать что-то одноклубникам на льду. Наверное, это было пустое, так как в пылу борьбы обычно ничего не слышно, но мало ли, а вдруг!

— Фёдоров, играй в тело! — Кричал я, облакачиваясь на бортик. — Астафьев шайбу после отберёт! Свистухин, куда попёр?! Кто ловушку закрывать будет я или Герберт Уэллс?! Какой в жопу Уэллс? Машино временной вот какой!

— Иван, — вдруг услышал я за спиной голос и.о. главного тренера Игоря Чистовского, который весь первый период простоял как памятник нерукотворный. — Ваша смена.

— Вот и правильно Борисыч, — улыбнулся я. — Не дело это запасному вратарю следить за сменами. На тренировке поругались, здесь померимся. Кова, Скворец за мной! — Я подмигнул своим партнёрам по тройке нападения. — Сейчас ещё одну банку отгрузим.

На волне успеха, и всеобщего эмоционального подъёма работяг со всего Автозавода, нам даже не потребовалась ловушка в средней зоне. Мы сразу же завладели шайбой и заперли вторую спартаковскую пятёрку в зоне атаки. Почти минуту гоняли шайбу туда и сюда, пока уставший и разозлённый Женя Зимин не уронил Сашку Скворцова, поставив тому подножку.

— Зима, мать твою! А головой подумать?! — Крикнул от борта тренер спартаковцев

Юрий Баулин.

«Ну, что Юрий Николаевич, сейчас вам будет второй сюрприз», — расплывшись в улыбке, подумал я, проезжая мимо наставника «Спартака». Он же, судя по выражению, готов был меня как максимум испепелить, и как минимум отвести к прокурору.

— Кто пойдёт на розыгрыш лишнего? — Спросил на скамейке запасных не то меня, не то капитана команды Мишина, не то вообще всех, Боря Чистовский.

— Спокойно Борисыч, — заулыбался Лёша Мишин. — У нас все ходы давно прописаны. И без прочих ненужных слов реализовывать большинство поехали: тройка Мишин — Федотов — Фролов, защитник Астафьев и я. Вбрасывание, после того как я поборолся на точке, осталась за нами. Расположились мы в классический «конверт», где Саша Федотов стал его центром, а я притаился у правой штанги, периодически по ситуации залезая на пятак, раздавая и получая там тумачи. Хорошо когда есть домашняя заготовка, и все игроки работают на автомате, перекачивая шайбу с края на край. И плохо, когда против неожиданной новинки приходится действовать впервые, примерно это читалось на лице у тренера «Спартака».

— Лёша! Лёша! — Закричал я, стуча по льду клюшкой, это означало, что минута в большинстве прошла и пора переходить к операции «Багратион», то есть к забиванию шайбы в сетку.

Я снова залез на пятак, где Кузьмин с Паладьевым, лучшая спартаковская пара защитников, уже по мне «заскучала». Мишин отдал пас на нашего защитника Астафьева, то в касание на другой край Фролову, и наконец бросок, подставление и шайба, чиркнув штагу улетела в левое закругление, где первым оказался Мишин. «Круговорот шайбы в зоне атаки», — зло улыбнулся я, двинув сначала Паладьеву, а затем Кузьмину.

— Уберите «тридцатку» с пятака! — Почувяв, что «запахло жареным», заблажил Баулин. — Кузьма двинь ему как следует!

«Да двинул он уже как следует, и получил тоже», — подумал я, закрывая своей задницей обзор вратарю. И тут же просунул клюшку под бросок защитника Вовки Астафьева. И... Трибуны подозрительно замерли и вдруг резко грохнули охрипшими заводскими глотками:

— Го-о-ол!

— Да! — Заорал я и попал в объятья партнёров по команде.

В раздевалке, перед третьим периодом к доске с фишками вышел Николай Свистухин, герой первого периода:

— На третий игровой отрезок план игры такой, — начал он по-деловому. — Замотать «Спартак», задавить козырями, зашаховать и заматовать всеми имеющимися фигурами. Играть только в зоне атаки! Вся команда только вперёд!

— Выпей Коля чаю, он успокаивает, — предложил исполняющий обязанности тренера Чистовский. — В третьем периоде действовать нужно предельно осторожно.

— В третьем периоде играть нужно так, как и играли, — встал я, вытерев полотенцем заливающий глаза пот. — Будем осторожничать — плохо. Полезем с «шашками наголо» — тоже плохо.

— А если попробовать? — Брякнул Коля Свистухин, чем вызвал гогот всей команды, шапкозакидательское настроение которых мне явно не понравилось.

За две минуты до конца игры меня просто распирало от злости! В третьем периоде внезапно тренер «Спартака» переставил Зимина к Шадрину и Якушеву. И эта тройка за

минуту сравнивала счёт 3: 3, переиграв в своём микро-матче звено Свистухина, который позабыл, что их дело разрушать игру спартаковских лидеров, а не забивать. Пока опомнились, пока я отвесил затрещину «другу» Коле, приведя его в чувство реальности, момент был упущен. И сейчас, когда время таяло как мороженое, оставленное на солнцепёке, нужно было что-то сочинить.

«Хотя возможно Сева Бобров и так за нас возьмётся, ведь командный потенциал мы показали? — думал я. — А может и пошлёт нас на рыбалку, ведь ловить с нами нечего. Отдали выигранный матч!»

— Смена, — скомандовал Боря Чистовский, выпуская после тройки Федотова, мок тройку.

Я посмотрел на табло, где часы показывали минуту тридцать пять секунд до финальной сирены. Вытер полотенцем лицо и решил «была не была».

— Защитники Астафьев и Фёдоров останьтесь на льду, — буквально прорычал я. — И вы, первая тройка тоже.

— Ты чё задумал? — Зашипел в ухо Чистовский.

— Юра, Фёдоров, — я подозвал защитника к себе, проигнорировав вопрос исполняющего обязанности тренера. — Сергеичу в воротах скажи, что как только я свистну, чтоб бежал на скамейку запасных.

— Шестого полевого выпускаем? — Удивился Лёша Мишин.

— Да, ты Тафгай еб...ся! — Вскрикнул Чистовский. — Ничья со «Спартаком» это же здорово! Сейчас закатят нам в пустые и пи...ц!

— Если мы будем четко контролировать шайбу, не закатят, — у меня возникла новая идея. — Федот, сядь пока на лавку. Я за тебя в центр выйду, чтобы гарантированно выиграть вбрасывание.

— А кто свистеть будет? — Спросил Боря Чистовский, немного успокоившись.

— Котомкин, Саша, как только мы войдём в зону атаки, сразу свисти Коноваленко, — я выдохнул и покатил на точку, так как судья уже сделал нам первое и последнее «китайское предупреждение».

Чистовскому в такой ситуации я довериться побоялся. Второй вратарь надёжнее, так как он уже знает, какова моя тяжелая тренерская рука.

Весь стадион «Торпедо», когда увидел, что Витя Коноваленко оставил ворота пустыми и уступил место Саше Федотову разом стих.

— До верного разыгрываем! — Кричал я, толкаясь на пятаке. — Не шмаляем просто так!

— Убери тридцатку с пятака! — Требовал от своих защитников тренер москвичей Баулин. — Двинь ему!

— Шайбу! Шайбу! — Вдруг проснулись трибуны, когда до конца оставалось двадцать секунд, а мы продолжали комбинировать без бросков в зоне атаки.

Наконец я постучал клюшкой по льду, требуя навесить шайбу на пятак. Астафьев перевёл на Фёдорова и тот бросил с кистей. И тут же я получил чувствительный удар в спину, и уже падая, зацепил черный резиновый диск крюком своей длиннющей клюшки. Мои партнёры по звену, не сговариваясь, ринулись к воротам на добивание. Но слава советскому спорту, этого не потребовалось, потому что защитник «Спартака» Паладьев сам случайно коньком запихнул шайбу в свои ворота. За бортом загорелся красный фонарь, а судья встречи свистнул и указал на центр.

— Го-о-ол! — Орали болельщики, которые уже давно досматривали игру стоя на ногах. А затем послышалось самое сладкое для уха и приятное сердцу каждого спортсмена простецкое скандирование:

— Молодцы! Молодцы! Молодцы!

Глава 10

Я сидел в раздевалке полностью выжатый, как старый, забытый в умывальнике, пластиковый тубик с зубной пастой. Не было сил даже нагнуться и снять коньки. С верхней части тела, игровой свитер с номером «30», и защитную амуницию я стащить умудрился, а дальше хотелось лишь закрыть глаза и забыться. Что в принципе я и сделал, не обращая внимания, на суету и радостные вопли партнёров по команде.

— Мужики! — Горланил Свистухин. — По сколько берём на брата? Не каждый день «Спартак» дёргаем, сегодня сам Бог велел.

Я приоткрыл один глаз и заметил, как немного смутившись и косясь на меня, капитан команды Лёша Мишин заявил:

— Не чемпионат СССР выиграли, проскочили на первый раз. Возьмём пива, и шашлык на базе пожарим.

— Да, б...ь, не серьёзно это как-то, — Коля Свистухин, расстроено бросил свитер в баул. — Зря, что ль горбатились?

— Что? — Услышал я над собой голос нашего как бы тренера Игоря Чистовского. — Не доверил мне свистнуть в конце игры?

— Борисыч, я же понял по глазам, ты бы не свистнул, — устало пробормотал я, всё же заставив себя нагнуться, чтобы развязать коньки на гудящих ногах. — Так бы до конца игры и гоняли бы без шестого полевого.

— Да! — Закипел наш полунаставник. — Я бы на это не пошёл! Мы добились своей законной ничьи, есть своя синица в руках, какие к херам журавли? А если бы...

— Я дал слово Боброву, обыграть «Спартак»! Чтобы доказать, что мы команда с огромным потенциалом! — Я хлопнул кулаком по лавке, на которой сидел и народ в раздевалке притих. — Смагин, скажи всем, почему ЦСКА — чемпион? — Спросил я игрока который ещё в прошлом году провёл шесть игр за армейскую дружину.

— Тарасов всегда твердил, что нет другого результата, кроме победы, — ответил Вова Смагин.

— Вот, б...ь! — Я встал с места. — В этом главный секрет! Безусловная вера в победу, помноженная на холодный расчёт и мастерство! И самое сложное — это перестроить головы, — я показал пальцем на свой лоб.

— Может, для этого дела взять кое чё посерьёзней пива? — Влез с предложением Коля Свистухин, чем вызвал хохот почти всей команды.

— На базе в «Зелёном городе» вроде есть библиотека? — Я сделал сосредоточенное лицо. — Возьмём там для Свистухина что-нибудь из произведений Ленина, какие-нибудь «Апрельские тезисы» и хватит!

«Тебе, между прочим, тоже политическая грамотность не помешает, — загундосил голос в голове. — Завтра прикупи что-нибудь из качественной партийной литературы».

На этих словах в раздевалку вошёл Всеволод Бобров с нашим новым начальником команды Иосифом Шапиро. Да, за два дня в нашем «Торпедо» многое, что переменялось. После поездки в Москву, в кабинете у директора автозавода Киселёва в присутствии прежнего администратора Михал Дмитрича, я выложил на стол целый список требуемых

хоккейных реформ. Кроме изменений тренировочного процесса, были и сугубо организационные предложения.

— Если мы хотим попасть в призы, нужно, — упрямо твердил я уже полчаса директору Иван Иванычу Киселёву. — Возобновление работы цеха по производству вратарских шлемов. Вот вам заявки от голкиперов других команд, — я выложил на стол восемь бумажек, которые привёз из Череповца. — Второе, требуется расширить ассортимент продукции этого цеха. Нам нужна более качественная защита для всего тела. Нагрудники, налокотники, наколенники, трусы и прочее, всё это должно быть более объёмным, чем сейчас.

— Чем вам старые трусы-то не угодили? — Поддел меня Дмитрич.

— Не смешно, — расстроился я. — У нас в команде всего два защитника высокого уровня, Астафьев и Фёдоров. Если после попадания шайбы кто-нибудь из них получит травму, кем играть будем? Третье. Нам необходимо своё производство клюшек. В Риге же делают хорошие клюшки, значит, нужно кого-нибудь из тех мастеров переманить к нам на завод, чтобы скопировать технологию производства.

— Вам, что клюшек не хватает? — Заметно погрузнев, спросил директор «ГАЗа» Киселёв.

— Чтобы ребята на тренировках учились щёлкать по шайбе, клюшек нужно много, — тяжело выдохнул я. — Ломаются быстро.

— Да, — почесал затылок Дмитрич, рассматривая мой длиннющий список. — Иван Иваныч, есть у меня на примете хороший деловой парень, пусть он всем этим хозяйством и займётся. А у меня и других дел по горло.

Вот так вот и появился в команде новый начальник-администратор Иосиф Львович, специалист по профилю: где, чего и как лучше достать. Полезнейший человек в нашем советском хоккейном хозяйстве, где, куда не глянь — всё везде дефицит.

— Знакомьтесь, товарищи хоккеисты, это и есть наш прославленный Всеволод Бобров, — заулыбался Иосиф Львович, сопровождая дорогого гостя. — А это Виктор Сергеевич Коноваленко. Ну, в общем, вы сами всё знаете.

Коноваленко и Бобров обнялись. Затем легенда советского спорта пожал руку остальным ребятам команды.

— А, правда, что вы хотите нас тренировать? — Спросил Коля Свистухин.

— Думаю ещё, — ухмыльнулся Сева. — Вы мне парни лучше скажите, зачем в конце вратаря сняли? Могли же проиграть?

— Это была психическая атака, — ответил Свистухин. — Теперь пусть все знают, если приехали в Горький, то лапки кверху и не рыпаться. Правильно я говорю? — Николай посмотрел на меня.

— Рискнуть в начале сезона не такой уж большой и риск, — высказался я. — Тем более шайбу в позиционном нападении мы двигали хорошо, а так же на вбрасывании у меня почти проблем не было.

— Ну да, сезон длинный, — пробормотал Бобров. — Иван отойдём на минуту, поговорим.

Я всунул ноги в ботинки, а затем на голый торс накинул плащ. И в таком нелепом виде, в плаще, а так же в хоккейных гетрах и трусах, поплёлся в коридор. Ну а что? Не заставлять же ждать легенду спорта, пока я приму душ и выпью чашечку грузинского чая. Мы с Всеволодом Михайловичем отошли в укромный уголок, куда не забегали суесящиеся в подтрибунном помещении люди и он, задумчиво почесав затылок спросил:

— Скажи, а за что меня в 74-ом от сборной отстранят, если я чемпионат выиграю? Тарасов клязду накатает, как он это сделал на Чернышёва в 1957 году? — Бобров тревожно посмотрел по сторонам.

— В 74-ом Анатолию Владимировичу точно не до того будет, — я поднапряг извилины, пытаюсь вспомнить, что читал про те далёкие годы, которые ещё не наступили. — Тарасова из ЦСКА в 74-ом... Да, точно, в тот год попросят уйти. А тебя обвинять в том, что вроде ты какому-то чиновнику по мордасам залепишь.

— Зачем это? — Удивился Сева.

— Зачем? — Обстоятельств этого дела я не знал. — Чиновники тоже люди, тоже имеют право получать в рыло. Может даже и большее, чем простые смертные. Ты, Михалыч, лучше скажи про сейчас... Тренировать нас будешь или нет?

— Нет пока, — выдохнул Бобров. — С директором автозавода я встретился, всё обговорили. Приму вас после матча с ЦСКА, чтоб у меня неприятностей не было. А команде у вас ничего, заводная. Что за пацаны с тобой в тройке бегали?

— Ковин и Скворцов, года через два — три точно до сборной дорастут, — ответил я, уже соображая, как мне ещё несколько дней тренировать мужиков и не перессориться со всеми окончательно.

— Ладно, будь здоров, — Сева пожал мою широченную ладонь. — Я сейчас со «Спартаком» в Москву, семью надо к переезду подготовить. Со СКА я думаю, вы итак справитесь. Главное ЦСКА много не продуйте. Слушай, а может быть, ты не будущее видел, а так просто — бредил, «белочку» словил?

— Я бы этого исключать не стал, — я немного поёжился от холода, который был в коридоре, и переубеждать Всеволода не стал, пусть сам для себя всё досочинит.

— Нет, что-то тут не то, — пробубнил себе под нос Сева. — Кстати, стиль игры у тебя какой-то странный, канадский что ли? Если так продолжишь, возьму тебя во вторую сборную. Ну, до скорого.

* * *

На выходе со стадиона, игроков встречала огромная толпа народу. Среди подвыпивших мужиков, мелких и шустрых пацанов, а так же ветеранов-заводчан, которые желали пожать руку каждому хоккеисту, встречались и женщины. Некоторые были очень даже ничего, симпатичные. И ни все из них являлись жёнами и подругами игроков команды.

— Ты пойми, Виктор, — я вышел из подтрибунки вместе с Витей Доброхотовым, который просидел всю игру на скамейке запасных, — ты мне нужен, чтобы подменять либо Кову, либо Скворца. К Федотову тебя нельзя у них сыгранная тройка, к Свистухину тоже, они — чекеры. То есть игроки для ведения силовой борьбы, для разрушения действий противника.

— Может, я тогда пока за завод поиграю у Прилепского? — Не отступал он.

— Тренируйся со мной, и жди своего часа. Хотя, давай в Ленинград поедет Саша Соколовский, а ты здесь матч проведёшь, — я остановился, так как какие-то парни стали требовать автографов и Витю Доброхотова оттеснили в сторону.

— А мне подпишешь? — Передо мной, как мимолётное виденье, выросла Яна Снегирёва.

Не скрою было очень приятно видеть, такую красивую «принцессу» с большими серыми глазами из конструкторского бюро завода. Хотя что-то мне подсказывало, что Яна пойдёт по профсоюзно-комсомольской линии. Наиграется сейчас в инженера конструктора, а дальше

папа подскажет и поможет. Ведь папа всё может.

— Я всем подписываю, — широко улыбнулся я. — Болельщиков надо беречь, для них, в конечном счете, и играем. А ну не толкайте девушку! — Я схватил Яну в «охапку», так как толпа стала напирать. — Разойдись тут женщине плохо!

Я поднял Снегирёву на руки и, покрикивая на болельщиков, стал пробиваться из толчеи. При этом девушка делала страдальческое лицо и тихо мне под ухо похихикивала.

— Тебе как, просто «скорую» вызвать или медицинский вертолёт? — Спросил я, когда мы вышли на более спокойное место. — Темнеет уже.

— Несите меня товарищ медбрат вон в ту «Волгу», — снова хихикнула Яна.

— Персональная «Волга» в семидесятых, это как персональная яхта в нулевых, — тихо пробормотал я, но «принцесса» из КБ кое-что расслышала и переспросила:

— Что в нулевых? — Яна высоко вскинула брови.

— Скромно говорю живёте, не пора ли пересаживаться на «Мерседес-Бенц», — я одним плечом подкинул сползающий баул с формой и прикрепленными к нему ключками и понёс Снегирёву к нашей отечественной автомашине.

— Скажешь тоже «Мерседес», ну всё ставь на землю, шофёр увидит, — закапризничала «принцесса».

Просьбу девушки, поставить её на землю, я выполнил с удовольствием, так как ещё после игры всё тело ломило от усталости, просто показывать этого не хотелось. Ребята из команды в метрах двадцати уже стали загружаться в наш клубный автобус, и я тоже поспешил помахать Яне рукой:

— Где-то недели через две 13 числа с «Химиком» играем, приходи, — сказал я, прощаясь.

— Да знаю я, — улыбнулась Снегирёва, махнув рукой. — Четвёртого вы играете в Ленинграде, а седьмого с ЦСКА в Москве. Об этом весь Автозавод давно уже гудит. А сейчас вы куда?

— На базу отдыха «Зелёный город», я уже три дня как там живу, — я посмотрел на автобус, из которого мне активно махал наш новый начальник команды Иосиф Львович.

Я ещё раз улыбнулся и побежал трусцой к своим строптивым товарищам по «Торпедо». До базы отдыха «Зелёный город» на другой берег Оки, где мне выделили одноместный номер, пока администрация подыскивает однокомнатную квартиру, добираться было примерно километров двадцать пять. По сути, эта база напоминала чем-то пионерский лагерь. Деревянные одноэтажные домики. Стадион с минимумом мест на трибунах, уличная баскетбольно-волейбольная площадка, столовая в двухэтажном административном корпусе. Но кроме этого здесь была баня, небольшой спортзал и зал с тренажёрами, где по углам лежали гири, гантели, штанги и разной массы блины для неё. Окружён же «Зелёный город» был сосновым лесом, по окраине которого протекала речушка Кудьма.

Конечно, мы хоккеисты там были не в одиночестве. Во-первых, в Горьком несколько лет назад была открыта школа олимпийского резерва по фигурному катанию, и фигуристы с фигуристками тоже обитали здесь. А так же сюда заглядывали лыжники, легкоатлеты, гимнасты и футбольная команда «Волга» из второй союзной лиги.

И когда собиралось множество спортивной молодёжи, как мне рассказали, то в столовой по выходным крутили кино из кинопроектора, а потом устраивали танцы, пока тренеры не разгонят по палатам. Само собой в такой здравнице часто случались и романтические истории, и поэтому не удивительно, что первые браки у спортсменов часто

заклучались именно со спортсменками.

По прибытию на базу, перед праздничным фуршетом, я сразу побежал в душевую комнату, которая была, как и туалет одна на этаж. Не очень мне нравилось мыться на автозаводском стадионе, так как вода там постоянно полухолодная. А здесь в «Зелёном городе» своя котельная. Будет холодно в комнате, можно попросить подогреть батареи на полградуса.

Первым ко мне Сашка Скворцов:

— Дядя Иван, там уже все собрались. Вы скоро?

— Пусть начинают без меня, — бросил я, стоя в одной набедренной повязке из махрового полотенца и причёсываясь. — Ты смотри там, пива полкружечки примешь и харе! На мясо больше налягай, тебе мышечную массу нужно разгонять, а не пивной животик.

— Да я так, за компанию, — скромно пробормотал паренёк и закрыл дверь.

Вторым залетел Витя Доброхотов:

— Там Колька Свистухин гимнасток хочет позвать на фуршет.

— Передай ему, что если он зовёт гимнасток, то пусть потрудится пригласить и их главного тренера, — хмыкнул я.

— Это тётю Машу? — Заулыбался Виктор, показывая руками, до каких размеров раздобрела бывшая спортсменка. — Ладно, передам.

«Обязательно пусть пригласят комсорга, — добавил голос в голове. — Чтобы пресечь политические провокации».

«Да и уважаемого Леонида Ильича», — поддакнул я голосу.

И только я решил, пока там первые тосты говорят, до кучи сбрить прущую наружу щетину, как в дверь опять кто-то постучал.

— Да вы дадите мне хотя бы трусы надеть или нет?! — Гаркнул я.

— Извини это я, — послышался скромный голос Яны Снегирёвой, с которой я попрощался ещё у стадиона почти час назад.

— Яна? Конечно, входи, — я прикрыл махровым полотенцем то место, которое библейский Адам маскировал исключительно фиговым листом и решил посмотреть на реакцию девушки.

Реакция у «принцессы» Снегирёвой оказалась, что надо. Она лишь на полсекунды заглянула в комнату и, увидев мой голый торс, тут же захлопнула дверь.

— Дурак! — Крикнула она. — Я хотела с тобой по серьёзному вопросу поговорить! А ты?

Я выглянул одной головой в коридор и, улыбнувшись, сказал:

— Извини, подожди пять минут.

* * *

Гулянка по поводу удачного старта сезона шла уже полтора часа. На огонёк заглянули: гимнастки со старшим тренером, тётей Машей, фигуристки с двумя фигуристами из школы олимпийского резерва и ещё кто-то из легкоатлетов.

Я же скромно попивал квасок и поедая шашлык из свинины. Из головы всё никак не шёл разговор с Яной Снегирёвой. Не знаю, почему она решила, что я именно тот, кто может раздавать советы, но факт остается фактом, жаловаться на то, что ей надоела работа на автозаводе она приехала ко мне. Что я ей мог предложить? Идти массажистом в наше «Торпедо»? Во-первых, массажист в команде есть, да и руки в этом деле нужны сильные. И вдруг, я вспомнил свой американский опыт:

— Яна, а займись ты организацией группы поддержки «Торпедо»?

— Не поняла? — Девушка посмотрела на меня огромными глазами.

— В США для привлечения болельщиков на трибуны в паузах и перерывах выбегают на поле красивые девушки и под музыку показывают разные акробатические номера. А у нас на хоккее во время перерывов можно изобразить что-нибудь из балета на льду. Да много что можно придумать.

— Точно! — Снегирёва прямо вся засветилась от энтузиазма. — Нужно дать объявление в газету и уже к следующей игре с «Химиком» собрать группу поддержки и выступить. А то болельщики на стадионе только пьют и матерятся.

— Да, не хватает культуры на наших трибунах, да и болельщиков тоже, — тяжело вздохнул я, вспоминая полупустые залы на некоторых матчах в Череповце.

А когда Яна уехала, то недостаток культуры добрался и до нашего праздничного фуршета, на который принесли магнитофон и включили музыку.

— Иван! — Подбежала ко мне возмущённая тётя Маша. — Скажи своему Свистухину, чтобы он не лез целоваться!

— К кому? — Я вытянул шею в поисках беспокойного товарища по команде.

— Как к кому? — Удивилась тренер гимнасток. — Ко мне!

— Свистухин! Коля! Смотри сюда! — Я показал хоккеисту здоровенный кулак, на что тот вполне адекватно отреагировал. — Всё Мария...

— Можно просто Мария, — улыбнулась женщина.

— Надо бы на Горьковском телевидении снять про ваших гимнасток фильм и назвать его «Просто Мария». Как вам идея? — Еле сдерживая смех, спросил я.

— Не нравится, — почему-то обиделась тётя Маша.

По мере выпитого пива, и не только его, танцы набирали свой оборот, а я медленно сатанея, чуть ли не насильно отправил своих пионеров по палатам. А когда за быстрыми подергушками, начались медленные обжимашки, и уже захотелось разогнать и гимнасток с фигуристками, меня вдруг пригласили на медлячок. Я скрипнул от бессилия зубами, и приобняв невысокую фигуристую барышню пошёл танцевать.

— Как вас зовут? — Спросила загадочная блондинка.

— Сам прихожу, — пробурчал я, так как заметил, что Свистухин вытащил бутылку водки и закоктейлил её всем желающим в пиво, бармен хренов!

— А меня Женя, — заулыбалась девушка. — А вас все называют почему-то Тафгай.

— Фамилие такое, извините девушка, — я перестал обнимать осиную талию и прижимать упругие полусферки, и напрямик направился к фуршетному столу.

— Ты что творишь, Свистухин? — Я навис над партнёром по команде.

— Я только чуть-чуть для вкуса, — Николай как маленький спрятал бутылку за спиной.

— А если я подсвечу тебе под глазом, чуть-чуть для цвета? — Я махнул рукой и пошёл спать.

«Надо срочно сигнализировать в ЦК и Брежневу в Кремль! — Забубнил голос в голове. — Где ж это видано, что советские спортсмены не соблюдают режим?»

Глава 11

На следующий день в субботу на утреннюю пробежку по прекрасному сосновому лесу вышел я и ещё четверо одноклубников. Мои партнёры по звену Ковин и Скворцов, запасной игрок Доброхотов и подающий надежды неплохой защитник с очень редким правым хватом двадцатилетний Саша Куликов.

— Рекорды бить не прошу, — я посмотрел на ребят, теперь понимая тех тренеров, которые старались избавиться от строптивых ветеранов и набрать послушную молодёжь. — Но пять километров в лёгком темпе, чтобы продышаться пробежать надо. Давай за мной!

Я специально выбрал тропу, петляющую по пересечённой местности, и потрусил вперёд. В голове же постоянно крутилась одна и та же мысль: «Что мне делать с любящим погулять, коллективом? Бегать, здоровых мужиков перевоспитывать было не солидно, да и противно. Итак, уже на тренировке нервы стали сдавать. И когда появится Бобров, совсем не факт, что мужики перестанут снимать напряжение так, как вчера. Хотя вчера, как призналась Тамара Михайловна, наш клубный врач, всё было пристойно. Сегодня же поговорю с Мишиным. Пусть он свою первую пятёрку берёт в ежовые рукавицы — это раз. И второе, вместо Саша Котомкина поднимем из заводской команды молодого вратаря Вову Минеева, который, кстати, в Череповце хорошо помог. И третье, вытащить бы ещё одного талантливого юниора, которого помню по будущему. Тогда из восемнадцати игроков основного состава в команде будет тринадцать хоккеистов готовых не бухать после очередной победы. Ведь главная цель — это медали чемпионата СССР. Остальных же пацанов придётся раздать в команды первой лиги и наш горьковский «Полёт». Докатился! Вот я уже и думаю как тренер, который готов резать по живому!»

— Иван, а почему ты не пьёшь со всеми? — Рядом посеменял Саша Куликов. — Здоровья в тебе немерено.

— Во-первых, я своё отпил, а во-вторых у меня есть цель — выиграть медали чемпионата и попасть в сборную страны. Да и поиграть я хочу ещё лет десять минимум, а мне уже двадцать пять. И вообще, я мечту на алкоголь не размениваю. Мужики давайте последний километр на скорость! — Скомандовал я и втопил первым, пусть не зевают.

* * *

Очень часто люди, которые никогда не занимались спортом, любят в оправдание приводить цитату Черчилля: «Своим долголетием я обязан спорту. Я им никогда не занимался». Британский политик, конечно же, лукавил, так как всё же физкультурой он занимался, да и долголетие ему обеспечила высококлассная элитная медицина. Но кое в чём он прав, спортом нужно заниматься с умом. Особенно это касается наращивания мускулатуры, без которой в хоккее чаще будут бить тебя, а не наоборот, что крайне обидно.

— Разрешите представить товарищи хоккеисты нашего нового тренера по атлетике, Платон Хомулев, — я первым хлопнул в ладоши, за мной вынуждено поаплодировали и остальные ребята. — Платон ведёт кружок на нашем же Автозаводе, и теперь по совместительству, будет делать из вас Гойко Митичией. Так?

— Если выжать восемь раз по три подхода штангу, то можно нарастить объём мышечной массы, — атлет посмотрел на меня с неммым вопросом, то ли он сказал.

— Платон нам друг, но истина дороже, давайте приступим, — я хлопнул квадратного парня по плечу. — Первая пятёрка сегодня работает на ноги, вторая на плечевой пояс, третья пресс и мышцы спины. Корректировать занятия по художественной атлетике будем по ходу дела. Далее у нас баня и массаж. Завтра в воскресенье в первой половине тренировки на льду, работаем над тактикой, потом все едут по домам. Вылет в Ленинград в понедельник утром, время уточнить у Львовича.

— Раскомандовался, — пробурчал, стоящий рядом, Игорь Чистовский, который тоже решил вспомнить молодость и пошёл качать ноги с первой пятёркой.

Железа, то есть гири, гантели, блинов, штанг и самих тренажёров в тренажёрном зале

«Зелёного города» было впритык. И что лично меня расстраивало, не было велотренажёров, про которые я с первых же дней стал долдонить новому начальнику команды. Иосиф Львович отвечал, что одну штуку он достать сможет, но не десяток. А я ему прямым текстом намекал, что достань один, остальные сделают наши заводские Кулибины.

— А, между прочим, у Тарасова в ЦСКА другие тренировки! — Громко высказался, вспотевший выжимать ногами блок почти тренер Игорь Чистовский. — Нагрузки у него выше и без всяких этих устройств. Могу показать.

Борисыч схватил блин от штанги и стал вертеть его вокруг головы. После чего в спине у беспокойного тренера что-то стрельнуло, и двадцатикилограммовая железяка полетела на пол.

— Вот поэтому у нас все упражнения просчитаны с минимальной нагрузкой на позвоночник, — я указал пальцем на, согнувшегося пополам, Чистовского. — В ЦСКА спортсменов много, поэтому Тарасов может себе позволить делать из них инвалидов. А мы нет.

— Главное не нагрузка, главное польза, — очень удачно заметил Платон Хомулёв. — И запомните, мышцы растут, когда они после этой нагрузки отдыхают.

— Можно я уже пойду отдыхать, мышцы наращивать? — Спросил Свистухин, и почти весь народ в зале захихикал.

— Посвистели, э-э, посмеялись, и хватит, — пробурчал я, беря в руки гантели, чтобы трицепс и бицепс особенно не расслаблялись.

* * *

На обеде, на котором кроме мяса полезного для роста мышечной массы, врач команды Тамара Иоффе приготовила блины, я специально попросил Лёшу Мишина сесть со мной за один отдельный стол.

— Вижу по лицу, тебе что-то не нравится? — Спросил я в лоб капитана команды.

— Слишком много ты власти себе захапал, — ответил он. — Со «Спартаком» удачно отскочили, а в следующий раз может не повезти.

— А я не против, чтобы у нас всё решал совет игроков. Ты, я и Коноваленко, — я кивнул в сторону Сергеича, который, как и любой вратарь был на своей волне.

— Позовём Сергеича?

— погоди Алексей, решим для начала одну задачку с пятью неизвестными, — я отхлебнул компотика, чтобы собраться с мыслями. — Сегодня на утреннюю пробежку вышло пять человек вместе со мной. А вчера кроме пива, на которое договаривались, кто-то ещё и водку трескал.

«Проработать всех участвующих в пьянке на комсомольском собрании!» — потребовал голос в голове, с прибабахами которого я уже стал свыкаться.

— Я хочу, чтобы ты поговорил со своей первой пятёркой о том, что ради медалей чемпионата нужно взять себя в руки, — я от досады, чуть не ударил кулаком по столу. — Я понимаю раньше сидели на базе неделями, сума сходили, но теперь этого нет. Завтра после утренней тренировки перед выездом в Ленинград вообще домой отпускаю.

— Зря ты это затеял, — покачал головой Мишин.

— Не зря. Сразу в начале сезона, будет видно кто нам товарищ и брат, а на кого положиться нельзя.

— А что ты сделаешь с остальными? — Зло улыбнулся капитан команды.

— Молодых найду, для которых главное не побухать, а победить, — я всё же шлепнул

ладонью о стол. — Я и сейчас думаю перетянуть из другого города одного талантливого паренька к нам в основу. А могу, если поднапрячься и троих перспективных найти, плюс наш молодой вратарь Вовка Минеев, а это уже получается половина состава.

— Зря ты это затеял, — словно мантру повторил Лёша Мишин.

* * *

Вот оно одно из преимуществ профессионального спорта, который сейчас в СССР клеймят в газетах и кино. На западе человека с ранних ногтей приучают к самостоятельности. Хочешь бухать — пей, никто тебе слова не скажет, пока ты даешь результат. А как только в твоей игре начнутся реальные косяки, сразу же пинком под зад отправят, куда душе угодно. Ведь за тобой очередь из молодых, дерзких и голодных до побед ребят. И для всех кто выбирает жестокий профессиональный спорт, всегда есть два примера: один успешный и богатый ветеран спорта, который реализовал свой талант, и другой, который талант свой пропил.

Примерно об этом я поговорил с Коноваленко, перед тем как одолжить его «Волгу» на вечер. Уверив Виктора Сергеича, что водительские права как всегда при мне, которые, правда пока никто не видел, в том числе и я. Единственное, чем я утешал свою совесть, что автомобиль мне понадобился не для покатушек с девочками по ночным клубам, которых пока ещё нет, а для посещения школы рабочей молодёжи.

— Много пропускаете в последнее время, — сказала Агнесса Каримовна, директор школы, посмотрев на меня из-под очков.

— Не то слово, — тяжело вздохнул я, почувствовав себя нашкодившим старшеклассником. — Сейчас ехал, так представляете, адрес забыл. Как снаружи выглядит школа — помню, а где поворачивать — нет. Мне бы экстерном за восьмой класс экзамены сдать, пока я не забыл само здание нашего учебного заведения.

— С завода мне, конечно, по твоему поводу звонили, — пробормотала директриса. — Сегодня у нас второе. Пятого приходи, но придётся несколько билетов выучить по физике, математике, русскому языку и истории.

— А так нельзя, просто побеседовать? — Я почесал затылок, ведь четвёртого игра. — Может, я вспомню что-нибудь?

— Но три-то билета ты можешь выучить? Мне же придётся представителя из ГОРОНС пригласить, — не уступала Агнесса.

— Ладно, — я махнул рукой. — Только мне сейчас готовиться некогда, я пятого приду за час и почитаю всё, что требуется.

— Вот это разговор! — Директриса встала и пожала мою ладонь. — Кстати, за песню тебе большое человеческое спасибо. На урок-то пойдёшь, у вас сейчас последний, литература?

«Пойдёт, пойдёт, — ответил за меня голос в голове. — Ученье — свет!»

«Если только на литераторшу посмотреть», — ответил про себя я.

— Если только по литературе что-нибудь интересное послушать, — сказал я вслух.

* * *

Моё появление в школе, неожиданно внесло сумятицу в коридорах учебного учреждения. Всем вдруг захотелось посмотреть на мою легендарную личность, пожать руку, хлопнуть по плечу. Дошло до того, что мне самому захотелось какого-нибудь хлопнуть. И отвечая множество раз на вопрос, как мы сыграем в Ленинграде, я не выдержал и брякнул:

— Счёт сказать не могу, но крови будет море. Мы ещё по Череповцу с Ленинградом в

контрах.

А вот на уроке, я опять клевал носом, наверное, потому что наше вечернее образование специально задумали для того, чтобы лучше подготовиться к глубокому и сладкому сну. И даже красавица литераторша Виктория Тихоновна была бессильна, ведь минут за пять до звонка я всё же с громким стуком и под хохот великовозрастных школьников уткнулся лбом в парту. Хорошо хоть обошлось без синяка и без очередного устного замечания. Само собой после школы, чувствуя свою вину, я вызвался подвезти учительницу до дома.

— Вы, Тафгаев не имеете морального права, после того что вы устроили на уроке предлагать мне такое, — высказала мне Виктория Тихоновна, но всё же села в машину.

Потому что на улице заморосил дождь, подул холодный ветер и идти по тёмным улицам Автозаводского района было не совсем безопасно. И ещё что-то своё беспокоило литераторшу. «Наверняка дома что-то произошло», — подумал я, и в душу лезть не стал. Я аккуратно завёл «Волгу» нашего прославленного вратаря, к особенностям которой уже приспособился и вырулил на улицу Юлиуса Фучика.

— Все как с ума сошли, только и разговоры о вашем хоккее, — немного раздражённо бросила учительница, когда мы выехали на проспект Ленина.

— О чём ещё говорить после работы? — Я остановился на светофоре. — Ток-шоу дурацких по телику не показывают, ещё более дурацких телесериалов тоже. Да и самих телевизоров-то у многих пока нет.

— В школе нужно говорить о школе! — Выпала Виктория Тихоновна. — Никаких интересов кроме хоккея! И во всём виноват ты. Без тебя всё было спокойно.

— Как там, у классика? — Я выехал на проспект Жданова. — Кошка бросила котят, Иван Тафгаев виноват.

— Останови здесь! — Учительница словесности не выдержала издевательств над её родным предметом и попыталась на ходу открыть дверь.

И хорошо, что я в хоккее играю, а не в городки, в которых реакция не самое главное. Поэтому каскадерский трюк вовремя мной был предотвращён. А Виктория Тихоновна вдруг без повода разрыдалась.

— Приехали, — сказал примирительно я. — Вон ваш подъезд.

— У меня мужа из газеты уволили, — учительница достала платок и промокнула им глаза. — Мы ведь сюда из Москвы приехали за романтикой производственных будней. Муж хотел написать роман. А сам застрял в заводской газете.

— И теперь романтики нет, остались одни будни, — понимающе закивал я головой. — Всё равно это не повод выпрыгивать на ходу из машины. А работы у нас в СССР завалились. Можно на радио пойти, на телевидение.

— Да, не уживчивый он. Опять о семи разругается. А может быть, ты ему дашь интервью? — Литераторша посмотрела на меня как на мессию. — А он его отправит в Москву в «Правду». Ты ведь теперь прямо легендарная личность.

— Да, от станка доигрался до хоккея с шайбой, — я усмехнулся. — Во вторник после экзамена в нашей школе уделю вашему мужу столько времени сколько понадобится. Я ведь его должник. Без его статьи, в нашу многотиражку, меня бы Прилепский не взял бы на просмотр в «Торпедо» на свою голову.

Глава 12

На утреннем воскресном занятии во дворце спорта «Торпедо» все были как штык. Восемнадцать человек основного состава, плюс третий вратарь Вова Минеев и ещё два

нападающих Саша Соколовский и Петя Пахомов, к которым я поставил Витю Доброхотова, чтобы получилась четвёртая тройка нападения.

«Когда появится Бобров, как это не печально, придётся раздать часть игроков в другие команды, — думал я, пока для разминки раскатывался вместе со всеми. — Для всех, в конечном счёте — это будет хорошо. На тридцать две игры чемпионата, точнее уже на тридцать одну, нам и двадцати человек хватит. Чемпионат СССР — это не НХЛ, где рубятся восемьдесят две игры за сезон».

— Сегодня начнём с розыгрыша атаки в быстром нападении, когда на двух защитников выкатываются три нападающих, — скомандовал я по окончании разминки. — Игорь Борисович! — Обратился я к скучающему Чистовскому. — Возьмите секундомер и поруководите очерёдно, пожалуйста. Десять секунд на атаку.

Исполняющий обязанности тренер, скрепя сердце, взял в руки секундомер и свисток. А дальше зазвучала симфония, сотканная из звуков режущего коньками льда, щелчков по шайбе, выкриков, свистков и негромко мужского матерка. После игры три в два, плавно перешли на розыгрыш двое на одного.

— Иван, — во время небольшой игровой паузы ко мне подъехал капитан команды Лёша Мишин. — Я со своей первой пятёркой серьёзно поговорил. С этого дня впрягаемся по полной, режимим, пашем на тренировках и вообще...

— По плодам их узнаете их, — улыбнулся я.

— Чего? — Не понял меня Алексей.

— Я говорю, время покажет настоящую стоимость слов, — сказал я и рванулся выполнять упражнение, потому что Чистовский скомандовал нашу с Ковиным очередь.

Второй час двухчасовой тренировки посвятили отработке ловушке в средней зоне и контролю шайбы в позиционном нападении. Исполняющий обязанности тренера Игорь Борисович быстро втянулся в процесс и уже сам подсказывал наши ошибки, которые со стороны были виднее. А за десять минут до конца я предложил каждому исполнить по хоккейному буллиту. Во-первых, мне захотелось посмотреть, в какой форме находится наша вратарская бригада, а во-вторых, проверить в какой форме нападающие.

— Не берите Соколовского в Ленинград вместо меня, — подъехал ко мне Витя Доброхотов. — Я согласен ждать своего шанса.

— С Чистовским сейчас посоветуюсь, — пообещал я. — А если буллиты исполнишь лучше и Соколовского, и Пахомова, то гарантирую, что со СКА шанс у тебя будет.

— Сделаю! — Заулыбался парень.

Ожидаемо битву вратарей выиграл самый опытный в стране Коноваленко, а вот вторым стал Вова Минеев, ну и пропустил больше половины Саша Котомкин. «В преферанс он играет значительно сильнее», — сделал я такой вывод и подъехал посоветоваться по составу на игру против армейцев Ленинграда к Игорю Борисовичу. Не всем заявка из восемнадцати человек понравилась. Но пока открыто в лицо мне никто не высказал свои недовольства. Изменение по сравнению с первым матчем было одно, вместо Котомкина взяли вторым вратарём Минеева.

— Зря на вечер перед игрой ты всех отпускаешь по домам, — сказал мне Игорь Чистовский. — В прежние времена на базе бы всех заперли, так чтоб мышь не проскочила.

— Не зря, Борисыч. Пусть с жёнами и подругами побудут, — махнул рукой я. — Пусть психологически расслабятся. Парни должны привыкать к профессиональному отношению к делу. А если набахаются, подведут партнёров, то найдём тех, для кого хоккей важнее.

— Слушай, — неожиданно заулыбался Чистовский, — а мне сегодняшняя тренировка понравилась. Никто просто так без шайбы не бегал, не кувыркался. И тактические схемы наиграли, и ребята что называется, поработали в поте лица.

— Добавим к таким двухчасовым занятиям индивидуальные тренировки, и прогресс у ребят пойдет. Нам бы ещё тренера вратарей найти, где-нибудь, — растерянно пробормотал я, так как на лёд выехали представительницы прекрасного пола во множественном числе.

Я попрощался с Игорем Борисовичем и пошёл в раздевалку, как вдруг меня окликнула Яна Снегирёва. «Что-то в последнее время, мы подозрительно часто стали пересекаться», — подумал я, вернувшись обратно на трибуну.

— Вот, просмотр в группу поддержки, — улыбнулась красивой белозубой улыбкой девушка.

— Шустро, — присвистнул я.

— А чего тянуть? Подключила райком комсомола, позвонила в школу олимпийского резерва по фигурному катанию и вуаля, — Яна указала на лёд, где было уже тесно, как на катке в выходной день.

— Детей что-то много, — заметил я.

— Отсеем, ты мне поможешь? — Снегирёва сделал умоляющий взгляд. — Или у тебя времени сегодня нет?

— Как раз сегодня в воскресенье свободен до завтрашнего утра. Только переоденусь и душ приму.

«Всё лучше, чем сейчас киснуть на базе», — подумал я по пути в раздевалку.

«На полезное комсомольское дело всегда должно быть время!» — рявкнул голос в голове.

* * *

По прошествии двух часов кастинга в группу поддержки, голова у меня уже не соображала.

— Вот эта нравится? — Горячилась Снегирёва.

— Нравится! — Кивал я.

— Значит, не берём! — Капризничала «принцесса».

— А эта? — Указывала она на очередную претендентку.

— Нет, — кивал я.

— Берём! — Девушка что-то записывала в тетрадь.

— Я передумал, вот эта нравится, а та наоборот нет, — я тоже решил покапризничать.

— Эту зачёркиваем, ту берем, — чиркала Снегирёва в тетради. — Издеваешься?

— Я просто не понимаю, почему ты берёшь тех, кто мне не нравится, и не берёшь тех, кто нравится? То есть эта группа поддержки набрана на зло мне? Тогда зачем меня нужно было просить сидеть здесь? Когда я, может быть, в этот выходной день пошёл рыбу ловить в Кудьме! Всю!

— Зачем? — Опешила девушка. — Ты её будешь есть?

— Котов кормить бездомных, пока кошачий корм не изобрели, — я встал с трибуны и решительно направился на выход.

— Иван! Я осознала! Давай ещё раз пересмотрим самых лучших! — Крикнула вслед Снегирёва.

— Пять минут! И всё! — Я остановился в проходе между рядов.

— Десять! — Стала настаивать на своём «принцесса».

«Вот что значит ответственное комсомольское отношение к делу», — загундел голос в голове.

«Заткнись! Вот женишься на такой, мозг съест сразу же во время медового месяца, вместо мёда!» — я раздражённо сел обратно рядом со Снегирёвой.

— Вот эта фигуристка нравится? — Улыбнулась Яна.

— Не знаю, — пробормотал я.

* * *

Весь день мы с «принцессой» из КБ то ссорились, то мирились, то опять ссорились. Группу из восьми человек набрали с грехом пополам. Затем поехали отметить хорошее начинание в ресторан «Волна», который находился в одноимённой гостинице. А потом зеленоглазое такси унесло нас в «Зелёный город». Не знаю, что Яна наплела своим строгим высокопоставленным родителям, но эту ночь она точно провела не у подруги.

— А когда ты меня в первый раз увидел? — Обнажённая принцесса лежала на смятых простынях, разметав свои каштановые волосы по подушке.

— Когда пришёл участвовать в соревновании по рывку гири вверх, — я провёл ладонью по шелковистой коже девушки. — У меня ещё спортивное трико было с дырами.

— Я помню, все ещё над тобой смеялись. Ты же взял и выиграл. А раньше ты меня разве не замечал? — Снегирёва от возмущения резко привстала.

«Сейчас скажу, что нет, опять поссоримся», — подумал я и ответил:

— Раньше я кроме бутылки ничего вокруг себя не видел.

— А я на тебя обратила внимание, когда ты свои рабочие штаны сжёг прямо около заводских проходных. Кстати, зачем?

— Это был акт протеста против серых унылых будней, — я притянул «принцессу» к себе и жадно поцеловал.

— Подожди, — вырвалась, тяжело дыша Яна. — Нам же для группы поддержки нужна будет музыка. Можно конечно и пластику в радиорубке поставить. Но у нас ведь на заводе появился свой ансамбль, ВИА «Высокое напряжение». И песня у ребят одна очень хорошая. Заботится сердце, сердце волнуется, — запела девушка. — Почтовый пакуется груз.

— Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз, — закончил я, дочитав припев, как стихи.

— Слышал уже, — обрадовалась «принцесса» и снова бросилась в мои объятия.

* * *

В перерыве после второго периода матча с ленинградским СКА в раздевалке стояла гробовая тишина. Было очень обидно, что начали игру хорошо, сразу же оглушив соперника своей ловушкой в средней зоне. И счёт открыли первыми. Отличилась тройка нападения Шигонцев, Свистухин и Смагин. Свистухин удачно подобрал шайбу в средней зоне, ворвался в зону атаки, бросил. А когда вратарь армейцев Шаповалов в прыжке отбил её, первым на добивании оказался Женья Шигонцев, который шайбу эту и добил.

А потом команду как будто сглазили. Сначала нас огорчил нападающий ленинградец Кустов, затем Пётр Андреев кистевым броском от синей линии застал врасплох Коноваленко. Хотелось мне конечно в тот момент высказать пару ласковых Виктору Сергеевичу, но с кем не бывает, проспал момент броска, застоялся на месте. Ведь мы почти всё время атаковали. Я сам лично из убойных позиций попал в штангу и в перекладину. Вовка Ковин промазал по пустому углу. Скворцов не реализовал выход один на один. Тройка Мишин, Федотов и Фролов тоже много моментов похерила.

Во втором периоде, на который мы вышли, с полной решимостью уничтожить СКА, стало ещё хуже. Два обреза от наших игроков обороны и сначала счёт в игре сделал 3: 1, снова Пётр Андреев, а потом до 4: 1, довёл Александр Андреев.

— Я же говорил, не надо было отпускать команду вчера по домам! — Завёлся начинающий тренер Игорь Чистовский. — Защитники сегодня как варёные! В атаке у кое-кого руки дрожат!

— Подожди Борисыч, — я встал. — Не факт, что если бы сидели на базе, то сейчас бы выигрывали. Моментов-то создаём много, не хватает концентрации в завершении. Давайте перетасуем звенья. Лёша Мишин ты пойдешь в тройку к Свистухину и Смагину. Женя Щигонцев, а ты к Фетодотову и Фролову. Витя Доброхотов ты выйдешь на левый фланг атаки в моей тройке, а ты Скворец перейдёшь на правое крыло атаки, там с левым хватом играть проще.

— А я? — Обиделся Вова Ковин.

— А ты пока запасной, — я подмигнул парню. — 4: 1 — это не приговор. Сейчас пару банок влепим, Ленинград задёргается, и дожмём их. Ну, за «Торпедо»! За победу!

— Да! — Заорали мужики.

В третьем периоде я первым выкатился на лёд вместе с Доброхотовым и Скворцовым. Перестановкам в наших звеньях главный тренер СКА Николай Пучков удивился, но виду не подал. Он лишь какое-то время поколебался, кого выпускать против нашего сочетания. Ведь главное преимущество игры на домашней площадке — это то, что сначала свою пятёрку выпускают гости, а затем уже хозяева. Создается так называемый эффект «наложения звеньев», за счёт которого у хозяев всегда есть возможность манёвра.

Но в Ленинграде было ещё одно важно психологическое оружие — это переполненный дворец спорта «Юбилейный», где четыре с половиной тысячи зрителей ревели без устали, поддерживая свою команду. И когда я выиграл вбрасывание, болельщики разом засвистели. Однако спортивной злости за все неудачи в игре накопилось столько, что мне уже было до одного места на шумовую поддержку СКА.

Я получил ответную передачу от защитника Саша Куликова. Кстати, игроков обороны мы не стали перетасовывать. Затем я сделал небольшой вираж в средней зоне, чтобы рассмотреть, где мои партнёры по нападению. И обратил внимание, что ленинградцы не прессингуют. Наоборот ждут наших активных действий, чтобы ловить нас на ошибках. Поэтому я пересёк красную линию и не стал ничего мудрить, просто запустил навесом шайбу в правое закругление на более реактивного Скворцова, который первым и добрался до шайбы.

— По борту дай, пока не задавили! — Гаркнул я, вкатываясь по центру.

Скворец двинул шайбу вдоль борта дальше за ворота ленинградцев, Доброхотов раньше всех рванул к ней и не глядя отпасовал на пятачок. Всё решилось в доли секунды. Я разметал защитников СКА и от души шлёпнул по резиновому диску. Шаповалов же скорее по инерции упал на щитки, ведь шайба давно уже забила в сетку его ворот.

«Юбилейный» разом притих, а наша скамейка запасных назло ленинградским болельщикам в этот момент дружно заорала: «Гол!»

— Вот так надо играть! — Крикнул, встречая нас у борта Свистухин. — Вышел, бросил и забил! Правильно я говорю?

— Да правильно ты всегда говоришь, — хмыкнул, Лёша Мишин выкатываясь на лёд вместо нас. — Сколько вчера на грудь принял?

— Не пил я, все могут подтвердить, — пробухтел Николай, выезжая следом за капитаном команды вместе с Женькой Смагиным.

Я обратил внимание, что на соседней скамейке запасных заволновался тренер ленинградцев Пучков. «Ну, ещё бы, опять новое сочетание на льду. Кем теперь крыть будешь, Николай Георгиевич?» — улыбнулся я.

— Хорошо, хорошо! — Стал подбадривать я своих партнёров. — Пока СКА не опомнились нужно дожать!

И я как чувствовал, вторая смена в третьем периоде опять принесла свои плоды. Пока армейцы разбирались, как кого держать, новоизменённая тройка Свистухина вошла в зону атаки, расставилась и после щелчка защитника, затолкала третью шайбу. Быстрее всех на добивании оказался капитан Алексей Мишин. Табло «Юбилейного» высветило уже более приличный счёт 4: 3.

— До конца первой десятиминутки, нужно бы ещё забить, — стал твердить, шагая за спинами хоккеистов Чистовский, который был сегодня за тренера. — Слышь, Тафгаев, шайбочку бы ещё одну зацарапать, — постучал меня по плечу он. — Время что-то больно быстро тает.

Но ребята из ленинградского СКА тоже не погулять сегодня вышли. После холодного душа в начале третьего периода они обрушили просто шквал атак на наши ворота. И тут Коноваленко вертелся как уж на сковородке.

— Фёдоров, выбрось эту шайбу на хер! — Не выдержал я. — Разряди обстановку, б...ь! Ох! Чья смена?! — Спросил я Чистовского.

— Ваша, — робко ответил мне Игорь Борисович. — Вбрасывание в нашей зоне. Прижали, суки.

— Скворец, — я прикрыл рот рукой, выезжая на лёд. — Сейчас я выиграю вбрасывание, а ты не ждёшь этого и сразу несёшься на центральную красную линию, в центральный круг.

— Ясно, — зло улыбнулся парень, который почувствовал, что мы сегодня можем переломить игру.

— Во вне игры не заедь, Сусанин! — Бросил я, вставая на точку. — Долбанное правило красной линии, — ругнулся я уже себе под нос.

К сожалению, шайбу выгрести удалось не сразу, упёрся против меня армейский игрок, как при героической обороне Ленинграда. Лишь поддав ему плечом, удалось коньком отпасовать на защитника Куликова. И тут же в меня кто-то на высокой скорости въехал, хорошо, что весу во мне больше сотни, другой уже бы грустил на льду. А мне хоть бы хны, лишь в левом плече что-то ёкнуло, и этот кто-то куда-то подевался.

— Кулик пас! — Я выбрался на «чистый лёд», получил шайбу и в касание шмальнул в центральный круг.

И вновь меня атаковали, ударив уже в правое плечо. Но отвлекаться на раздачу бессмысленных в данной игровой ситуации тумачков не стал. Ведь один на один улетел Сашка Скворцов и, красиво качнув вратаря в один угол, завёл шайбу в другой.

В «Юбилейном» сначала раздался громкий, но хаотичный мужской мат, а затем стадион снова разом смолк. Зато мы уже охрипшими глотками заорали:

— Гол!

— Качай Скворца! — Заблажил Свистухин у борта.

— Я тебе покачаю, — я показал кулак. — Не хватало нам ещё травм на ровном месте. 4: 4 — это не тот счёт, за которым мы сюда приехали.

После пятидесятой минуты, когда мы с Ленинградом поменялись воротами несколько смен прошли без острых моментов. Мы готовились к последнему штурму, Пучков начал тасовать состав, пытаясь нащупать ускользнувшую игру. И в тот момент, когда вроде ничего опасного произойти не могло, вдруг роковую ошибку совершил игрок обороны СКА. На ровном месте у него поехала нога, и он подарил шайбу нашему центральному нападающему первой пятёрки Саше Федотову. Молниеносный рывок Федотова, бросок в угол и вынимай Ленинград! 4: 5!

— Сколько ещё играть? — Спросил, чуть не выскочив на лёд, начинающий тренер Чситовский. — Б...ь, ещё три минуты. Мужики внимательней играем! Внимательней!

— Борисыч! Сгинь! — Вскочил я. — Играем, как играли. А то так же посыпимся как СКА.

— Внимательней, я сказал! — Стал настаивать на своём Игорь Борисович.

Так мы с ним и лаялись, пока на льду сначала была тройка Свистухина, а затем тройка Федотова. Как оказалось долаяться. За тридцать секунд до конца Колька Свистухин пасом через центр обрезал всю команду, и мы получили пятую шайбу. Гол забил злой гений сегодняшней игры Пётр Андреев. Болельщики «Юбилейного» была бы у них такая возможность, сейчас высыпали бы на лёд и устроили бы здесь языческие хороводы.

«Город на вольной Невой, мать вашу!» — выругался я про себя и, схватив обломок сломанной клюшки как томагавк, заревел:

— Борисыч, сука! Убью!

Хорошо ребята вовремя повисли на моих богатырских плечах, а начинающий тренер скрылся в подтрибунке быстрее мастера спорта по бегу на короткие дистанции.

— Отцепитесь! — Рывнул я. — Тридцать секунд ещё есть. Защитники Астафьев и Фёдоров на лёд! Со мной выходят Скворцов, Ковин и Доброхотов.

— Шесть человек получается, один лишний, — подсказал капитан команды Мишин.

— Сергеич! — Я крикнул вратарю Коноваленко. — Давай сюда на скамейку, здесь кроссворд интересный, не можем отгадать слово из трёх букв, первая — хэ, вторая — у, инструмент какой-то хрен его знает.

— Тафгай не лезь в бутылку, остынь, — зашептал мне в ухо Лёша Мишин.

— Не встречай Лёша это дело принципа, нехрен очки раздавать направо и налево, — я выкатился на площадку и встал на точку. — Доброхот, играешь второго центра!

Видя наши пустые ворота, болельщики ленинградских армейцев, которые пять секунд назад прыгали и обнимались на трибунах, замерли. И в такой почти камерной тишине мы выиграли вбрасывание и без особых хлопот вошли в зону атаки. «Вот он эффект неожиданности, вот наши тренировочки с контролем шайбы в позиционном нападении», — зло усмехнулся я и полез драться на пятак.

— Скворец, чё ждешь?! — Зарычал я, получая и раздавая тумачи.

Скворцов показал, что сейчас щёлкнет, а сам перевёл под бросок защитнику Фёдорову. И Юра зарядил, как следует. Я же допросился и получил крагой прямо в глаз, зато успел подставить клюшку под летящую шайбу, но на хитрый рикошет чудом среагировал вратарь Шаповалов, который отбил её направо прямо на крюк Вовке Ковину.

— Не промахнись! — Слова сами собой вылетели из моего охрипшего горла.

И Ковин не подвёл. Шайба лишь чуть чиркнула штангу и застряла в сетке ленинградских героических ворот. Табло печально вывело грустные для хозяев цифры: 5: 6.

— До матча с ЦСКА, два дня, — напомнил в раздевалке всем Игорь Чистовский. — Поэтому я требую завтра никаких выходных не давать. Как прилетим сразу на базу!

— Завтра, пятого числа, все едут по домам, нехрен по базам отсиживаться, — я зло глянул на Борисыча, которого сегодня в горячке чуть не зашиб. — Шестого тренировка на льду и ночуем уже в «Зелёном городе».

— И режим завтра можно нарушить? — Хитро заулыбался Свистухин.

— Можно, — я кивнул головой. — Можно лечь спать не сразу после телепередачи «Спокойной ночи, малыши!», а гораздо позже. Но за алкоголь буду воспитывать. Как? Лучше вам не знать.

Глава 13

Во вторник 5 октября нормально отоспаться от ленинградского вояжа мне не дал человек, от которого я этого меньше всего ожидал. В десять часов утра, когда весь советский народ под неустанным контролем партии и правительства во всю уже давал на-гора сверх плана план, меня самым варварским способом разбудил Виктор Сергеевич Коноваленко. Он, как сбежавший из учебника истории печенег пять минут безбожно колотил в дверь моей комнаты на базе «Зелёный город».

— Я ведь сейчас встану, выйду, и вы у меня там за дверью все ляжете, — пробормотал я, зевая и одновременно откидывая щеколду на простенькой из дерева и фанеры двери.

— Это я, Виктор, мне срочно, — почему-то вместо «доброе утра» сказал Коноваленко с всклокоченными волосами и буквально вбежал внутрь.

— Что Олимпиаду в Саппоро из-за вспышки японской чумы отменили? — Я ещё раз зевнул и потянулся к стеклянному графину с водой. — Перенесли на острова Кука, в память о съеденном на Гавайях мореплавателе. Кстати, примерно в те же числа его и схрумкали.

— Пока ты здесь шутишь, там на заводе отказываются делать для меня новые щитки! — Вскрикнул обычно уравновешенный и степенный Виктор Сергеевич. — Говорят, сначала шлемы вратарские по коммерческим заявкам штамповать будут, а уже потом за бесплатные договорённости примутся! Сволочи! Ты понимаешь, люди какие понарождались, за деньги — маму продадут!

— Не деньги испортили человечество, а их постоянное отсутствие, — я жадно присосался к графину, а когда вдоволь напился, то добавил. — Не волнуйся, мы маму никому продавать не позволим. Нечего кому не попадя нарушать конституцию СССР, «сталинскую» ещё пока вроде бы. Кстати, а новые щитки тебе для чего?

— Да что ты мне с утра мозги этой конституцией шнуруешь! — Вспылил Коноваленко и отнял у меня уже полупустую ёмкость. — Надевай брюки, поехали разбираться! — Виктор Сергеевич погрозил кому-то кулаком и, допив содержимое графина, резко, как после рюмки водки, выдохнул. — Щитки мне нужны, чтобы ЦСКА в Москве обыграть на виду у всех телевизоров. А то, списали меня значит, двадцатый номер в сборной отобрали. Не дождётесь! — Чётко по слогам пророкотал Коноваленко и вновь показал свой кулак.

* * *

Из «Зелёного города», вокруг которого уже опали почти все осенние листья, на «Волге» прославленного вратаря вылетели минут через двадцать. Я всё же позволили себе принять душ и съесть в столовой яичницу, запив её компотом. И всё это время Виктор Сергеевич гневно возмущался и грозился кого-нибудь где-нибудь закопать.

Лишь когда автомобиль приблизился к мосту через Оку, пыл голкипера несколько утих. И он уже предлагал кого-нибудь не вывозить в лесок с лопатой для самозакапывания, а уже

пожаловаться директору и написать в Обком или в газету заметку о проблемах патриотизма, который безвозвратно утратила наша неблагодарная молодёжь. А когда мы затормозили у проходных автозавода «ГАЗ», Сергеич по-отчески обратился ко мне:

— Иван, я тебя только об одном прошу. Не надо никого калечить. Ещё посадят случайно, не разобравшись во всех тонкостях эпизода.

— Зачем тогда нужно было меня с утра будить? — Я всплеснул руками. — Хочешь, чтобы и хариусы остались целые и дело делалось? Ты случаем фантастики из библиотеки не начитался? Поздно очухался, готовься теперь «скорую» вызывать, вызывая её по испорченному телефону на ноль два.

Коноваленко выскочил вперёд меня и встал, расставив руки, как вратарь Лев Яшин при пробитии одиннадцатиметрового штрафного удара.

— Не пуцу, — рыкнул он, посмотрев исподлобья.

— Со всем у тебя Сергеич плохо с чувством юмора, — я, наконец, улыбнулся. — Не бзди, я бить никого и не собирался. Просто по-интеллигентному поговорим, там же цехом мой кореш из общаги заправляет, Василёк. Я только поздороваюсь, и считай, твои щитки уже готовы.

— Так бы сразу и сказал, — успокоился Коноваленко, смахнув со лба пот.

На вахте мы прошли свободно, показав корочки хоккеистов «Торпедо». А работник охраны, который весь день бдит, чтобы дефицитные запчасти с предприятия не тырили, отдал честь Виктору Сергеевичу, как какому-нибудь высокопоставленному военному. Да и на территории, везде, где встречались работяги, вратарю непременно жали руку.

Новый экспериментальный цех хоккейной амуниции расположился в самом большом заводском корпусе, где я начинал свою трудовую деятельность, где посещал столовую, библиотеку и романтический медпункт. Только производственную площадь под него определили на третьем этаже, отгородив её переносными щитами.

— Ничего, — хвастался мне Василёк, точнее уже Василий Васильевич Плотников. — После нового года переедем в своё отдельное помещение. Даже главный экономист счёл цех очень полезным для имиджа предприятия. Я тут в Финляндию скоро лечу, в город Тампере, команда там какая-то играет, хрен выговоришь.

— «Ильвес», — подсказал я.

— Точно, — улыбнулся бывший сосед. — Шлем для них делаем подарочный с цветами финского флага. Вот только с квартирой пока вопрос не решается.

— Я вижу и работников в цехе добавилось, — я посмотрел на четырёх мастеров, которые за маленькими станками шлифовали алюминиевые заготовки под вратарские шлемы.

— Толи ещё будет, — гордо поддакнул Василий Васильевич.

— Я к тебе с просьбой приехал, нужно для Коноваленко новые щитки срочно сделать. У нас через два дня игра с ЦСКА. Завтра их на тренировке опробуем и в бой.

— Так ты ко мне не по-дружески зашёл? — Лицо бывшего соседа мигом приняло искривлённо презрительное выражение. — С корыстными целями значит? Как только я получил должность, так сразу и началось, Василь Василич помощи! И ты туда же?

— Это сейчас была пятисекундка юмора? — Я от удивления раскрыл рот, но быстро догадавшись по глазам, что бывший сосед не шутит, схватил его за грудки. — Я тебя сука породил, я тебя и придушу.

И не откладывая обещание в долгий ящик, я рывком оторвал Василька от пола и усадил

на железную тумбочку с полками, где хранились промасленные чертежи и бумаги. На свободную левую руку тут же, как лев прыгнул Виктор Коноваленко, который весь разговор слушал, стоя за переносными щитами.

— Только попробуй ударить, засажу, — захрипел в лицо бывший сосед.

— Если я двину, то заявление писать будет некому, — выдохнул я и отпустил ворот мерзавца. — Спокойно мужики! — Обратился я к мастерам, которые растерянно замерли за своими рабочими местами. — Иногда говорят, что вот человек получил должность и тогда испортился. Это не правда. Просто маленькая червоточина, которая была изначально в нём, вылезла наружу и разрослась до размеров чёрной дыры. Гад ты, Плотников Василий Васильевич. Пошли, Сергеич, — махнул я рукой.

— Стойте! — Взвизгнул Василёк, наверное, решив, что мы сейчас погрёмся жаловаться к директору завода. — Сделаем мы щитки, завтра к утру, но за дополнительную плату.

Я вынул сто рублей из кармана, плюнул на них и шлепком прилепил на лоб бывшему другу и соседу:

— Сдачи не надо.

На улице, выйдя из производственного корпуса, меня от злости колотила нервная дрожь. Как же я так ошибся в человеке? Я ведь прожжённый циник, который всякие идеалистические воззрения изжил давным-давно, ещё в прошлой жизни. Чего я только не повидал в девяностые!

— Сергеич дай закурить, — попросил я у вратаря, который после инцидента в цехе старался помалкивать.

— Ты же не куришь? — Удивился Коноваленко, но протянул мне сигарету.

— А я и не буду, просто помусолю во рту для восстановления нервных клеток, — ответил я и сунул бумажный цилиндр с табаком в зубы. — Если из-за каждой сволочи курить, то рак лёгких наступит быстрее, чем старческий маразм.

— Да, друзей терять тяжело, — вздохнул вратарь. — Но теперь у тебя есть наша команда. Поехали, я тебя обратно отвезу.

— Поехали, — я скомкал сигарету и выбросил её в урну. — Нет, Сергеич, команда наша ещё только рождается. Вот когда мы начнём колотить всех фаворитов направо и налево, когда мы станем один за всех не только на льду, но и в быту, вот тогда команда у нас и получится. А пока «пионеры» отдельно, «старички» тоже отдельно, а ещё запасные есть, которые тоже хотят играть не на первенство города и с ними нужно что-то решать.

— Бобров придет, всё решим, — улыбнулся впервые за день Коноваленко. — Тебя сразу в «Зелёный город» или ещё куда подкинуть?

— Сначала в гастроном, потом на базу, — я вытянул руку вперёд так, как Ленин на памятнике, который указывал путь в светлое будущее, что, к сожалению, никогда не наступит.

* * *

Одной из причин моего недосыпания этой ночью были наши зелёногородские бродячие коты со своими подругами. Я всегда думал, что они активизируются исключительно по весне. Но оказалось, что наши советские хвостатые и усатые друзья плохо разбирались во временах года, для них что весна, что осень было без разницы.

Поэтому я счёл своим долгом им объяснить, что кричать ночью это не культурно, предварительно конечно накормив всю беспризорную кошачью банду. Для этого я закупил молоко, сметану и мелкую рыбёшку мойву за двадцать копеек килограмм. Даже не

представляю, что из этой мелкоты можно было приготовить? Царским блюдом, головами щучьими с чесноком, я пренебрег, так как сам их никогда в жизни не пробовал.

В поисках банды «Чёрная кошка» я плутал среди корпусов базы минут двадцать, бесполезно при этом повторяя кошачье заклинание: «Кис, кис». Возможно, моя мощная фигура не внушала усатым пройдохам доверия. Поэтому я вывалил мойву на тарелку, выставил сей деликатес под своё окно, так чтобы можно было периодически наблюдать, что там происходит. И принялся ждать. До экзамена в школе оставалось ещё три часа, и дел других у меня не было.

Само собой, прислонившись головой к окну, я уснул, а когда проснулся, мойва либо была съедена, либо вернулась сама своими плавниками в ближайшую речку. На второй заход к новому килограмму мойвы, я добавил ещё в блюдец сметаны. И тут уже долго ждать не пришлось, так как три непонятного пола кошака вылезли из ближайших кустов и принялись, не стесняясь меня, есть. Два кота оказались полосатыми и ещё один чёрный как уголь. «Главарь», — сразу решил я.

И от этого увлекательного аттракциона меня вдруг отвлек приятный женский голос:

— Вам тоже сегодня кошачьи крики не давали спать? Здравствуйте.

— Здравствуйте, — поздоровался я с симпатичной блондинкой, которую уже где-то видел. — Орала как ненормальные, одним словом — бандиты. Ничего, сейчас я их прикормлю, как следует, и этой ночью им не до криков будет. Будут отсыпаться и пищу переваривать.

— А можно я их тоже покормлю? — Заулыбалась блондинка в плаще и синем спортивном костюме.

— Держите мойву, тут ещё примерно килограмм остался, я ещё за молоком схожу, — я отдал девушке пакет с мелкой рыбёшкой, а сам поспешил в номер.

Странное дело, поймал я себя на мысли, раньше бы мой внутренний голос просто кипятком бы изошёл, требуя продолжения более близкого знакомства с симпатичной спортсменкой. А сейчас ему хоть бы хны. Вот в магазине он сегодня отчебучил, так отчебучил. Потребовал от меня в категоричной форме покупки никем не берущейся книги В. И. Ленина «Государство и революция», а так же сборника ранних трудов Энгельса, Каутский ему в бок! И теперь я даже и не знаю, как было лучше, до или после колдовства шамана недоучки, колотушку от бубна ему в одно место.

— А вы разве меня не помните? — Немного обиделась незнакомка, когда я сам ей первым представился.

«И её я что ли уже того, успел?» — смутился я про себя и признался:

— Лицо знакомое, а вот имя, извините, вылетело из головы.

— Я же Женя, мы с вами танцевали недавно, — надула губки блондинка. — Я ещё приходила на просмотр в группу поддержки, но вы там вообще ни на кого не смотрели кроме Яны. Кстати, у нас уже была первая тренировка.

— Извините, голова хоккеем забита, ещё сегодня экзамены сдаю в аспирантуру, — немного подсоврал я. — И мне уже пора в город. А с котами нужно поступить так. Прикормить их и домики для них построить, как в Турции.

— А вы, Иван, были в Турции? — Брови девушки взлетели на недосягаемую высоту.

— Кто ж в Турции не был хотя бы раз? — Удивился я и, прокашлявшись, добавил. — Благодаря Сенкевичу и «Клубу кинопутешествий». Турки считают, что кошки являются глазами Бога на земле. Может это конечно и не так, но нам спортсменам перед стартом для

привлечения спортивного фарта, почему бы и не покормить хвостатых и усатых котофеев?

— Ой, вон смотрите, ещё кошка бежит, — засмеялась фигуристка Женя, подливая новому рту ещё сметанки и молочка.

* * *

И кто бы мог подумать, что удача, которую приносят коты, мне понадобится так скоро. Экзамен за 8 класс, что представлялся сущим пустяком, неожиданно вылился в настоящее испытание.

«Приплыли, — подумал я, глядя на целые ряды перевёрнутых изнанкой карточек по четырём разным предметам. — Ведь условились же, что я учу по одному вопросу по математике, по физике, по русскому языку и истории. Так что пошло не так?» С неммым вопросом я посмотрел на директора вечерней школы Агнессу Каримовну.

— Тяните билеты, — повторил ещё раз представитель ГОРОНО своё неприемлемое для меня в данной ситуации предложение.

Директриса же в это время из-за спины не старого пока, но уже плешивого мужчины, растеряно посмотрела на меня и пожалала плечами.

«Кто там хотел в комсомол вступить? — обратился я к голосу в голове. — Теперь обломись!»

«Я тебе обломлюсь! — зашептал вдруг проснувшийся голос. — Билеты, которые ты сейчас учил: история — первый ряд второй с левого края, математика — пятый слева во втором ряду, физика — последний в третьем ряду и русский — не скажу. Ха-ха. Четвёртый ряд, третий слева».

«Шуточки у тебя весёлые, как у покойника», — ответил я голосу и взял рекомендованные им билеты.

— Готов отвечать сразу, — выдохнул я облегчённо.

После чего за двадцать минут я решил уравнение с двумя неизвестными, расставил правильно запятые в сложноподчинённом предложении, написал на доске решение задачи по равномерному движению по окружности и, наконец, закончил экзамен кратким изложением о восстании Спартака.

Сказать, что я потряс своими «липовыми» знаниями проверяющего из ГОРОНО, ничего не сказать. И он, наверное, позабыв, что перед ним человек, который дважды оставался на второй год, прицепился с дополнительными вопросами к Спартаку:

— А как Владимир Ленин ценил это восстание рабов?

— Как оценил? — Матюгнулся я про себя, так как этого в ответе не было. — Молодцы, сказал Владимир Ильич Ленин в неофициальной беседе с товарищем Дзержинским.

— В каком смысле? — Смутился мужчина из ГОРОНО.

— А в таком, — я понял, что меня несёт, но ничего поделать не смог. — Прошляпили заваруху в лагерном бараке! Куда ВОХРА смотрела, я тебя, Феликс Эдмундович, спрашиваю? Кто бдеть должен, когда зэки пошли на рывок? В общем, высоко оценил Ленин восстание Спартака для усиления службы работников вооружённой охраны.

— Я же вас про Древний Рим спрашиваю, а не про сегодняшний день, — ещё больше растерялся мужчина.

— А я и говорю, сейчас не Древний Рим и Спартаки у нас особо не забалуют! — Выпалил довольный я. — Или у вас иное мнение на работу наших органов государственной безопасности?

В школьном классе на минуту повисла неловкая для всех пауза.

— Считаю, что по физике, по математике и по русскому языку, ученик заслуживает оценки пять, а по истории — четыре, — сильно смутившись, подвёл итог товарищ из ГОРОНО.

— А я бы и по истории поставила оценку — пять. На всякий случай, — высказалась о моих знаниях Агнесса Каримовна.

— Ну, хорошо, — представитель ГОРОНО встал, и нервно прошёлся по классу. — Много в последнее время случаев развелось, когда на таких вот экзаменах ученику дают выучить один билет, а потом его и спрашивают. Но у вас, я вижу, всё иначе. — Мужчина показал рукой на стопку разных карточек. — Спасибо вам, Агнесса Каримовна, и вам спасибо, Тафгаев Иван.

Я пожал хлипкую руку товарища от образования, и тут же решил воспользоваться удачным моментом:

— Раз экзамен окончен, хочу тоже сказать пару слов. А давайте продолжим педагогический эксперимент! Устроим для меня экзамен экстерном за 9 и 10 классы числа так, — я задумался, когда у нас пауза в чемпионате, — 11 октября. Пора в люди выходить. Я ещё в этом году хочу поступить в институт на физическое воспитание, чтобы значит перековывать лириков на физиков, а затем физиков на лириков обратно. Ну, как идея? Агнесса Каримовна? — Я подошёл и обнял растерявшуюся женщину и чисто автоматически потрогал её за пятую точку.

«Ты что творишь? Совсем партийную субординацию потерял? — загундосил голос в голове. — Она тебе в матери годится!»

«Чё ты меня путаешь? — возмутился я. — Мне самому недавно полтинник был. И я точно знаю, что женщины в пятьдесят лет тоже хотят, чтобы их за задницу трогали. Не для глупостей конечно всяких, а так, из принципа!»

— Вижу, что идея интересная! — Улыбнулся я, видя, как директриса густо покраснела. — Держи «краба» ГОРОНО! — Я ещё раз протянул свою огромную ладонь мужчине.

— Какого? — Пробормотал он и сунул руку мне.

— Черноморского, — я сжал ладонь так чуть-чуть, но и этого оказалось достаточно, чтобы мужчина жалобно пискнул. — Всё! Решено! Пацан сказал, пацан сдал. Одиннадцатого здесь же и без опозданий. — Я отпустил руку товарищу, сделал пару широких шагов к выходу из класса, обернулся и добавил. — А не то я тренеру пожелаю, то есть министру тяжёлой промышленности и лёгкого образования. Физкульт-привет!

Я выскочил из школьной аудитории весь мокрый, как после третьей смены на льду, но довольный до самых ушей. Чего уж греха таить тяготило меня незаконченное среднее образование. А тут сразу открылись такие перспективы! В школе вдруг, как по заказу, прозвенел последний на сегодня звонок, и из классов повалила шумная пролетарская молодежь. Навстречу тут же понеслись парни и девушки с горящими от восторга глазами, ведь они снова на время почувствовали себя беззаботными школьниками.

Неожиданно в толпе я столкнулся с Тоней, с которой у меня кое-что было ещё до Череповца. Красавица с небесно-голубыми глазами смутилась и, опустив вниз хорошенькую головку пробормотала:

— Здравствуй, а я замуж скоро выхожу.

— За кого? — Я вытянул голову, высматривая предполагаемого жениха среди великовозрастных школьников.

— За меня! — Рядом нарисовался тот самый охламон, которого я ещё макал головой в одно место.

— Так, — я получше рассмотрел бывшего хулигана. — Брюки отутюжены, рубашка поглажена, причёска полубокс, за версту развитым алкоголизмом не разит. Перевоспитался что ли?

— Отцепись, — пробурчал он, и они с Тоней, взявшись за руки, поспешили дальше по коридору в сторону раздевалки.

«Всё же во мне пропадает большой педагогический талант», — подумал я, шагая в кабинет литературы, где мне предстояло дать интервью мужу литераторши. Однако когда я появился на пороге класса, кроме Виктории Тихоновны в помещении больше никого не было.

— Интервью сегодня не будет, — пролепетала учительница, стараясь сдержать, рвущиеся наружу, слёзы.

— Ясно, муж не в той спортивной форме, — покивал я. — Посыпались неприятности, поэтому он, прихватив бочонок рома, пустился в кругосветное путешествие, где штормит и качает каждый день. А ещё плюс неприятная морская болезнь, когда постоянно тошнит. Так? Теперь если вовремя от дна не оттолкнётся, больше не всплывёт. По себе знаю.

Глава 14

6 октября в среду, накануне важнейшего матча с ЦСКА перед утренней тренировкой нужно было выработать общую концепцию будущей игровой тактики. Поэтому я притащил в раздевалку белую металлическую доску с нарисованным хоккейным полем с прикрепленными к ней чёрными и серыми магнитными фишками.

Хоккеисты в количестве двадцати человек, с разным очень настроением сели послушать мои предварительные выкладки. Так как три игрока Соколовский, Пахомов и вратарь Котомкин, которые участвовали в тренировке, уже заранее знали, что в окончательную заявку на матч не попадут. Но было ещё кое-что, в коллективе поползли множественные слухи, якобы теми хоккеистами, что не проходят в состав заинтересовались руководители двух команд первой лиги, а именно из «Динамо» Риги и из «Динамо» Киева.

«Быстрее бы Бобров принял наше «Торпедо», — подумал я и стал передвигать фишки. — Ведь плохо когда в команде слишком много игроков, и плохо когда слишком мало, всё должно быть в меру».

— Рассмотрим вариант быстрой атаки. Это вратарь ЦСКА Третьяк, — я поставил чёрную фишку в ворота. — Это пара армейских защитников. А вот наши нападающие.

— Впереди на лихом коне! — Гаркнул Соколовский с места, но особого смеха среди коллег не вызвал.

— Хочу отметить индивидуальную особенность Владислава Третьяка. Любит выкатываться из ворот, сокращая сектор обстрела. — Я чуть-чуть выдвинул чёрную фишку в поле. — Поэтому щелкать ему прямым броском не вижу смысла. Моё предложение: обманный замах и резкая скидка на противоположный край. То же самое можно использовать и при позиционном нападении, когда после замаха защитника шайба направляется не в ворота, а на дальнюю штангу. Завершающий же бросок нужно выполнять в касание.

— Это, в каком классе теперь проходят хоккейную теорию? — Грубо усмехнулся Пахомов.

— В седьмом, — заржал Соколовский. — Иван у нас больше седьмого не осилил.

— А давайте мы, сейчас устроим голосование, — еле сдерживая злость, выдавил я из себя. — Что сейчас важнее, моё образование или завтрашняя победа над ЦСКА? Кто за победу?

Кроме двух смутьянов руку подняли все, и даже начинающий тренер Игорь Чистовский.

— Значит так, Пахомов и Соколовский, вам сейчас лучше на льду не появляться, чтобы я вас случайно в больницу не отправил. Ясно? — Я угрожающе громко хрустнул костяшками разбитых кулаков. — А остальные за мной. Нам сегодня многое нужно успеть.

Начали тренировочку с раскатки и разминки. А затем весь упор пошёл на быстрые атаки сходу, три в три, три в два, два в два и розыгрыш двух игроков против одного. В отсутствии нашего прославленного голкипера Виктора Коноваленко в воротах отдувались Минеев и Котомкин. «Странно, что Саша Котомкин остался, — подумал я. — Ему ведь тоже «основа» не светит».

— Считаешь, что от контроля шайбы в зоне атаки стоит отказаться? — Спросил меня во время небольшой тренировочной паузы Игорь Чистовский.

— Слишком класс высокий у армейских защитников, много обрезаем можем получить, — ответил я. — Ты представь, если Рагулин, который массой за сто килограмм зацепит нашего Скворцова. Там уже будет не до комбинаций.

— Это что за явление Христа народу? — Присвистнул Чистовский, когда на исходе часа тренировки, на льду появился Коноваленко с новыми щитками.

Хоккеисты разом остановились, когда Виктор Сергеевич принялся разминаться. Новые вратарские щитки были красно-бурового цвета, как будто на защитную оболочку раскроили чью-то кожаную куртку. Но не это главное, они были на несколько сантиметров выше и чуть-чуть шире, а ещё более жесткие и прямоугольные. Смысл такой конструкции щитков такой, кладешь их на ребро, и они перекрывают весь низ ворот. Однако чтоб всё это на сто процентов работало, нужна совершенно новая вратарская техника.

— Чё уставили? — Улыбнулся Коноваленко. — Вываливай шайбы на синюю линию, сейчас я вам класс покажу.

— А это по правилам? — Зашептал мне на ухо Чистовский, имея в виду размеры щитков.

— Тютелька в тютельку, — пробурчал я и тоже поехал пощёлкать по новенькой экипировке.

— Вы мне клюшки не переломайте! — Заворчал вслед наш начинающий тренер. — Да с кистей, с кистей бросайте почаще!

Однако народ так увлекся, обстреливая с разных позиций ворота непробиваемого Коноваленко, что три клюшки разлетелись вдребезги. Причём одну из них грохнул я самолично.

— На счастье, — виновато пробормотал я, привезя обломки на скамейку запасных.

— Чем в Москве играть будем? — Обиженно махнул рукой Игорь Чистовский. — Прекратить баловство! Продолжаем работать над атаками сходу! Защитники Астафьев и Фёдоров защищаются, тройка нападения Федотова атакует, десять секунд на атаку. Время пошло!

Затем команда ещё поработала над ловушкой в средней зоне, нашем уже хорошо работающем оружии. И в конце двухчасового занятия я предложил остаться всем центральным нападающим и попотеть над игрой на вбрасывании.

— Удачная игра на точке, мужики, нам поможет избежать многих проблем в Москве, —

сказал я банальные вещи Свистухину и Федотову. — Борисыч, вбрось нам шайбу. — Попросил я Игоря Чистовского, который всё больше стал походить на настоящего тренера.

«Интересно, как они потом с Бобровым сработаются?» — подумал я, выигрывая у Свистухина первую ничейную шайбу.

* * *

В столовой на базе «Зелёный город», где мы и другие спортсмены Горького восполняли потерянные калории, я подсел к Саше Котомкину.

— Рассказывай, — сказал я, налегая на макароны с курицей.

— А чё говорить? — Смутился голкипер. — Тихоныча, то есть Прилепского в Киев зовут тренировать, а он с собой забирает почти всех парней, которые в состав не проходят.

— Дальше, — хмыкнул я.

— Да чего говорить-то? — Снова замялся Котомкин. — Меня и ещё пару игроков зовут в Ригу. Только я хочу здесь остаться в Горьком. Буду пахать на тренировках, и ждать своего шанса.

— Есть такая идея, — я опрокинул залпом стакан сметаны. — Нам нужен отдельный тренер вратарей. Ты же видел новые щитки, для которых техника игры нужна новая. Завтра в Москве встанешь на скамейке запасных, и подмечай все ошибки, которые делает Коноваленко. А потом на тренировках вместе будете их устранять.

— Прежде всего, нужно активнее разрабатывать поперечный шпагат, — улыбнулся Саша Котомкин. — Наш продольный тут меньше нужен. Только я хочу быть играющим тренером, если можно.

— Я думаю, с Севой Бобровым договоримся, — у меня как камень с души упал, и я пожал руку нашему новому наставнику. Ведь вратарь — это особая фигура в команде, со своими странностями и «тараканами в голове», и нельзя к нему подходить со стандартными требованиями, которые годны для полевых игроков. И железо ему тягать нельзя, так как это заметно ухудшает реакцию. И психологическая подготовка своя требуется. Жаль, что я полноценную тренировку вратарей будущего видел только издали. Всё придётся изобретать на ходу.

После обеда я решил на удачу покормить местную кошачью банду. Ведь с экзаменом мне в какой-то мере повезло. Поэтому я вынес три килограмма мойвы и устроился на крыльце нашего одноэтажного жилого корпуса. Первым выбежал большой чёрный кот. Ему я уже успел дать погоняло — Фокс. И хоть считается, что кошки индивидуалисты, однако после того как мой Фокс замыкал непонятно откуда повывезали и остальные усатые и хвостатые пройдохи.

Неожиданно кормлением банды «Чёрная кошка» заинтересовался проходящий мимо Коля Свистухин:

— Чего ты их это, есть тут заставляешь?

— Худые очень вот и заставляю, — улыбнулся я. — Не порядок, когда на спортивной базе коты не спортивного телосложения.

— Так им в хоккее играть не надо, и если они растолстеют, кто мышей ловить будет? — Очень здраво рассудил центр третьей тройки нападения.

— Логично, — я почесал затылок. — Тогда скажу тебе по секрету, я их кормлю для спортивной удачи, для фарта.

— Ерунда всё это, не верю я, — махнул рукой Свистухин, затем помялся, «стоя над душой» рядом, присел и спросил. — А какого лучше кормить, черного вот этого или этих

полосатых?

— Да всех, — я протянул целлофановый пакет с мойвой партнёру по команде.

* * *

Вечером всей командой собрались в холле жилого корпуса перед телевизором. Честно говоря, телевизор я ещё из той жизни терпеть не мог. Но так как от коллектива отрываться было не хорошо, то и я устроился на кресле подремать под программу «Время», в которой как всегда рассказывали про битву за урожай, про надои, про выплавку стали и чугуна и про добычу каменного угля.

— Иван, — меня подтолкнул в бок Игорь Чистовский, тряся перед носом несколькими номерами «Советского спорта». — Я всё думаю, как нам выстроить очередность выхода пятёрок на лёд? Смотри, в прошлом туре ЦСКА сыграл вничью со «Спартаком», 4: 4. И в первой тройке у них выходили на площадку Викулов, Фирсов, Харламов, а во второй Михайлов, Петров и Котов.

— А как армейцы сыграли в первом туре? — Я взял другой номер спортивной газеты и развернул её на странице, посвящённой хоккееу с шайбой. — Обыграли «Химик» со счётом 3: 4. Первая тройка — Викулов, Фирсов, Харламов и вторая Михайлов, Петров и Котов. Странно, зачем Тарасов переместил Харламова в другое сочетание? Разбил свою лучшую ударную силу?

— Ясное дело, с жиру бесится, — брякнул Чистовский. — Эх, нам бы в команду Харламова.

— И ещё Мальцева для полного счастья, — хохотнул я. — Давай поступим так, — я задумался, просчитывая разные варианты в голове. — Против тройки Фирсова выйду я с пионерами. По скорости мы им не уступим, а я ещё добавлю мощи и жёсткости.

— Только никого не поломай, — погрозил мне пальцем Игорь Борисович. — За них сам Леонид Ильич болеет и прочие важные товарищи из ЦК.

— Да, против ЦК переть, это всё равно, что против ветра цветы поливать в кустах, — хмыкнул я. — Обещаю, бить буду больно, но аккуратно. Поехали дальше. Против тройки Петрова выпустим Свистухина и его весёлую компанию. А тройка Федотова сыграет против самого слабого звена в ЦСКА.

— Ну, я примерно так и думал, — напустил на себя важности Чистовский.

А дальше по телевизору, после программы «Время» началось кино про индейцев с Гойко Митичем в главной роли. Поэтому чтобы не захрапеть, я пожелал всем спокойной ночи и удалился к себе в комнату.

Каково же было моё удивление, когда в дверь ко мне через пару минут постучали. И стучала определённо женская рука, за это я мог ручаться.

— Ого, вот это сюрприз? — Чуть слышно присвистнул я, впуская в комнату Яну Снегирёву. — Что на сей раз ты придумала для родителей?

— Внеочередное заседание заводской комсомольской ячейки, — прошептала «принцесса», впиваясь в меня своими горячими губами. — На повестке дня вопрос о культуре боления на стадионе.

— Так, — я скинул пальто девушки и, не останавливаясь на достигнутом, помог избавиться от неуместного в данных обстоятельствах платья. — И что постановили? — Я опрокинул Яну на кровать.

— Пока ничего, — ойкнула девушка.

«Безалаберная нынче молодежь! — заворчал голос в голове. — Сначала надо

постановить, а уж после в кровать лезть с глупыми поцелуями. Куда партия глядит? Это чего творится под самым носом комсомольской организации? Срамота!»

Глава 15

7 октября в четверг от станции метро «Спортивная» до дворца спорта «Лужники» растянулась самая настоящая людская река. Кто-то в толпе предлагал по завышенной цене свободные билетки, а кто-то наоборот, поругивая спекулянтов, эти билеты покупал. Ажиотаж, который наблюдали мы из окна автобуса, был не малый. Так уж волей турнирного календаря получилось, что после двух туров наше «Торпедо» вырвалось в лидеры. Мы набрали четыре очка и опережали ЦСКА на целое очко. Конечно два прошедших тура — это пустячок, но стоит признать приятный.

Лично меня била невероятная нервная дрожь. Ещё бы, первое настоящее испытание! Ведь в составе армейцев практически сплошь звёзды и игроки сборной СССР. Даже в номинально самой слабой третьей тройке нападения в прошлом туре у них выходили на лёд Евгений Мишаков и Юрий Блинов.

— Что Иван, волнуешься? — Улыбнулся через силу капитан Лёша Мишин.

— Попугиваюсь немного, — признался я. — Как бы кого-нибудь не убить не разобравшись. Сидеть не хочется.

— Когда такие барышни сами в гости на ночь приезжают, никому сидеть не захочется, — грустно заметил Коля Свистухин. — Никакого сна от вас ночью не было.

— Выгружайся! — Скомандовал Игорь Чистовский, когда автобус медленно протиснулся к зданию «Лужниковского» дворца спорта.

Так с баулами и клюшками наперевес мы вошли во дворец со служебного входа и потопали по петляющим замысловатым коридорам. Неожиданно в небольшой рекреации я увидел Анатолия Владимировича Тарасова, который давал предматчевое интервью работнику радиостанции. Мужчина держал в руке выносной микрофон, подсоединённый к магнитофону, и задавал банальные вопросы:

— Как вы оцениваете своего сегодняшнего соперника?

— Команда «Торпедо» из Горького всегда соперник неуступчивый, — важно ответил Тарасов. — Боевитый, настоящие волжские бурлаки.

— А можно я добавлю? — Вмешался я, так как терпеть не мог, когда нас называли бурлаками.

— Интересно? — Улыбнулся радиожурналист.

— Как писал Максим Горький своему крестнику Зиновию, — начал я с умным видом. — «Едут с Волги бурлаки, суйте в жопу языки».

— Вы с ума сошли! — Отдёрнул микрофон журналист.

— Может быть, хватит называть нас бурлаками? — Уже серьезно сказал я. — Горький — это город мастеровых, кузнецов, инженеров, у нас работает элита отечественного автомобилестроения! А бурлак — это человек хоть и сильный, но небольшого ума. Я же не называю ЦСКА эскадрой пьяных «безбашенных» гусар.

— Что вы сказали молодой человек?! — Закипел с пол-оборота Тарасов.

— Хорошей игры, — кивнул я напоследок и поспешил в раздевалку.

— У нас в ЦСКА режим на первом месте! — Крикнул тренер армейцев радиожурналисту. — Так и запишите! Наглец!

Зато в раздевалке мне стало смешно и всё нервное напряжение куда-то улетучилось. И чёткая ясная мысль, что сегодня непременно победим, полностью завладела моим

сознанием.

Но первый период мы начали плохо. Поддавила нас психологически армейская поддержка трибун, которая непрерывно требовала шайбу, свистела и гнала своих любимцев в атаку. За первые пять минут мы не смогли организовать ни одного внятного контрдействия. Мои «пионеры» тоже сильно переволновались, открывались не туда, пасовали мимо. Да что говорить, даже наша первая пятёрка испугано жалась к своим воротам.

И лишь когда на шестой минуте тройка ЦСКА Михайлов — Петров — Котов, просто разметала в клочья наше оборонительное сочетание Свистухина, и Котов замкнул передачу Михайлова, накатила злость и многие что называется «проснулись».

— Вот так! — Радовался на своей скамейке запасных, громко покрикивая звонким голосом, Анатолий Тарасов. — Ещё забить! Атаковать! Темп! Темп!

— Борисыч, — я подозревал нашего начинающего тренера. — Лучших защитников Астафьева и Фёдорова давай передадим тройке Свистухина. Больно Михайлов с Петровым хороши. Лёша Мишин! А ты возьми себе Ушмакова и Мошкарлова. Чуть что поддай им клюшкой по заднице, чтобы ворон не считали! Эй, пионерия, поехали на лёд!

— Так не ваша смена? — Растерялся Чистовский.

— Значит, Тарасову сюрприз будет! — Я перелетел через борт и покатил в центральный круг вбрасывания.

— На входе в зону атаки играем скрест, обязательно «замыкайте дальнюю штангу», — прикрыв рот рукой, сказал я Ковину и Скворцову.

— Доехать бы до этой зоны, — пробормотал Ковин.

— Ты мне ещё тут поплачь! — Я как бы ненароком показал кулак, и встал на точку.

Конечно, мои разговоры, что якобы мы сейчас удивим Тарасова, были элементарной бравадой. Чихал наставник ЦСКА на наши перестановки. Более того весь первый период и третьей тройке у него выходили совсем молодые и незнакомые мне ребята. Вот и сейчас напротив меня встал, какой-то Волчков.

Вбрасывание я выиграл легко, можно сказать играючи. Затем от Куликова получил обратный пас и пока меня не повязали по рукам и ногам в касание переправил шайбу направо на Ковина. Володя сделал обманный финт и выполнил рискованную передачу на левый борт. Скворцов завладел шайбой и ринулся параллельно синей линии ЦСКА. И тут полетел я, бортанув по ходу Волčkова, в открывающийся мне коридор по левому борту.

Пас от Скворцова, выезд на ударную позицию, замах, шлепок мимо ворот и мимо выкатившегося навстречу Третьяка. И шайба точнѐхонько низом нашла крюк клюшки Вовки Ковина. В такой ситуации не промахнулся бы даже инвалид.

— Ох! — разочарованно вздохнули трибуны, ведь за воротами зажегся печальный для армейцев красный фонарь.

— Гол! — Заорала в наступившей тишине наша скамейка запасных.

— Блохин! Волченков! Мать вашу! — Перевесившись всем грузным телом через борт, крикнул Тарасов своим защитникам. — Куда, б...ь, смотрите, я вас спрашиваю?!

— Хороший тренер, звонкий, — улыбнулся я, подъехав к Игорю Чистовскому.

— Да, нам молодым до Анатолия Владимировича пока далеко, — заулыбался Игорь Борисович. — Кто следующий на лёд выходит? Ты же всё спутал.

— Если я спутал, я и распутаю, — пробормотал я. — Сейчас мы ещё раз отыграем, а дальше уже смотри по расписанию.

— Шайбу с подачи Ивана Тафгаева номер тридцать, забил Владимир Ковин номер двадцать второй, — без единой эмоции объявил диктор по стадиону, а на электронном табло высветилось: 1: 1.

На первый перерыв мы ушли, уже выигрывая 1: 2. Перед самым свистком Мишин, Федотов и Фролов здорово поймали в средней зоне несчастливое третье звено молодого москвича Волчкова, и затем в быстрой атаке классно разобрались с защитой. Мишин замахнулся, Третьяк выкатился, и уже пустые ворота поразил Федотов. Нужно было слышать, что выдал своим подопечным Анатолий Владимирович. Куда он их только не грозился послать, и на подводную лодку, а на границу с Монголией и даже на Чукотку охранять белых медведей.

В раздевалке же у нас царило полное благодущие. Ребята посмеивались, хвастаясь удачными моментами игры, при этом благополучно забывая про неудачные. Только один Виктор Коноваленко сидел мокрый, как только что из бани и молча смотрел в одну точку перед собой.

— Молодцы, — встал я, отпив половинку кружки горького чая. — Только сейчас Тарасов своих так эмоционально накрутит криками за Родину, за Сталина и за полёт Гагарина, что понесутся они как стадо разозлённых буйволов. В защиту не жаться! Ловить в средней зоне и сразу атака. И ещё. Я же сказал Третьяку не бросать прямыми бросками, даже если очень хочется. Свистухин, это тебя касается.

— Я только попробовать, — пробормотал он, тут же спрятавшись за спины партнёров по звену.

— Правильно, не надо давать ему почувствовать игру, — поддержал меня новый тренер вратарей Саша Котомкин. — Пусть Владик помучается, подёргается.

— И я почти уверен, — сказал Игорь Чистовский, — что во втором периоде Тарасов выпустит Мишакова и Блинова в третью тройку нападения. Лёша Мишин будьте внимательней, вам против них играть.

Всё о чём мы поговорили в перерыве, во втором периоде реализовалось наяву. ЦСКА из всех сил рвался к нашим воротам, а мы душили эти татки в средней зоне. Со стороны искущённых зрителей это выглядело омерзительно. Так как минут восемь на льду творилась неприятная глазу толкотня. Что Коноваленко, что Третьяк стояли без работы.

— Петров! В Чебаркуль отправлю! — Слышался звонкий голос Тарасова. — Тысяча людей на тебя, б...ь, смотрят, куда даешь? Харламов в Калинин захотел? Где твой дриблинг, мать твою?

Конечно, всё это было смешно, но и мы, изматываясь в этих бесконечных клещах и зацепах, тоже не могли нормально разыграть непослушную шайбу в атаке.

— Ничего, сейчас полегчает, — упал на скамейку запасных мокрый от пота Коля Свистухин.

— А если принять «пирамидона», то полегчает ещё раньше, — брякнул капитан команды Мишин, выходя на лёд со своими партнёрами.

— Да, Николай, не хочешь играть, не мучай клюшку, — добавил я, и вся команда дружно заржала.

— Ха-ха! — По театральному отреагировал на колкость Свистухин, и обиженно засопел.

Не знаю почему, но именно после того как народ весело погоготал, у нас всё на льду стало получаться. Сначала счёт 1: 3, сделал Фролов, разыграв кроткую комбинацию с

Мишиным. «Второй асист у капитана», — отметил я автоматически. Затем и мы доказали, что не зря отрабатывали ловушку Жака Лемера стыренную из недалекого будущего.

Правда для начала, устав бегать за шустрыми армейцами Викуловым, Фирсовым и Харламовым, я первым делом в центре площадки при получении шайбы принял на корпус Толю Фирсова. Отлетел, надо сказать, Анатолий далеко, почти-что в отпуск на черноморское побережье. Затем впечатал в борт Володю Викулова. Бил предельно аккуратно, чтобы борт не повредился и чтобы хороший человек морально и физически не сломался.

А уже когда я завладел шайбой, и стадион от пары приёмов из арсенала жёсткого канадского хоккея онемел, вторым делом бросил в прорыв Ковина и Скворцова. И пионеры, которые всегда готовы, показательно развели Третьяка на четвёртую пропущенную шайбу. Ковин отдал, а Скворец забил.

Кое-где на трибунах послышались жидкие человеческие аплодисменты, табло высветило убийственный для легендарного ЦСКА счёт: 1: 4. А я поехал поздравить своих молодых партнёров. И вдруг каким-то третьим чутьём заметил, как в мою спину летит клюшка, которую сжимает в руках перегнувшийся через борт Анатолий Тарасов, распоясавшаяся легенда отечественного тренерского цеха. Я резко развернулся, а спортивный инвентарь, выскользнув из рук тренера ЦСКА, полетел, кувыркаясь по льду прямо под ноги главного судьи.

— Анатолий Владимирович, такой хоккей нам не нужен, — еле сдерживая смех, сказал я.

— Бурлак! Сука! Ты у меня допросишься! — Выкрикнул Тарасов.

— Вам две минуты за неспортивное поведение, Анатолий Владимирович, — к месту конфликта подъехал главный судья.

— Мне? — Взревел армейский рулевой. — Это мне две минуты? Тут хоккеистов на льду убивают! Куда, б...ь, смотришь?!

Я же от греха поехал на свою скамейку, чтобы порешать кому выйти на розыгрыш лишнего игрока. В том, что судья не переменит своё решение, лично я, не сомневался.

— Эх, сейчас бы закрепить бы разницу, — приговаривал Игорь Чистовский. — Как считаешь, Тафгай?

— У нас всё наиграно, — я подмигнул капитану Лёше Мишину. — Работаем по стандартной схеме, конечно, после того как Анатолий Владимирович накричится.

Оборонятся в меньшинстве у ЦСКА вышли защитники Рогулин и Цыганков, а так же нападающие Мишаков и Блинов. Мы же не выпустили проверенную бригаду: Мишин, Федотов, Фролов, я и защитник Астафьев.

«Здоровые черти, что Мишаков, что Рагулин, оба моих габаритов. За сто килограмм вес, под сто девяносто рост, — подумал я, вставая на точку вбрасывания. — Одно хорошо, оба медленные». Женья Мишаков даже клюшкой не успел дёрнуть, когда я отбросил шайбу защитнику.

— Не спешим! — Гаркнул я, ради забавы, выезжая потолкаться на пятаке, так как мы уже на тренировках договорились, что минуту будем гонять шайбу без бросков, чтобы у соперников и вратарь понервничал и защитники «поднаелись».

А на пятаке у ЦСКА весело, как на ринге по боям без правил. С одной стороны Рагулин лезет бороться, с другой Цыганков лупит куда глаза его глядят. Но я тоже в долгу не остался. Локтем так Гене Цыганкову всадил, что у того перехватило дыхание. А вот до

Рагулина добратся не успел, вытолкнул он меня за ворота Третьяка, где я получил шайбу, «подёргал» защитников и передал её дальше по борту на Фролова.

— Толя давай! — Скомандовал я, Фролову снова вклиниваясь на армейский пятак. — Грабли убери! Грабли! — Заблажил я в ухо Рагулину, пытаюсь скинуть его объятья.

— Удавлю, сука! — Ответил мне Александр Палыч, но угрозу привести в исполнение не смог.

Потому что пошёл навес от Фролова, шайбу я успел в канадском стиле подправить слёта в створ ворот, а то, что после забитого гола я немного повалаялся на льду, так мне начхать. Здоровье у меня богатырское за десять секунд не остыну.

— Го-о-ол! — Орала мне в ухо вся тройка Федотова, и даже обычно молчаливый Астафьев тоже что-то такое крикнул.

— Гол с подачи Анатолия Фролова забил Иван Тафгаев номер тридцатый, — сообщил всем расстроенным болельщикам ЦСКА голос диктора, а табло нарисовало чудовищный счёт 1: 5.

А под конец второго периода на минуте тридцать девятой, отличился с передачи Смагина наш ещё один центр нападения Коля Свистухин. Его шайба была почти копией остальных наших голов. Перехват в средней зоне, резкая контратака и после ложного замаха и скидки от Владимира Смагина, Николай просто вколотил резиновый диск в сетку пустых ворот, 1: 6!

— Когда приедем на базу, — сообщил мне Свистухин. — Я куплю твоим котам десять килограммов мойвы.

— Обожрутса же? — Забеспокоился я о здоровье хвостатых братьев.

— Мы для победы и не такое терпим, — совершенно серьезно заявил он.

После феерического второго периода в раздевалке особой радости, почему-то не было. Та усталость, которую мы не чувствовали во время матча, накатила прямо сейчас, и хотелось только одного побыстрее бы прошёл третий игровой отрезок.

— Ну, вы мужики и дали! — В раздевалку забежал возбуждённый новый начальник команды Иосиф Шапиро. — Я сейчас всю игру с Севой Бобровым на трибуне просидел, даже он в диком восторге. Говорит, что быть такого не может! Вы сами-то понимаете, мы сейчас громим почти непобедимую сборную СССР.

— Львович, не суетись, ещё третий период отыграть надо, — вдруг совершенно здраво заявил Игорь Чистовский, затем он короткий взгляд бросил на меня и добавил. — Мужики главное продолжать играть в свою игру, не прижимаемся к воротам, ловушка в средней зоне и сразу контратака.

И прав был на все сто процентов Чистовский. За минуту до конца игры ситуация для нас стала просто угрожающей. И виной всему то, что мы, «Торпедо», клуб уездный маленький, а ЦСКА столичный большой и болельщики у него серьезные. Не знаю, кто сегодня наблюдал за матчем из специальной ложи для почётных гостей, может быть маршалы Гречко и Устинов, может быть председатель Верховного Совета СССР Подгорный, но судью как подменили.

За первые пять минут мы дважды отпахали в меньшинстве. Но этого оказалось недостаточно, на шестой минуте нас оставили втроём против пятерых игроков ЦСКА. Вот тогда Петров с подачи Михайлова сделал счёт 2: 6. На девятой минуте ещё одно большинство реализовал Фирсов с подачи Харламова, 3: 6. Болельщики, почувствовав жаренное стали свистеть каждое падения игрока армейской команды на лёд. А такое часто

случается в пылу борьбы. И в итоге на двенадцатой минуте ещё один розыгрыш лишнего игрока принёс успех москвичам. Харламов с подачи Викулова отыграл ещё одну шайбу, 4: 6.

Но неприятности на этом не закончились, после сильного щелчка защитника ЦСКА Гусева повреждение получил наш лучший нападающий оборонительного плана Владимир Смагин. Врач команды Тамара Иоффе сказала, что возможно растяжение и сейчас ему лучше пропустить последние минуты встречи.

А на семнадцатой минуте ЦСКА сократил отставание до минимума. На этот раз удалять кого-либо не понадобилось, так как после постоянной игры в меньшинстве наше «Торпедо» очень сильно сдало по физике. Котов и Петров разыграли небольшую комбинацию и последний сделал счёт 5: 6. Весь стадион буквально ликовал. Ещё в сутолоке у ворот сильное рассечение получил Вова Астафьев, и мы на две с половиной минуты остались без лучшего защитника.

А когда за минуту удалили капитана команды Лёшу Мишина, то на игру в меньшинстве выйти просто было некому. Точнее игроки-то были, но все без опыта игры в такой ситуации.

— Надо ещё минуту потерпеть, — зазудел Игорь Чистовский, которого мне захотелось треснуть с этим его потерпеть, что он твердил последние десять минут.

— Ладно, по херу! — Я вышел на лёд. — Фёдоров со мной, Свистухин тоже, у тебя сегодня пруха и... Доброхотов давай, ты самый свежий из всех. Всю игру запасным просидел.

— Ни пуха, ни пера, — высунулся у бортика Чистовский и ещё бы чуть-чуть и он бы нас перекрестил, но вовремя вмешался арбитр, который потребовал, чтобы мы поторапливались.

— Иди к чёрту! — Отмахнулся я и поехал на точку вбрасывания в нашу зону защиты. — Фёдоров держи пятак, Свистухин ты играешь слева, Доброхотов ты справа, а я по центру.

Тарасов в последний бой бросил тройку нападающих: Викулов, Фирсов, Харламов и защитников Рагулина и Цыганкова. Я поставил клюшку на лёд напротив Анатолия Фирсова и замер.

«Ну, отечественная школа покажи, как вас учат играть на точке?» — зло усмехнулся я, и резко выбил шайбу влево на Колю Свистухина. Фирсов от бессилия стукнул клюшкой уже по пустому льду.

— Свистуха за ворота! — Я откатился за рамку, которую защищал Коноваленко, и ещё раз требовательно постучал клюшкой.

Николай, наверное, доли секунды сомневался, как сыграть, рвануть самому вперёд, либо просто выбросить шайбу из зоны, но решил меня не разочаровывать, и отдал пас за ворота. Я же понимал, что сейчас вышвырнуть шайбу в поле, это сто процентов получить через семь, восемь секунд серьёзнейшую атаку. А нам это не надо, значит, будем ковыряться около борта. На меня как коршуны налетели с одной стороны Фирсов с другой Харламов и стали орудовать клюшками. Я отгородился своим широченным корпусом и в последний момент резко пропихнул шайбу на Доброхотова. Володя тут же в касание на Свистухина, который вдруг как рванул вперёд, прокинув шайбу мимо здорового Рагулина, и оббежав того с другой стороны. И я тоже полетел следом.

Всем хорош заслуженный ветеран советского хоккея Александр Рагулин, только скорости маловато будет. И он, видя, как уходит Свистухин один на один с Третьяком, рубанул клюшкой словно топором. Николай рухнул, и все вдруг замерли в ожидании свистка. Но судья почему-то решил не свистеть. Зато я решил не останавливаться и сам полетел на randevu с молодым да ранним вратарём сборной страны.

Я лишь пересёк центральную красную линию, как весь стадион смолк. А когда я ворвался в зону атаки, замахнулся, а затем убрал шайбу под себя, чтобы объехать беспомощно распластанное на льду тело Владислава Третьяка, болельщики разом встали и, открыв рты, увидели, как улетает такая близкая, пусть и не заслуженная, ничья. Потому что я с метра в пустые ворота не промахиваюсь. Вынимай, 5: 7.

— Гол! — Вскрикнула наша скамейка запасных, которую поддержали редкие хаотичные аплодисменты.

— Да! — Заорал я, подняв правой рукой клюшку высоко вверх, а когда я проезжал мимо армейской скамейки запасных, то специально затормозил, улыбнулся и сказал тренеру Тарасову. — Бурлаки с Москвой играют, лихо шайбы залетают!

— Негодяй! — Услышал я в ответ, когда попал в объятия своих партнёров по команде.

— Коты — это сила, — зашептал в ухо Коля Свистухин. — Правильно я сделал, что с тобой их кормил.

— Только ты, Николай, на котов в будущем надейся, но сам не плошай, — устало усмехнулся я.

Глава 16

Пятница для простого работяги — это всегда маленький праздник жизни, который конечно заиграет всеми красками только ближе к вечеру, но и с утра его можно чуть-чуть приблизить, главное чтобы мастер не засёк. Примерно так думал фрезеровщик ремонтно-инструментального цеха Данилыч, разрезая на тонкие брусочки небольшой кубик настоящего деревенского сала. Было у этого щуплого пятидесятилетнего мужчины и имя, Трофим, но об этом давно уже все в цеху забыли, от чего иногда по-настоящему было обидно.

— Ну что Данилыч, о чем сегодня опять пишет пресса, что происходит на бескрайних полях Родины? — Спросил его коллега и сосед по рабочему месту Казимир Петрович, который в укромной коморке на минус первом этаже тоже не сидел без дела.

Казимир вынул из сумки термос с чаем, отвинтил крышку, вылил содержимое в гранёный стакан, а потом, выглянув на секунду на лестницу, которая вела на первый этаж, подковырнул что-то в термосе и подмигнул Данилычу.

— Вино домашнее из варенья, подставляй тару, — улыбнулся находчивый Казимир Петрович. — Термос с секретом, двойное дно, контрабандный товар.

— Жена-то молодая не заругает? — Скорее для проформы спросил Трофим Данилыч и вынул два новых чистых стакана.

— К вечеру выветрится, — тяжело вздохнул счастливый молодожён.

Дальше жидкость тёмного цвета разлилась на две одинаковые порции и прежде чем рабочие автозавода приступили к интеллектуальной беседе она, то есть жидкость, влилась туда куда нужно.

— Хо, — резко выдохнул Данилыч. — Итак, газета «Труд» пишет, что надои выросли, по сравнению с прошлым годом, значительно. Сальцом закуси, — сказал он и протянул тарелочку без голубой каёмочки Казимиру.

— Хорошо, — кратко высказался Казимир, не то по поводу сальца, не то по поводу винца, не то по поводу надоев. — О чём ещё нам сообщает «печатный рупор эпохи»?

— Стали выплавили уже меньше, — с прискорбием доложил Трофим Данилыч. — Но! Партия и правительство держат руку на пульсе.

— Не к столу будет сказано, у меня сосед пенсионер аритмией страдал, — почему-то

зашептал Казимир другу, — постоянно держал руку на пульсе. Помер.

— Так лечиться нужно было, чего он руку-то зря держал, — хмыкнул Трофим. — Вот новость в «Известиях», слушай. В Москве прошёл симпозиум по поводу поворота сибирских рек вспять. Как считаешь повернут?

— Покажи, — Казимир взял газету из рук коллеги. — Ого, канал из Сибири в Среднюю Азию должен растянуться на две с половиной тысячи километров. Не осилим, — категорично ответил он. — Тут в деревню уже десять лет водопровод прокопать не могут. А там всего расстояние пять км.

— Если партия прикажет! — Встал из-за стола Данилыч и потряс маленьким сухоньким кулачком. — Всем миром как наляжем, потом не остановишь. До Индийского океана дороем! — Фрезеровщик выдохнул и сел обратно. — Что-то я сегодня уже устал. Давай по последней перед трудовым подвигом.

— Ты смотри! — Вскрикнул Казимир Петрович, перевернув «Известия» на последнюю страницу. — Вчера наше «Торпедо» оказывается, у ЦСКА выиграло. То я и смотрю мужики сегодня все немного навеселе. Уж думал премию дали, а тут вон чего. И наш Ванька Тафгаев две банки загнал.

— Моя школа, — коротко высказался Данилыч, разливая остатки вина из термоса с секретом. — Ну, за «Торпедо» и за Индийский океан. Вздрогнули!

* * *

Хоть и говорят, что отдых — это смена рода деятельности, но лично я настаиваю, что отдых — это отдых, а деятельность — это деятельность. И нечего смешивать два разных, по сути и содержанию, процесса. Но иногда стоит и потерпеть, если просит о помощи любимая девушка.

— Как тебе такое выступление? — Спросила Яна Снегирёва, когда я уже целый час смотрел на катающихся с флагами фигуристок по льду «торпедовского» дома спорта.

Спать хотелось невероятно, так как прилетели из Москвы только в семь утра, а сейчас всего одиннадцать дня. Так какой из меня оценщик синхронного фигурного катания?

— Понравилось, — кивнул я, усиленно борясь со сном.

— И это значит понравилось? И до этого понравилось? — Вспылила Яна. — И тот первый номер тоже понравился? Мне же интересно, что тебе понравилось по-настоящему больше всего? На вашу игру с «Химиком» через пять дней придут смотреть товарищи из Обкома, и моя группа поддержки должна быть на высоте!

— Если мы «Химик» обыграем, то и от группы поддержки будут в восторге и от всего остального, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Если не хочешь мне помогать, если тебе наплевать на весь Ленинский комсомол, то скатертью дорога! — «Принцесса» указала рукой на выход из этого сектора зрительских трибун.

«Несознательность проявляешь, непорядок!» — поддакнул Снегирёвой голос в моей голове.

— Извини, не выспался, — я выдавил из себя жалкую улыбку. — Знаешь что, давай я лучше на музыкальное сопровождение посмотрю. Я в фигурном катании не понимаю, зато в музыке, которая точно должна звучать на хоккее разбираюсь. В этом деле у меня опыта — во! — Я провёл ладонью над своей головой.

— Музыканты? — Вспомнила Яна. — Так вон они там, за правыми воротами аппаратуру подключают. С музыкой тебе ещё больше понравится, — улыбнулась девушка.

«Музыка нас связала, тайною нашей стала», — пробурчал я себе под нос и пошёл смотреть на заводское ВАИ «Высокое напряжение», которое почему-то опоздало на ответственную репетицию. Хотя если учитывать, что в ансамбле играют Толя и Коля я бы разгильдяйству не удивлялся.

За правыми хоккейными воротами во дворце спорта «Торпедо», как и за левыми, имелось небольшое пространство, которое от попадания шайбы защищала натянутая металлическая сетка. Вот на этом вытянутом вдоль лицевого борта участке и поставили свои инструменты парни из заводской самодеятельности. Ещё на подходе я обратил внимание на то, что причёски знакомых мне ребят претерпели некоторые изменения. Во-первых, они стали короче, во-вторых сами волосы — чище. Единственное что осталось при них — это брюки клёш и клоунские цветастые рубашки, но вряд ли это ненадолго.

«Взялась за них Снегирёва основательно», — хмыкнул я про себя и поприветствовал ансамбль:

— Добрый день, добры молодцы, почему опаздываем?

— Привет Иван, — промямлил Толя, в то время как Николай смело спрятался за спину своего товарища.

— Здравствуйте, — поздоровались ещё двое незнакомых мне музыкантов.

— Нус, что будем петь? — Я огляделся в поисках кого-нибудь стула и, не найдя ничего, просто прислонился к хоккейному борту с обратной стороны.

— Мой адрес Советский союз, — ответил непривычным тонким голосом парень за синтезатором.

— А ты кто? — Спросил я паренька, который весил, наверное, килограммов сорок вместе с ботинками и подтяжками.

— Я, Савелий, пианист, играю на клавишах.

— Ты? — Я глянул на барабанщика.

— Захар, стучу на ударных.

— Когда в коллективе свой стукач, это бодрит и мобилизует, — прокашлялся я. — Толя, чё на гитаре струн мало? Где ещё две? Уже свистнули?

— Это бас, — Толик пробежался пальцами по четырём толстым струнам.

— Вылазь давай, вижу же, белый Бим рваное ухо, — усмехнулся я, разглядывая виноватое лицо Коляна. — Ну вот, ухо-то оказывается целое. Что ж ты орал как резанный, якобы я тебе его членоповредил, всю общагу перепугал. Нравится теперь уже песня? Не слышу?

— А это в данный момент времени не имеет никакого значения, — гордо пробормотал Николай.

— Ладно, это дело прошлое, — я махнул рукой. — На хоккее, чтоб вы понимали, паузы короткие, никакую песню сыграть, тем более спеть вы не успеете. Поэтому записывайте, будете исполнять следующие композиции во время смены игроков: «Калинка-малинка», «Катюша», «Мой адрес» тоже можно грянуть, но коротко только один припев. Далее: «Потолок ледяной дверь скрипучая» и обязательно «Трус не играет в хоккей».

— И всё? — Спросил тонким голосом самый послушный участник ансамбля пианист Савелий, потому что только он что-то записывал в маленькую книжицу.

— Нет, теперь самое сложное, — я почесал затылок. — Нужна мощная мелодия, которая должна звучать, когда мы забьём гол.

— Роллингов! Satisfaction! — Выкрикнул Колян.

— Было бы не плохо, — я примерно представил, как бы это звучало при переполненных трибунах. — Но товарищи из Обкома могут счесть Роллингов идеологической диверсией. И тогда вас не просто чуть-чуть подстригут, обреют почти под ноль. Кстати!

Я вдруг вспомнил полулысого солиста группы «Депеш мод» Дейва Гаана. Ещё во времена юности слушал его в качалке. Особенно хорошо работалось с железом под композицию «Personal Jesus».

— Коля подь сюда, — я поманил пальцем строптивного музыканта. — Да не писюгань, дай гитару подержать, сейчас появилась одна идея.

Николай растеряно снял инструмент с плеча и протянул мне.

— Как же это? — Я сажал четвёртую струну на втором ладу и попытался что-то такое изобразить на шестой и четвёртой струне.

Пальцы не слушались, и поэтому из комбика зазвучала полная и бессмысленная фигня. Но вдруг пару раз что-то похожее на знакомый из той молодости гитарный рифф проскользнуло.

— Что-то примерно такое, — я стёр рукавом рубашки миглом вспотевший лоб. — Пам, пам, па-пам, пам, пам. — Попытался я пропеть скрипучим голосом.

— Я, кажется, понял, — обрадовался Толик.

Он закинул свою басуху за спину, взял из моих неприспособленных для рок-музыки рук электрогитару, и буквально с листа изобразил начало композиции из «Депеш мод».

— Ну вот, добавьте на это пум-пум барабаны, синтезатор трям-трям, забойный будет мотив, — я выдохнул и развернулся, хотелось уже, позабыв про муки творчества, приобнять свою «принцессу» в укромном уголке дома спорта, как вдруг пискнул пианист-клавишник:

— А петь что на этот мотив?

— А что обычно поют? — Я посмотрел на потолок. — «Торпедо» — сила, остальные — дровичлы. Стоп! Ну-ка играй.

Толик взял медиатор и «рубанул по струнам». Меня буквально осенило несколькими стихотворными строчками, и я пророкотал:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький — часть души моей!

Сердце бьётся за по-бе-ду!

— И, — задумался я на секунду. — Мы короче всех сильней. Как-то так. Дальше сами досочините. Я же вам не поэт Менделеев. Вон у вас из консерватории есть один художник, — я ткнул пальцем на пианиста Савелия. — Чижик пыжик и кошачий танец должны бацать с лёту в касание. Только попробуйте мне на игре с «Химиком» не проявить свою неповторимую творческую индивидуальность. — Я показал волшебный кулак. — Колян знает, чем это для уха может обернуться. Пока, музыканты-песенники.

* * *

«Вот теперь у меня настоящий выходной, — думал я, любуясь после часового любовного марафона обнажённой фигурой «принцессы», которая мирно посапывала у меня на плече. — Я и в той жизни обожал такие женские пропорции, чтобы и не слишком худая и не слишком полная. Во всём должна быть золотая середина, гармония, на которую способна каждая, если чуть-чуть попотеть в спортзале. Кстати, и у мужчины так же всё должно быть в меру и ум, и живот и чувство юмора».

— Который час? — Не открывая глаз, пробормотала Яна Снегирёва.

— Скоро шесть, — ответил я, дотянувшись до тумбочки, где лежали старенькие с

потёртым кожаным ремешком часы марки «ЗиМ».

— Ой! — Подскочила девушка. — У меня же скоро заседание комсомольской ячейки! Будем обсуждать дело комсомольца Потапова. — «Принцесса» как молния вылетела из моей кровати, и бросилась собирать раскиданные по комнате вещи. — На чём сейчас можно из вашего «Зелёного города» уехать?

— Спокойно, у нас тут свой таксист имеется, — улыбнулся я, глядя на такую милую глазу грацию. — Правда, автомобиль у него грузовой для продуктов всяких, но домчит тебя, куда надо, вмиг. Что натворил-то несчастный Потапов, изменил делу партии или просто жене?

— Разводиться удумал! Никакой сознательности у человека. Город отмечает юбилей, — Снегирёва дунула на прядь, упавших на лицо волос, — а он показатели всему заводу портит! Ничего сейчас вляпаем ему выговор с занесением в личное дело, тут же жену обратно полюбит.

— А не попахивает ли такой подход формализмом? — Возразил я, посмеиваясь про себя над анекдотичностью ситуации. — Империалисты спят и видят, как растлить нашу молодёжь. А тут этот Потапов без всяких высоких чувств каждую ночь сам из-за вашего поспешного решения будет растляться с нелюбимой женщиной. Это же куда мы, в конце концов, докатимся?

— И что теперь из-за одного человека показатели портить всему коллективу? — Яна воинственно глянула на меня.

— Прости брат Потапов, я сделал всё что мог, — я поднял руки вверх, сдаваясь перед напором комсомольской «принцессы».

Глава 17

Сегодняшнюю субботу 9 октября, возможно когда-нибудь в будущем историки города Горького внесут в свои научные книжки. Ведь на лёд дворца спорта «Торпедо» вышел в качестве главного тренера команды Всеволод Михайлович Бобров. Правда, у легенды Советского спорта пока только одно чемпионство со «Спартаком» 1967-го года, и две победы с командой Василия Сталина ВВС МВО, где он выступал как играющий тренер в 1951 и в 1952 году. Но по сегодняшним реалиям, где ЦСКА в отечественном хоккее гегемон, и это выдающийся результат.

— Кто попадёт из десяти раз больше меня в ворота? — Сева на коньках и в синем спортивном костюме вывалил на лёд кучу шайб и хитро улыбнулся.

Ворота же он предварительно перекрыл деревянным щитом, и попасть в сетку шайбой можно было лишь через маленькую щель между левой штангой и искусственной преградой.

— Всеволод Михалыч, а вы сами-то сколько перед нами потренировались? — Усмехнулся я. — Пристрелялись, наверное, уже. Давайте для чистоты эксперимента сдвинем щит в другую сторону, и откроем проем у правой штанги.

— Зачем зря двигать, — закричал Бобров, почесав затылок. — Считайте.

И наш новый наставник, держа клюшку редким правым хватом, начал швырять с расстояния в десять метров до ворот шайбу, за шайбой.

— Бенз! Бенз! — Звякал чёрный резиновый диск о железную стойку ворот.

Не все шайбы попали в цель, но из десяти штук половина оказалась внутри. Далее потянулись на импровизированное стрельбище и первые добровольцы из числа хоккеистов «Торпедо». Лично я решил, немного размяться, разогреть мышцы. Не хотелось на первой же тренировке перед Бобровым «нырнуть лицом в грязь». На удивление пять штук закинули в

сетку молодой Скворцов и капитан команды Лёша Мишин. Остальные же довольствовались гораздо меньшим числом попаданий. Например, Коля Свистухин не попал ни разу.

— Тафгаев! Не увиливай, — прикрикнул на меня Всеволод Михалыч.

— Может не надо? — Я подъехал на рубеж и приметился.

— Больно много слов, — сказал, как отрезал наш новый наставник.

— Ну, тогда считайте, я вас предупредил, — я немного подвигал шайбу по льду, чтобы почувствовать её вес на крюке клюшки и вальнул первый раз мимо чуть-чуть зацепив штангу с внешней стороны.

Затем подкорректировал траекторию и выпалил трижды точно в цель. Я такой ерундой по молодости любил баловаться, на спор с пацанами в спортивной школе играл на «Пепси-колу». Все знали, что со мной связываться бесполезно, так как от природы имел отличный глазомер. Мне было главное первый раз попасть, а дальше можно было и не смотреть.

Ещё две шайбы я забил после одного обидного промаха, расслабился маленько. Но у меня оставалось ещё три попытки в запасе, которые я хотел уже было реализовать, как вдруг Бобров, громко прокашлялся и сказал:

— Молодцы, верю, что будет из вас толк, закончили упражнение.

— Значит, правду говорят Всеволод Михалыч? — Спросил я тренера.

— О чём? — Удивился наставник.

— Что товарищ Бобров проигрывать не любит, что в лапту, что в Чапаева, что в городки, — заулыбался я.

— А ещё сплетни ходили, что вы всех наших генералов в бильярд обыгрывали и под столом кукарекать заставляли, — добавил Свистухин.

— Глупость! — Отмахнулся Сева и скомандовал, — поехали все по кругу против часовой стрелки.

На первой тренировке Всеволод Михайлович ничего изобретать не стал. Наоборот он сам с любопытством посмотрел, как мы до него готовились к матчам с командами высшей лиги. Очень сильно его заинтересовала ловушка в средней зоне, которую ещё не изобрёл Жак Лемер, потому что ему сейчас не до того. Ведь он сейчас за «Монреаль Канадиенс» играет и, кстати, в мае этого года уже в третий раз поднял Кубок Стэнли над своей головой.

— Это Всеволод Михалыч, наша разработка, — похвастался тактическим хоккейным приёмом Свистухин. — Я даже ей название придумал, «Волжский замок».

— Ещё скажи «Волжская защепка», — хмыкнул Бобров. — Но что-то похожее в этом определённо есть. Ну-ка, давай пятёрка Федотова атакует, а пятёрка Свистухина ловит в средней зоне.

— Не получится, — печально пробормотал Николай Свистухин, — у нас Смагина подбили в последней игре.

— Я за Смагина, — я отъехал от борта и занял место по правую руку от нашего центра нападения.

Всеволод Михалыч бросил шайбу пятёрке Федотова и дунул в свиток, а сам откатился ближе к центру площадки, чтобы мы его ненароком не зацепили, действуя в боевом запале. Федотов перед своими воротами отдал шайбу Мишину, а тот сделал диагональную передачу на противоположный борт Толе Фролову.

— Отрезай! Отрезай! — Крикнул я центрфорварду Свистухину, встречая Фролова около борта в лоб.

С левой же стороны нападающего тройки Федотова, отсёк от партнёров Женя

Шигонцев. Не знаю, что хотел изобразить на льду Фролов, но слишком он долго крутил головой. Поэтому я не утерпел и поддел его бочком. Сбрякнул Анатолий резко. Вот он только что был, и вот его уже где-то и нет. Бобров, не дожидаясь дружеской в таком случае потасовки, издал тревожную трель из своего тренерского свистка. Я подъехал к Анатолию попросить его не держать обиды. Но Фролов как-то уж слишком расстроено глянул на меня и рявкнул:

— Обалдел! Всю команду решил переколошматить?!

— Вся команда, Толя на льду, в отличие от тебя, ворон не считает, — резонно заметил я. — Заслужил за ротозейство — получи. Зато в игре будешь быстрее соображать.

— Всё разошлись! — Подъехал Всеволод Михалыч. — Тренировка на сегодня окончена.

Завтра в десять часов здесь же, а сегодня у всех свободное время.

— Товарищ тренер, а в тренажёрный зал сегодня по желанию? — Я немного прифигел от наступившей демократии.

— Завтра своё железо потягаете, а сегодня дома все по сто отжиманий, — отмахнулся Бобров. — Мне ещё сегодня по составу важные решения принять нужно. Сейчас со мной в тренерскую идут: Игорь Борисыч Чистовский, Виктор Сергеевич Коноваленко, Мишин и ты Тафгаев. Иосиф Львович и ты зайди, — обратился главный тренер к заскучавшему на трибунах начальнику команды.

«Совет в Филях», — пробурчал я про себя.

В тренерской комнате, Всеволод Михалыч открыл журнал, в котором синими чернилами по серой бумаге был написан весь состав горьковского «Торпедо». Напротив фамилий игроков стояли какие-то пометки и адреса с телефонами каждого члена команды.

— Вопрос первый, нужен ваш совет, — Бобров уселся за стол и вынул из ящика простой карандаш. — Я уже переговорил с Прилепским, который со дня на день уезжает тренировать в Киев и хочет забрать с собой часть игроков. Нужны ли команде эти хоккеисты? Сможем ли мы до конца сезона отыграть в сегодняшнем составе?

— Я бы кое-кого оставил, тем более на десять дней выбыл Смагин, — первым высказался капитан команды Мишин.

— А я бы всех отпустил, — ответил я прямо. — Ничего нет хуже, когда в коллективе есть обиженные неиграющие ребята. Смагин — сломался, поставим запасного Доброхотова. Да и потом, осталось отыграть всего двадцать девять игр. Слезы, а не чемпионат. Вот на НХЛ, где люди под сто матчей рубятся — оставшихся девятнадцати человек не хватило бы.

— Восемнадцати, Саша Котомкин сейчас играющий тренер вратарей, — пробурчал Лёша Мишин.

— Вот по этому поводу я хочу предложить одного молодого талантливую паренька к нам в состав, — я легонько толкнул в бок насупившегося капитана. — Парень как раз подойдёт для третьей пятёрки, жёсткий, неуступчивый, да и в атаке кое-что может.

— Диктуй, — по-деловому сказал Бобров, вырвав из еженедельника листок бумаги.

— Зовут юное дарование Борис Александров, играет сейчас в «Торпедо» Усть-Каменогорск, — я ещё раз задумался, а там ли он сейчас играет? — Да, там должен быть. Правда, характер у него не сахар.

— Как у Свистухина? — Оживился Мишин.

— Хуже, — улыбнулся я.

— Ничего, мы все не подарки, — пророкотал Виктор Коноваленко.

— Значит, так и решим, — Бобров записал имя и фамилию Александрова и отдал

бумажку начальнику команды. — Всех желающих парней отпускаем в Ригу и в Киев, там тоже нужно хоккей развивать. А мы дальше играем в этом составе, но в призах в этом сезоне мы должны быть обязательно. — Сева легонько шлёпнул кулаком по столу. — Я директору автозавода обещал.

Ещё полчаса мы дискутировали по разным темам в тренерском кабинете Боброва. Решали вопрос с клюшками из столицы Латвийской ССР, где их очень качественно делали местные умельцы. Затем обсуждали отдельный тренировочный план бригады вратарей. И конечно затронули последнюю игру с ЦСКА, где нас знатно «посадили на свисток». После чего было решено в будущем больше внимания уделять на тренировках игре в численном меньшинстве.

А после «совета в Филях» меня по-заговорщицки отозвал в сторону начальник команды Иосиф Шапиро.

— Вот, цени, — Иосиф Львович протянул мне ключи.

— Это ключи от банковской ячейки, где золото и бриллианты лежат? — Я взял простенький неказистый ключик и подкинул его на ладони.

— Это тебе за хорошие результаты в спорте автомобиль «Победа» ГАЗ М-20, - гордо сообщил мне начальник команды. — Во временное пользование, будешь ездить пока по доверенности.

— Понимаю, оторвали от сердца музейный экспонат, — я попытался вспомнить, в каком году склепали последнюю «Победу», но не смог. — Она хоть пипикает? И за чей счёт будет производиться ежедневный ремонт?

— Машина — зверь, — обиделся Шапиро, который, наверное, с большим трудом выбил мне дефицитный личный автотранспорт. — Но советую больше 80-ти километров не выжимать.

— Напекаешь, что может, откинув крылья взлететь, — хмыкнул я. — А сейчас Львович растолкуй из-за чего такая милость на мою грешную голову? Только не юли.

Начальник команды посмотрел по сторонам, махнул ладошкой, намекая, что здесь слишком много посторонних ушей, которых лично я даже на горизонте не наблюдал и отвел меня в маленький закуток. И лишь там рассказал то, о чём клятвенно обещал молчать.

— После игры с ЦСКА, на следующий день, Тарасов Анатолий Владимирович прибежал сам понимаешь куда, — загадочно прошептал Иосиф Львович, указав пальцем на потолок. — Требовал, чтобы тебя, либо дисквалифицировали за грубость, либо срочно направили на прохождение службы в ЦСКА, долг Родине отдавать. Всё никак не хотел поверить, что ты уже отслужил и играешь первый сезон. Вот в Обкоме и решили тебя временно поощрить, чтобы Москва не перекупила. Так что води на здоровье, тем более и права у тебя уже есть.

— Тут дело такое, Львович, — замялся я, обдумывая, как лучше объяснить человеку, что права на вожделение автомобиля остались в далёком будущем и сейчас их сюда никак не перетащить. — В общем, бегал я вчера по лесу, запнулся, упал, хватать по карману, а прав-то и нет. Бобры что ли сгрызли?

— Какие ещё бобры? — Изумился Шапиро.

— Ясное дело канадские, их специально сюда запустили из Америки, чтобы они все наши советские деревья сгрызли. Ну, ничего, я пока так поезжу. А ты Иосиф Львович раз смог машину добыть, то смоги и права мне сделать. Сказку про «Конька-Горбунка» читал? Вот, а нужно было.

Я подмигнул растерявшемуся мужчине и пошёл принимать во временное пользование чудо советского довоенного автопрома.

— А если остановят? — Бросил мне в след беспокойный Львович.

— Дам билеты на хоккей! Да, только ты с правами не затягивай! — Я погрозил начальнику «Торпедо» пальцем.

На выходе из дворца спорта я взглядом охватил полупустую площадь, терзаясь мыслью, где мой «старый стальной жеребец», и обнаружил горбатый авто тёмно-серого цвета. И сразу вспомнил своего соседа пенсионера из будущего, который под точно таким же около своего старого единственного во дворе гаража чуть ли не каждую неделю лежал. Я один раз не выдержал и предложил:

— Максимыч, давай я тебе «жигули» куплю. Под ними тоже можно лежать, но они ещё и ездят.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил мне пенсионер, похлопав по корпусу машины. — Это же моя молодость.

«А теперь что же я буду? На молодости Максимыча ездить? Чего только в жизни не бывает», — с грустью подумал я.

Глава 18

Если вы случайно проснулись в стране, где на каждом шагу висят плакаты и вывески с советами, то с огромной вероятностью вы проснулись в стране Советов, в СССР. Вот, к примеру, у нас на проходной завода висит плакат: «Выпускайте продукцию отличного качества!». Или вот в цеху: «Дал слово — держи его!». А в больнице сам видел: «Женщина! Стирай тусы ежедневно!». В общем даже если захочешь, не соскучишься.

Так над главным входом в здание горьковского аэропорта «Стригино» красовался на красном полотнище белыми буквами ещё один совет: «Горьковчане! Повышайте действенность и результативность социалистического соревнования!». Лично для меня было загадкой, как соцсоревнование могло помочь работникам гражданской авиации? Даже страшно представить что случится, если самолёты полетят соревноваться наперегонки и не по расписанию.

Кстати, самолёт, который мы с начальником команды Иосифом Львовичем ожидали из Омска, опаздывал уже на час. Вообще-то, юное хоккейное дарование Борис Александрой должен был прилететь из Усть-Каменогорска с пересадкой в Омске ещё вчера в понедельник 11 октября. Но что-то пошло не так и вместо Александрова прилетела лишь телеграмма, что он будет 12.

Всё равно стоило признать, что задача с переводом паренька из одного «Торпедо» в другое решилась очень быстро. А всё благодаря хорошим экономическим и дружеским связям между Горьким и Усть-Каменогорском. Да ещё сам Сева Бобров поговорил по телефону с Борей Александровым, что тоже ускорило процесс. Всё-таки хоккейный мир очень тесен, где авторитет Боброва находится на высочайшем уровне.

— Будешь? — Я предложил Львовичу один бутерброд с сыром из буфета, что круглосуточно работал в аэропорту. — Не хочешь? — Переспросил я начальника команды, стоявшего с «кислым лицом» напротив меня за столом на длинной стальной ножке. — Обижаетесь что ли?

— Ты не представляешь, что я пережил, делая тебе водительское удостоверение? — Пожаловался на свою нелёгкую долю Иосиф Львович.

— Когда ты имеешь неограниченное число автозапчастей от «Волги», проблем в СССР

быть не должно, — я в один укус смял уже пятый бутерброд с сыром.

— А у человека, от которого зависели твои права автомобиль «Москвич», что он взял по совету друзей, — недовольно бросил мне лицо Шапиро и внаглую, не спросив моего разрешения выпил мой чай.

— Это потому что друзья плохое посоветовать — могут, — хмыкнул я и посмотрел на часы. — Нужно быть «безбашенным» как Джордано Бруно, чтобы живя в Горьком ездить на «Москвиче». Давай Львович мы поступим так, в наказание, за твои душевные тревоги, ты мне поможешь до Нового года заочно поступить в институт. А там, в институте, злые преподаватели будут за прогулы и за врождённую бестолковость надо мной издеваться и ставить одни неуды. В общем, отмстят за тебя горемычного. Правда, отличная идея?

От такого предложения начальник команды сначала дёрнулся всем телом, а затем его левый глаз очень быстро в нервном тике замигал.

— Это же не законно? — Пролепетал он. — У тебя же образование всего семь, то есть восемьклассов.

— Отстаёшь от жизни «отец», — я проглотил последний бутерброд. — Вчера отстрелялся за десятилетку. Представляешь, прихожу на экзамен, весь на измене, на нервах, кулаки чешутся, не знаю ведь ни хрена. Ну, думаю всё, сейчас покажет мне вредный проверяющий из ГОРОНО, как шведы в тринадцатом веке на Чудском озере в хоккее играли. Захожу, а там новый мужик из министерства, того первого куда-то в другую северную область отправили проверками заниматься. А этот оказывается преданный болельщик «Торпедо», и он с порога сразу же задаёт вопрос: «Как тринадцатого сыграете с «Химиком» из Воскресенска». А я ему: «Хорошо». А он: «Предлагаю товарищу Тафгаеву поставить за все предметы за десятый класс, оценку четыре».

— Что ж ты не сказал — отлично? — наконец-то хитро улыбнулся Иосиф Львович.

— Дурак был, исправлюсь, — хохотнул я.

Вдруг в помещение аэровокзала приятный женский дикторский голос сообщил, что совершил посадку самолёт Омск — Горький. И мы с начальником поспешили в тот отсек, где толкался народ, встречающий пассажиров.

— Где он там? — Подёргал меня за рукав плаща Шапиро.

— Вон вижу абалдую, шлындает, — ответил я, высоко вытягивая голову из толпы. — Наверняка что-нибудь учудил, вот и опоздал на день.

— Так может если он такой-сякой, то не стоило его вызванивать? — Забеспокоился начальник команды, которому часто приходилось разгребать за хоккеистами их житейские косяки.

— Пока он молодой его можно если не перевоспитать, то немного поставить мозги на место, — сказал я и подумал, что может быть Шапиро и прав, и хлебну я из-за этого пацана в ближайшее время вдоволь.

— Ты что ль Александров? — Улыбнулся Иосиф Львович, увидев перед собой не монстра, которого я описал, а обыкновенного студента ПТУ с симпатичной открытой улыбкой, пусть и коренастого, но невысокого.

— Здравствуйте, — поздоровался паренёк, у которого красовался фингал под левым глазом.

Одет он был в простенькие брюки, ботиночки отечественного производства, чёрный ручной вязки свитер и серая болоньевая куртка длиной по самую «погремушку».

— Вещи, наверное, надо получить? — Спросил Шапиро.

— У меня всё с собой, — улыбнулся Боря Александров, показав небольшую сумку в

руках.

— Это хорошо, — заметил я, а то в мою «Победу», ни хрена ничего не влазит, — это я уже сказал начальнику команды и протянул ладонь для рукопожатия Борису. Потом я сжал его руку так, чтобы лицо паренька покраснело от натуги. — В хорошую команду ты попал, малыш. Работаем сейчас по новой бразильской системе. Все тренировки фулл-контакт с железными клюшками и со свинцовыми крюками. Кравица по льду льётся рекой, уже трое парней из команды в больнице лежат с переломами разной тяжести. Тебе понравится, — прокашлялся я и повёл своих спутников в машину. — А вчера я одного так в борт впечатал, что у него позвоночник в двух местах треснул. Мы и тебе вторую группы инвалидности сделаем. Не переживай, домой вернёшься с почётной грамотой и в кресле каталке.

Александров вдруг резко остановился и попытался дать дёру, но я его вовремя перехватил за шиворот и притормозил так, что парень растянулся на асфальте.

— Тафгаев! Прекрати! — Взвизгнул Шапиро. — Вы, молодой человек на него не обращайтесь внимания. Он у нас известный шутник. Например, сегодня на базе в шесть утра с криками: «Спасайся, кто может, землетрясение!» всю команду выгнал на улицу. Даже Сева Бобров в одних трусах выскочил, спросонья не разобравшись. И это в октябре при нулевой температуре!

— Я не виноват, что на утреннюю пробежку никто выходить не хотел, — усмехнулся я, вспоминая растерянно-злое лицо главного тренера.

— Весело, — согласился Александров и мы на моём древнем драндулете, который выжимал максимум семьдесят километров в час покатали на базу «Зелёный город».

«Может быть, Боря не такой уж и бестолковый грубиян, — подумал я, вращая баранку винтажной машины. — Просто в своё время попал в «ежовые рукавицы» Анатолия Тарасова, который любил из всех подряд без разбору делать бойцов. А Александров и так уже был от природы боевитым, вот и перегнули с ним палку. Тем более в ЦСКА парню дали обидное прозвище: «Гадёныш», ну куда это годится?»

* * *

Поселили Бориса временно по соседству со мной, буквально через стенку, вместе со Свистухиным, пока Вова Смагин восстанавливается. Я же, в отличие от армейцев, сразу прикрепил юному дарованию другое погоняло: «Мальш», на которое, кстати, парень не обиделся. И в тот же вечер, после ужина и первого знакомства с новобранцем, в свою комнату вызвал меня Сева Бобров.

— А ты уверен, что это тот самый парень? — Зашептал главный тренер. — Что-то не впечатляет. Я думал там злобный шкаф навроде тебя, а тут весёлый пацан шестнадцати лет от роду.

— Может и не он, — я почесал затылок, и сделал туповатое лицо. — Я ведь уже рассказывал, что будущее видел, когда впал в алкогольный психоз, в галлюцинации. Но если сейчас парня сразу же забраковать и отправить домой, то слухи поползут нехорошие. Якобы Бобров потерял чуйку на юные таланты.

— Эх, связался я с тобой, — пробубнил себе под нос Сева. — В какую тройку думаешь его поставить?

Всеволод Михалыч склонился над картой «Куликовской битвы», это я так в шутку называл его чёрно-белые шашки, расставленные на маленьком хоккейном поле.

— Давай сразу на ворота вместо Коноваленко, — я перевёл белую шашку на прямоугольник, который обозначал ворота. А когда я увидел, как вытянулось лицо Боброва,

не выдержал и захохотал. — Извини, Михалыч. Во-первых, парень это тот самый будущий олимпийский чемпион 1976 года. Во-вторых, у него редкий правый хват, прямо как у тебя. А поставим мы его к Свистухину на левое крыло атаки на пару смен в середине первого периода. И во втором где-то около десятой минуты со мной выйдет на лёд, два раза, а Скворцова переведём направо. И хватит с него для первой игры.

— Юмор у тебя, я скажу, так себе, — обиженно засопел Всеволод Михалыч. — А то, что ты устроил сегодня утром, никогда не прощу. Я ведь даже чуть того, — закашлялся главный тренер. — Ладно, посмотрим на парня в деле. Я вот что ещё хотел спросить, — немного замялся Бобров. — Почему у нас силовые тренировки какие-то не такие. Почему штангу не тягаем? Зачем тебе понадобились эти велотренажёры? Раньше без всего этого спокойно обходились. Как схватишь гирию и давай её в разные стороны поднимать.

— Раньше и под кусты с лопушком ходили, удобряли природу, мать нашу, — я очень серьезно посмотрел на главного тренера. — Время сейчас Михалыч другое, есть ряд упражнений, которые категорически делать запрещено. Это бегать кроссы по асфальту, из-за чего можно убить колени с голеностопами. Жать штангу над головой и приседать с ней. Нельзя играть в «коняшки», усаживая одного человека на плечи другому, как это делают в ЦСКА. Прокачка всех мышц должна выполняться без нагрузки на позвоночник.

— Что будет-то? — Удивился Сева. — Слабаки в хоккей не играют.

— Будет? — переспросил я. — Будет как с Виктором Блиновым, которого вы из Омска в московский «Спартак» привезли в 1964 году. Здоровый и высокий был как Рагулин, а через четыре года, когда ему всего двадцать два стукнуло, упал в спортзале и умер. Высоким ребятам поднимать штангу нужно запретить на законодательном уровне. «Рычаги» у таких людей большие и смещение позвонков можно заработать на раз, а дальше проблемы с сердечком и смерть при хороших спортивных нагрузках.

— Витя пил много, — виновато пробормотал Всеволод Михалыч.

— В двадцать два года от этого не умирают, — сказал я, тяжело вздохнув.

После разговора с главным тренером, в комнате я достал пакет с мойвой, который хранил между оконных рам и пошёл кормить наших зелёногородских котов. Каково же было моё удивление, когда около кошачьих домиков я застал Борю Александрова.

— Это у вас тут коты что ли живут? — Спросил он, с удивлением разглядывая беззаботных хвостатых обитателей новеньких деревянных будок, которые после игры с ЦСКА мы смастерили всей командой.

— Для спортивной удачи взяли шефство над бандой «Чёрная кошка», — я вывалил несколько рыбёшек в одну миску, затем в другую. — К концу октября нужно будет для них сделать что-нибудь более тёплое. У нас ведь здесь не Турция. И ты давай покорми, — я протянул пакет Борису. — Завтра, Бобров тебя на несколько смен обязательно выпустит. И вообще если возникнут вопросы — обращайся, после матча местные все по домам разъедутся, вдвоём здесь останемся.

— Впервые вижу, чтобы котов кормили на удачу, — улыбнулся Александров, подбрасывая рыбёшки уже довольно таки сытым котофеям, так как кроме нас здесь уже успели отметиться и фигуристы, и гимнасты, которым тоже нужна спортивная удача.

* * *

Воскресенский «Химик» прилетел к нам в Горький после двух впечатляющих побед. В позапрошлом туре «химики» разбили в пух и прах московские «Крылья советов», 9: 2. В этой игре впечатляющую результативность показала первая тройка нападения Козин —

Ликсюткин — Голиков. А в прошлом туре «Химик» одолел московский «Спартак», 1: 0, где выше всяких похвал сыграл вратарь Виктор Афонин.

Но лично мы вышли на игру уверенные в себе, как удав в охоте на кроликов. Лучшую тройку воскресенцев мы решили закрыть звеном Свистухина. Далее на лёд должен был выйти я с пионерами, а потом и тройка Федотова с капитаном Мишиным слева и Толей Фроловым справа.

К сожалению, самоуспокоенность сыграла с нами злую шутку. Буквально во второй смене, выполняя ловушку в средней зоне, ошибся молодой Витя Доброхотов, который заменял в тройке Свистухина травмированного Смагина. Саша Голиков даже не вникая в то, что это была наша знаменитая ловушка, ушёл на хорошей скорости от Доброхотова и войдя в зону атаки сделал пас на накатывающего следом Валю Козина. И Козин броском в противоход перехитрил нашего голкипера ветерана Коноваленко.

После пропущенной шайбы, музыканты из ВИА «Высокое напряжение» не найдя ничего лучшего, заиграли «Катюшу». Вообще надо сказать, предматчевое представление, музыка вначале игры, девушки в спортивных трико и облегающих свитерах с флагами СССР, «Торпедо» и автозавода «ГАЗ», которые красиво катались по льду, произвели сильное впечатление на переполненный дворец спорта. Кстати, диктор по стадиону объявил, что сегодня пришло на матч четыре с половиной тысячи человек.

— Поставили, б...ь, ко мне в тройку зелёного пацана! — Не сдержался на лавке Свистухин, ударив черенком клюшквив борт. — А нормальных и здоровых мужиков по Киевам и Ригам раскидали.

— Не бухти, и клюшку только попробуй сломать, — рыкнул я. — Парень первый раз в старте, ещё освоится, вот куда защита смотрела? Где страховка Мошкарров и Ушамков?

— Ничего, ничего, — успокоил всех невозмутимый Сева Бобров. — Сейчас отыграемся.

И главный тренер как в воду глядел, буквально через смену наша первая тройка нападения Мишин — Федотов — Фролов, при поддержке лучшей пары защитников Астафьев — Фёдоров организовала длительную осаду ворот «Химика». Наши ребята, как будто издеваясь над соперником, контролировали шайбу больше минуты в зоне атаки, сказались тренировки, на которых мы делали упор на этом компоненте игры. И когда уже с воскресенцев потёк градом пот, Мишин отдал на Фролова, а Фролов замахнувшись, выкатил на пустой угол Федотову, и тот сравнял счёт.

И вдруг из динамиков грянул гитарный рифф группы «Депеш мод» из песни «Personal Jesus», крики болельщиков растерянно смолкли и в наступившей тишине люди слышали хрипловатый голос Коляна, который подражал Мику Джаггеру:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький — часть души моей!

Сердце бьётся за победу!

И «Торпедо» с нами всех сильнее!

— А теперь все вместе! — Выкрикнул Колян в микрофон, прячась со своим ансамблем за нашими правыми воротами.

И зал дружно грянул простенькое четверостишие, как это делаю обычно люди в первый раз, то есть, подпевая не всю строчку, а лишь её окончание. На скамейке запасных почему-то расчувствовался Сева Бобров, смахнув маленькую слезинку:

— Хорошие слова придумали, черти.

— Народное творчество, — хмыкнул Свистухин. — Мама мыла раму.

— Да, — поддакнул я. — А Свистухин один драил магазин.

И все кто был на скамейке запасных, покатались со смеху, даже Всеволод Михалыч из последних сил старался сохранить невозмутимое лицо.

Не знаю, что произошло дальше, но «Химик» как-то вдруг сник, а мы наоборот почти не давали воскресенцам продохнуть, давили и давили ещё минут пять. И как следствие на десятой минуте вновь отличилась тройка Федотова. На этот раз пустой угол расстрелял капитан Лёша Мишин, 2: 1.

— Вместе мы с тобой «Торпедо»! — Заголосили на трибунах работяги с автозавода, когда опять заиграл знакомый мотив.

Как и договаривались заранее, две смены получил наш новенький Боря Александров. В тройке Свистухина он отбегал без особых замечаний, если не считать постоянные крики нашего шebutного центрфорварда: «Малыш сместись сюда! Малыш встречай! Малыш пасуй!» И Александров дисциплинированно смещался, встречал, идя в отбор и пасовал.

— Толк будет, — выдохнул Коля Свистухин, сев на скамейку запасных.

— Нормально, — сказал и Сева Бобров, похлопав «Малыша» по плечу.

А вот за минуту до конца первого периода произошёл неприятный инцидент. Когда я со своими «пионерами» гостил в зоне у воскресенцев, здоровенный защитник «Химика» Юрий Ляпкин очень жестко встретил Вову Ковина. Я же, такой наглости не перенеся, разогнался и пока Ляпкин смотрел, кому отдать отвоёванную шайбу, на всех порах воткнулся в него. Отлетел я надо сказать на целый метр, но на ногах устоял. А вот Юрий Евгеньевич, грохнувшись на лёд, прокатился метра четыре, прежде чем сумел затормозить, уткнувшись телом в борт. Напрасно потом воскресенцы полезли со своими тыкалками, так как на каждый их «тык», я отвечивал серьёзнейшую оплеуху. Даже вмешательство рефери не потребовалось, чтобы на льду наступил порядок, ведь через несколько секунд бить было уже некого.

— Тафгаев, две минуты за грубую игру, — посмеиваясь, выписал мне судья Сорокин из Москвы.

— Сообщите друзьям, чтоб сгношили передачку, — пробормотал я, катя в отдельный бокс для провинившихся игроков.

В перерыве после первого периода, который так и закончился со счётом 2: 1, выяснилось, что Вова Ковин получил сильный ушиб плеча. Врач команды Тамара Иоффе настояла, чтобы юный хоккеист пропустил остаток игры.

— От всех болезней, говорит Тамара Иоффе, поможет нам один коньяк, и пару кофе, — прокомментировал я, осматривая большущий синяк у Ковина.

— Не смешно, Иван, — улыбаясь, ответила врач, пока все хоккеисты ржали, как ненормальные.

— Не смешно, то есть хорошо, — похохатывая сказал Сева Бобров. — Давай Александров готовься, во втором периоде выйдешь в тройке Тафгаева. Я на тебя надеюсь.

* * *

«Конечно, из Бори в будущем получится классный хоккеист, — печально подумал я, отбегав безрезультатно с ним и со Скворцовым в тройке половину второго периода, — но это случится не скоро».

— Я всё правильно делаю? — Хватая ртом воздух, спросил меня молоденький Александров.

— Ну как сказать, — замялся я, ведь парень с нами не провёл ни одной тренировки.

— Да скажите ему, как есть, — зло выпалил Скворцов, сидящий на скамейке запасных по правую руку от меня. — Бестолочь ты! Надо идти самому, ты даешь в борьбу. Надо пасовать, а ты лезешь в обводку на двоих. Быстрее башкой соображай, они все мужики мощнее нас, зато мы резче. Наша сила в скорости мысли.

— Всё нормально, — успокоил я Борю Александрова, — главное мы выполняем четко ловушку в средней зоне и не даем забить пока мы втроем на льду. А это сейчас основное. Смотри, смотри! Гол! — Вскочил я с места, так как на льду игроки первой пятёрки лихо раскидав своих оппонентов организовали уже третью заброшенную шайбу, 3: 1.

— Шайбу с передачи Фролова номер 11 забил Алексей Мишин номер 12, - сообщил весёлым голосом диктор во дворце спорта, как только болельщики пропели небольшую песню, что вместе они с «Торпедо».

А вот после счёта 3: 1, игроки «Химика» вдруг вспомнили, что они почти московская элитная команда, и недавно одержали две важнейшие победы. И от досады на самих себя, на свою игру воскресенцы побежали отыгрываться. И здесь показал класс Виктор Коноваленко, ликвидировав два подряд почти стопроцентных голевых момента.

— А неплохая идея была с отдельным тренером для вратарей, — похлопал меня по плечу Бобров. — Техника вратарская конечно не обычная, но зато действенная. Будем продолжать. Давай на смену. — Толкнул он легонько меня.

— Мужики нужно срочно отодвинуть игру, а то Сергеич в рамке итак весь в мыле, — бросил я своим партнёрам Скворцову и Александрову. — «Малыш» играем на входе в зону скрест.

После выигранного вбрасывания и обратной передачи от Саши Куликова, я сначала устроил небольшой перепас со Скворцовым, а потом резко откинул шайбу на Александрова.

— Скрест Малыш! — Гракнул я, уходя на левый край, где мне по идее должен был оставить шайбу наш новобранец.

И вроде Борис, всё прекрасно услышал, и что такое скрест я ему уже успел в перерыве нарисовать, но своенравный игрок вместо оставления шайбы для меня сам резко развернулся и полетел в зону атаки.

— Дурень! — От злости хлопнул клюшкой об лёд Скворцов, но всё же бросился, как и я в зону «Химика».

Наш молоденький своенравный «пострел», который как в поговорке везде поспел, следом выскочил на здорового защитника из Воскресенска Юру Ляпкина. Показал обманное движение вправо и легко улетел влево, где под очень острым углом вышел на ворота Афонина. И с таких углов бывало, что шайбы залетали, но Александров заметив, как накатываю я по центру, резко отпасовал мне прямо в крюк. Бросок, и невероятным способом шайба, угодив в черенок вратарской клюшки, отлетела направо на наезжающего Скворцова. Ещё один щелчок по почти пустым воротам и лишь громкий «звук» шайбы, которая отрикошетила от перекладины на трибуны, раздался надо льдом.

— Нормально, — похвалил я своих партнёров. — Следующую забьём.

В перерыве перед заключительным третьим периодом, Сева Бобров решил немного нас позлить, чуть-чуть подзавести. Видать хороший счёт 3: 1, не устраивал легенду советского спорта. Всеволод Михайлович прошёлся важно по раздевалке и начал:

— Коля Свистухин, пока ваше звено хвалить не за что. Тройка Федотова играет, примерно как я и планировал. Тафгаев, шутить по утрам пока получается лучше, чем попадать по пустым воротам. Один зелёный новобранец за вас на льду пашет.

— Поэтому Михалыч и не забиваем, — я сделал несколько глотков горячего чая. — Ведь лёд — это не колхозное поле, чтобы на нём пахать. Тут соображать надо. А вот нужной подсказки от легендарного хоккейного специалиста мы и не услышали.

— Значит подсказка такая, — помялся на месте несколько секунд Бобров. — Не маленькие, чтобы вам шаргалками помогать. Третий период нужно провести так, как вы умеете. Шалопаи.

Третий период шалопаи Всеволода Боброва, то есть мы, начали сильно. Но результативно сыграл опять двенадцатый номер Лёша Мишин, который оформил хет-трик, 4: 1.

— Если бы были сейчас в США, то лёд зрители закидали бы кепками, — сказал я Скворцову и Александрову. — Но до нас пока такой обычай не дошёл. Да и кепки нынче стоят почти пятнадцать рубликов, накладно для простого народа ими разбрасываться.

— Играть-то сегодня будем? — Мрачно спросил Скворцов.

— Обязательно, — я похлопал его по плечу. — На входе в зону играем скрест, повторяю специально для «танкистов» из Казахстана.

— Ваша смена, — скомандовал главный тренер Бобров.

Перед вбрасыванием в центральном круге, которое производится всегда после забитого или пропущенного гола, ещё тридцать секунд болельщики не могли успокоиться и горланили «наш новый победный гимн». В итоге московский судья плюнул и вбросил шайбу на лёд, не обращая внимания на песню.

К сожалению, не с первого раза удалось войти в зону атаки, скрест через Александрова опять не сработал, зато через Скворцова я пролетел чужую синюю линию как на гоночной машине и, обозначая атаку на ворота Афонина, укатил ему за спину. И вдруг как из-под земли на отличную ударную позицию выскочил «Малыш». Резкий пас ему прямо в крюк, но Александров и тут решил сыграть по-своему, он замахнулся, выманил на себя вратаря и защитников, и отдал уже на пустые ворота Скворцову. После чего Сашка без труда закатил пятую шайбу, 5: 1.

— Гол! — С такой радостью заорали Скворцов и Александров, как будто мы выиграли чемпионат.

Я же посмеиваясь над молодыми партнёрами, скромно их похлопал крагой по каскам. А чего веселиться? Игра практически сделана. Противник сломлен. Главное сейчас доиграть без травм, Смагина с Ковиным уже выше крыши.

— А ты говоришь, я вам ничего не посоветовал, — улыбнувшись на скамейке запасных Сева Бобров, сказал мне. — Учись, как тренировать надо.

* * *

После матча, который закончился со счётом 6: 2, у «Химика» опять отличился Козин, а у нас Толя Фролов, у служебного входа во дворец спорта, собралась огромная толпа народу. А когда мы появились с клюшками и баулами с хоккейной формой, и стали медленно протискиваться в автобус, пожимая всем встречным руки, народ бодро запел:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький — часть души моей!

Сердце бьётся за победу!

И «Торпедо» с нами всех сильнее!

Глава 19

Есть одна дата в истории СССР, которая для одних не значит ничего, а для других

значит всё — это 28 июля 1957 года, когда в Москве стартовал VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Чем это событие стало для страны, где ещё несколько лет назад даже страшно было чихнуть не на тот портрет? Культурный шок, эмоциональное потрясение и конец света одновременно. Вдруг обнаружилось, что люди из ста тридцати одной страны не кусаются, а наоборот они смеются и с ними даже можно поговорить. И на вопрос: «А ты меня понимать?». Иногда можно было получить ответ: «Ну, чё орёшь, не видишь — я русский?».

Страшное случилось в тот день для рабовладельцев всего мира, ведь они ежедневно запугивали своих бедных рабов тем, что там, за железной занавеской живут ужасные люди, поэтому жри пайку и радуйся, что я вас всех защищаю. А тут в Москве танцы какие-то. Ну а лозунг «За мир и дружбу», под которым прошёл фестиваль, так вообще всё настроение испортил узурпаторам недобитым.

Ну а после фестиваля, кроме новорожденных детишек неожиданного шоколадного загара, в Москве остались гостиница «Украина», гостиничный комплекс «Турист» и песня «Подмосковные вечера». Кстати, тогда же появилась и идея возведения огромного туристического лагеря на Фрунзенском валу для иностранной молодёжи. Но после строительства гостиницы «Юность» в 1961 году, про целый лагерь решили благополучно забыть.

— Для оформления давайте паспорта, товарищи хоккеисты, — сказала приятная женщина за стойкой регистрации гостиницы Юность, куда мы приехали заселяться перед матчем с московским «Динамо».

— А у меня свидетельство о рождении, — протянул картонные корочки администраторше Борис Александров. — Через месяц только паспорт получу.

— Как же вы сегодня играть с «Динамо» будете, если у вас такие дети в команде? — Сильно удивилась работница гостиницы, продемонстрировав тем, что за хоккеем следит.

— Это не ребёнок, — вступился за Бориса Коля Свистухин, — это сын нашего хоккейного полка. В каком-то роде тоже важная боевая единица. А чем вы сегодня вечером занимаетесь? — Улыбнулся Николай довольно симпатичной администраторше.

— Слышь, полковник Свистухин не задерживай очередь! — Рыкнул я, стоя в самом конце колонны игроков. — Сейчас документы сдали и шагом марш в ресторан для принятия пищи. У нас в «Лужниках» игра через четыре часа.

— Видите, что бывает, если человек с девушкой поссорился, — тихо сказал Свистухин работнице гостиницы, протягивая ей паспорт. — А я после игры загляну.

Настроение и в самом деле у меня было паршивым. Вроде и солнечный субботний день, и гостиница приятная, выполненная в светлом и воздушном архитектурном стиле «конструктивизм». Особенно мне понравилось цветное панно с названием «Карта Москвы», что занимало всю стену прямо за стойкой регистрации. Но вчерашний неприятный разговор с «принцессой» Снегирёвой не шёл из головы, поссорились из-за пустяка, но, похоже, по-серьёзному.

* * *

Я заскочил во дворец спорта «Торпедо», чтобы попрощаться с Яной перед выездом в Москву. На льду шла тренировка группы поддержки, но моя подруга, сидя на трибуне, печально смотрела на это весёлое и красочное действие. Естественно я, с лёгкой улыбкой на лице поинтересовался:

— Кто из членов политбюро умер? И когда покажут по телевизору «Лебединое озеро»?

Вот тут мою «принцессу» и понесло. Чего я только не услышал о себе, что я сухой, равнодушный, никого не уважаю, над всем смеюсь, в том числе и над партией!

— И я даже подозреваю, что ты не любишь наш Советский союз, — зло прошептала в заключение большой тирады «принцесса» Яна Снегирёва.

«Ничего! Скоро он у меня в комсомол вступит, — перебивая «принцессу» затараторил голос в голове. — Я его быстро перекую из лоботряса в достойного члена общества!»

— Сильная речь, но откуда такие выводы? — Спросил я, теряясь в догадках.

— Мне всё уже рассказали, — топнула ножкой «принцесса». — Видели тебя, как ты вон с теми фигуристками общался у себя в «Зелёном городе». Особенно с этой белобрысой, с Женей! И не отрицай и слушать ничего не хочу!

— Общались, конечно, когда котов вместе кормили, — пролепетал я.

— Вместе! — Снегирёва так громко взвизгнула, что девчонки, тренировавшиеся на льду, испугано остановились.

— Привет участникам соревнований! — Крикнул я им, помахав рукой, и молча пошёл на выход. Кого-кого, а истеричных барышень мои нервы никогда не выдерживали.

* * *

И хорошо, что Сева Бобров, лишь только мы сегодня прилетели в Москву, взвалил на меня ответственность за всю команду «шалобаев», перед тем как прямо из аэропорта «Домодедово» поехать к семье, по которой очень соскучился.

— Я бы Иван и второму тренеру Чистовскому доверил коллектив, — шепнул мне Всеволод Михалыч. — Но тебя они побаиваются, с тобой не забалуешь.

— На игру не опоздайте, — пробурчал я. — Ещё краснеть за вас придётся.

Бобров хотел было что-то в ответ съязвить, но не найдя что, побежал на такси. А чтобы наш главный тренер побольше побыл с родными, всей команде объявили — завтрашнее воскресенье, мало того что будет выходным, но мы его проведём в столице СССР. В Горький же улетаем только в понедельник утром.

Ресторан гостиницы «Юность», куда мы пришли подкрепиться после перелёта, нужно сказать, значительно отличался от нашей заводской столовой. В помещении были огромные панорамные окна, стояли декорированные колонны с какими-то африканскими узорами, а встроенные светильники на потолке придавали дополнительный объём, всё это хоть чуть-чуть, но поднимало настроение. Я даже невольно залюбовался видом, который открывался из окна ресторана. Прямо перед нами пробегала железная дорога, за ней виднелась чаша стадиона «Лужники», а ещё дальше в дымке главное здание МГУ.

За один столки со мной тут же сели Ковин, Скворцов и Александров. После прошлой игры с «Химиком», три дня назад, между юношами пролетела не то чтобы искра неприязни, скорее легла тень некой спортивной ревности. Так как парней трое, а для моей тройки нападения на фланги нужно всего двоих. Особенно Вова Ковин очень переживал, а вдруг пока он лечит ушиб, новичок Александров вытеснит его из основного состава? Я же пытался гасить назревающий конфликт на корню.

— Вы поймите «пионеры», — втолковывал им я, поглощая спагетти с курицей. — Года через два, когда вы немного заматереее, может быть, сами окажетесь в одной тройке нападения. У тебя Володя, — говорил я Ковину, — хорошие задатки для центра. Ну а вы, Александров и Скворцов, типичные фланговые игроки, и не без потенциала. Поэтому дружить надо, а не враждовать.

— Ага, через два года, — ворчал Сашка Скворцов, ловко орудуя вилкой. — Играть-то

всем хочется сейчас. Вас кстати, через эти два года в ЦСКА перетащат или в «Динамо».

— Да и Михалыч нас тренировать вряд ли останется, — в тон другу загундел Вова Ковин, которого захотелось шлёпнуть по макушке, чтоб он не чавкал.

— Ну-ка цыц я сказал, — я грозно глянул на молодёжь. — Хоккей — это мужской вид спорта, и в нём, даже если кого-нибудь куда-нибудь перетащат, всё равно нужно выходить и побеждать. То, что Сева Бобров уедет после этого сезона, я даже не сомневаюсь. Он птица высокого полёта. Поэтому у нас в команде есть второй тренер Игорь Чистовский, который должен за этот год всему научиться. «Малыш» поел? — Спросил я Александрова и встал из-за стола. — На приём пищи даю ещё пять минут! — Громко объявил я всем хоккеистам, напугав этим других постояльцев гостиницы. — Спокойно товарищи интуристы и гости столицы. Бон аппетит!

* * *

На раскатке перед началом матча, которую традиционно выполняет каждая команда на своей половине поля, я карем глаза наблюдал за хоккеистами «Динамо», которые тоже искоса поглядывали на меня. Не знаю, что им «напели» армейцы, но как-то особенно напряженно меня разглядывал наш земляк из Горького, защитник москвичей Валерий Васильев. Ростом пониже меня, но чувствовалась в нём настоящая мужская мощь. И я в очередной раз проезжая около красной центральной линии поднял правой рукой клюшку вверх, тем самым приветствуя ледового рыцаря конька и шайбы. Васильев в ответ тоже улыбнулся буквально самыми уголками рта.

— Тафгай! — Услышал я от борта крик Боброва, который подзывал меня к себе.

Всё же опоздал Всеволод Михалыч на предматчевую установку, и вроде пробок в Москве пока не предвидится. Странно. И сейчас прямо перед стартовым свистком Сева решил исправиться. Я резко затормозил около тренера и заглянул в бумажку, что была у него в руке.

— Кого думаешь лучше выпустить против первой пятёрки «Динамо», где Мальцев с Васильевым играют? — Спросил Сева.

— Да я как вы, — улыбнулся я. — Но пока Смагин лечится, сдерживающая пятёрка Свистухина не готова биться против Мальцева и компании.

— Значит, выставим против лучшей пятёрки «Динамо» нашу первую пятёрку Федотова, — удовлетворённо кивнул Сева. — С «Малышом» что делать?

— Пусть в пятёрке Свистухина на несколько смен выходит вместо Доброхотова. Мне пока с Ковиным и Скворцовым проще.

— Ладненько, — кивнул Бобров, записывая для себя очередность замен.

Начало игры, на которую во дворец спорта «Лужники» собралось всего пять тысяч человек, если диктор по стадиону нам не соврал, особой бури эмоций не вызвало. Мы грамотно душили противника в средней зоне. На скамейке запасных «Динамо» ощутимо нервничал тренер Аркадий Чернышёв, который по совместительству ещё являлся главным и самым успешным тренером сборной СССР. Ну, ещё бы Аркадию Иванычу было не волноваться, ведь у москвичей сейчас 5 игр, 3 победы, 1 ничья и 1 поражение и всего 7 очков. У нас, у «Торпедо», 4 победы и 8 очков. Проиграй он, и отставание сильно вырастит. А на трибуне сидят генералы МВД, его непосредственные начальники.

И мы на льду немного суетились, хотелось показать себя перед главным тренером сборной СССР, но из-за чрезмерного желания рос лишь один процент брака. В одной из атак, где-то на десятой минуте, я тоже решил покрасоваться. Дай думаю, удивлю слаломным

дриблингом Чернышёва. Ну и удивил. Против нашей тройки в «Динамо» выходили на лёд Шилов, Юрзинов и Репс. Вот я Шилова первым и обвёл, дальше обманул Юрзинова, а потом чувствую, куда-то лечу, а понять — куда не могу? И самое главное чего это меня в небо потянуло, я ведь высоты боюсь? А когда на лёд грохнулся под хохот и свист проснувшихся зрителей, смотрю, Валера Васильев улыбается и ручкой в хоккейной краге так нагло машет. Землячок, мать твою!

— Скворец, в следующей смене, — отдышавшись, сказал я на скамейке запасных, — сейчас это сделаем...

— Да понял я, — подмигнул мне Сашка Скворцов, — я закину шайбу в левое закругление площадки, а дальше посмотрю.

— Точно, отвендеттим товарища Васильева, — кивнул я и тут же за моей спиной вырос Бобров и шепнул:

— Хорошо летаешь, не ожидал.

— Во всём с вас пример беру, Всеволод Михалыч, — улыбнулся я главному тренеру. — Вы же как раз за военных лётчиков играли.

— Кхе, — крикнул Сева. — А голы ты сегодня забивать собираешься?

— Так я ещё и голы должен забивать? — Я сделал большие выпученные глаза. — Что ж вы меня не предупредили раньше, на предматчевой установке, на которую вы не пришли.

На скамейке, все кто там был, давась от смеху, сразу опустили головы вниз, чтобы не запылиться.

— Кхе, — ещё громче кашлянул Всеволод Михалыч. — Всех касается, голы нужно забивать. Иначе забьют нам.

«Голы вам подавайте товарищ Бобров, — думал я, про себя выскакивая через минуту на лёд. — Перетопчетесь пока Всеволод Михалыч! У меня к Васильеву долгище на круглую сумму в конвертируемой валюте».

— Скворец, давай! — Гаркнул я, разгоняюсь, как пригородная электричка.

Сашке, за что его ценю, два раза повторять не надо, башковитый, в мгновение бросил навесом в левое закругление шайбу, к которой первым приехал Валерий Васильев, а я вторым. Но всё же перед самой стыковкой, скорость сбросил, не хватало ещё покалечить лучшего защитника в СССР. Поэтому борта затрещали, но удар выдержали. Народ на трибунах просто подпрыгнул, и забился в экстазе.

«Где Валера? — крутанул я головой, так как меня тоже хорошо потрянуло. — О, сидит клюшку потерял. Ищет. Ничего клюшка не носки, найдешь!»

— Пас, Тафгай! — Крикнул накатывающий по самому центру на ворота «Динамо» Вова Ковин.

«Пас? Ты мне лучше скажи, где шайба? — я опустил голову, а она родненькая прямо на крюке моей длиннющей клюшки покоится, ждёт команды. — Лети родная!» И резкая кистевая передача пошла автоматически, не глядя, на звук режущего лёд партнёра по тройке нападения. Вратарь москвичей Саша Пашков, попытался своей нестандартной «гитарой» передачу прервать, но промахнулся. Поэтому Ковин с пятака вколотил шайбу в пустые ничем незащищённые ворота.

— Гооол! — Хрипло заголосили игроки с нашей скамейки запасных.

А где-то на зрительских местах я расслышал, как кто-то попытался пропеть, что вместе мы с тобой «Торпедо», но отчаянному болельщику этого сделать до конца не удалось. «Не на ту трибуна сел, бедолага», — подумал я, поздравляя Ковина, Скворцова, Гордеева и

Куликова, всю свою вторую пятёрку.

— Всеми учить вас надо, — улыбался Бобров, встречая нас на скамейке запасных. — Я же говорю, что голы пора забивать, молодцы — прислушались.

— Сейчас Свистухин ещё банку заколотит, — брякнул я, усаживаясь передохнуть и вытереть полотенцем заливающий лицо пот. — Вы ему только подскажите как.

— Чё сразу Свистухин, только и слышно целыми днями, — обиженно покотил на вбрасывание центральный нападающий третьей пятёрки.

— Николай, я в тебя верю, — Бобров показал хоккеисту знак «Но пасаран», а так же выпустил в первый раз в игре нашего молодого новобранца, Борю Александрова.

Однако вбрасывание третья пятёрка проиграла. Но используя, наш любимый «Волжский замок» через десять секунд вернула шайбу себе. Правда, Свистухин, тут же подарил её обратно, сделав неудачный пас на Женю Шигонцева. И тут внезапно юркий Александров обокрал нападающего «Динамо» и сам полетел в атаку. Мы на скамейке запасных разом встали, ведь молоденький паренёк накрутил сразу двоих защитников и выскочил по самому центру на ворота Пашкова. Лично я такое видел на видео в исполнении Харламова в 1974 году в игре против канадской сборной ВХА. Даже болельщики москвичей на трибунах охнули. Но заключительный бросок у Бори Александрова срезался, а Пашков неудачно отбил шайбу в поле перед собой. И тут как тут нарисовался фартовый Коля Свистухин и добил шайбу в ворота, аккуратно перекинув лежащего на льду Пашкова, 0: 2.

— Да! — Крикнул я. — Свистухин сила!

— Гооол! — Заголосили остальные игроки «Торпедо».

— Понял, Тафгаев, как тренировать надо, — похлопал меня по плечу довольный до ушей Бобров.

— Раз в игре и Коля стреляет, — пробурчал я.

* * *

Во втором периоде ничего интересного не произошло, кроме того, что играя в большинстве, динамовцы отыграли одну шайбу. С передачи Владимира Юрзинова отличился Юрий Репс. А вот когда в начале третьего периода, буквально на первой минуте сольным проходом блеснул Саша Мальцев и сравнял счёт 2: 2, началась самая жара. Ленинградские судьи Кириллов и Быстров выпустили нити игры из рук, и на площадке то тут, то там стали вспыхивать потасовки.

В одной из них я «случайно» разбил нос Володе Юрзинову, в будущем прекрасному тренеру и теоретику, который очень сильно помог развитию хоккея в Финляндии. Но в данной игровой ситуации он повёл себя некрасиво. Сначала налетел с криком «я тебе покажу» носом на мой кулак, а затем побежал показывать свой «расквашенный пельмень» судьё. Чё судьи не видели никогда, как кровь на свитер капает? И впечатлительные ленинградские рефери впаяли мне две минуты.

— Я ещё с тобой поговорю, — угрожающе прошипел Валера Васильев, проезжая мимо.

— Хоть в личку пиши, хоть в «Контакт», банить не буду, — крикнул я, когда меня один судья сопровождал на скамейку оштрафованных.

— За контакт сейчас ответишь! — Рывкнул Васильев и полетел на меня, но его второй товарищ в полосатом свитере успел перехватить.

— Аватарку сделай попроще, люди пугаются! — Добавил я, усаживаясь отбывать двухминутное наказание.

— А чё он аватаркой обзывается, — пожаловался защитник «Динамо».

К сожалению, для меня, в меньшинстве играя в четыре полевых игрока против пятерых москвичей, вновь не удалось выстоять. Первую минуту от пятёрки Мальцева отбились показательно, а когда вышла на лёд вторая пятёрка Юрзинова, то Виктор Шилов с передачи Юрия Репса вывел бело-голубых вперед, 3: 2.

— Шайбу! Шайбу! — Завелись болельщики «Динамо», почувствовав близость желанной победы.

И как назло, на 49-ой минуте, перед самой сменой ворот, Мальцев убежал в контратаку и разыграл двоечку с Толей Мотовиловым. Мотовилов увеличил разницу в счёте до двух шайб, 4: 2.

— Суши вёсла Горький! — Засвистели весёлые трибуны. — Приплыли!

Странное правило, смена ворот в третьем периоде, которое я не помнил когда отменят, дало возможность нам двадцать секунд поговорить перед последними десятью минутами чистого игрового времени.

— Играли сегодня не плохо, — тяжело вздохнул Бобров. — Но за неплохо очков не начисляют. Сами решайте, как проведёте остаток встречи.

Всеволод Михалыч демонстративно отошёл от нас на край скамейки запасных.

— Слушай сюда! — Зло выпалил я и встал. — Можно выиграть так, что за игру будет стыдно, а можно и проиграть, но потом будет, что вспомнить! Мы же сегодня и позорно проиграем, и опозоримся, и Михалыча подведём, — я кивнул в сторону Боброва. — Первая пятёрка Федотова против пятёрки Мальцева провалилась. Потом разберёмся почему. Сейчас первыми на лёд пойдём я, и отряд «пионеров» Вали Котика. Затем Федотов с комсомольцами, и последними пан Свистухин с кабачком «13 стульев».

— Опять Свистухин то, Свистухин сё, — обиженно забубнил себе под нос центральный нападающий, под тихий хохот товарищей по команде.

— У меня плечо болит, — поднял руку перед самым выходом на лёд Володя Ковин.

— Ребро сломал? — Спросил друга Сашка Скворцов.

— Может ребро, — ответил я за Ковина. — Может аппендицит, а может и гланды, вскрытие покажет. Молодец, что признался, — похвалил я Володю. — «Малыш» за мной!

Я въехал в центральный круг вбрасывания и на меня удивлённо вытаращился Саша Мальцев, центр нападения первой динамовской пятёрки, который ожидал здесь увидеть Федотова.

— Который час? — Спросил я Мальцева, выигрывая ничейную шайбу, пока он искал часы поверх хоккейной перчатки.

Контроль шайбы, когда играешь против таких мастеров как Мальцев, которые любят атаковать и не очень хорошо обороняются — это основная часть плана по нейтрализации ударной силы москвичей. Но нам за десять минут до конца матча этого мало, поэтому попередавав шайбу около нашей синей линии, я повёл «пионеров» в атаку.

— «Малыш» накрывают! Сыграй через защиту! — Успел скомандовать и после цепануть плечом Сашу Мальцева.

Александров и сам понял, что лучше обыгаться с Гордеевым, который на пару с Куликовым стали нашими постоянными партнёрами по второй пятёрке «Торпедо». Гордей перевёл на Кулика, а тот по правому борту на Скворцова.

— На ход! Дай! — Гаркнул я и ещё раз плечом врезал Мальцеву.

Нет, против такого «танка» как я, «Есенину русского хоккея», именно так назвал Сашу Мальцева Анатолий Тарасов, забыв, что мы играем в хоккей канадский, то есть в хоккей с

шайбой, тягаться совсем не весело. Скажу даже больше, получив от меня второй раз по корпусу, Саша смотрел с грустью на то, как я улепётываю к их воротам.

На входе в зону атаки меня встретил динамовский ветеран Виталий Давыдов. Защитник скромных габаритов, но очень умный и хорошо читающий игру. Поэтому я пошёл напролом, ведь умные, таких дураков как я должны пропускать. Но при этом оставил шайбу себе за спину на накатывающего следом Скворцова, тактический приём «паровозик».

И пока я заталкивал Давыдова на пятак ворот их голкипера Пашкова. Скворец прочертил диагональ на левый борт Александрову, а «Малыш», уйдя от силового приёма защитника Валеры Васильева, прострелил на дальнюю штангу. Всё что мне оставалось сделать — это отталкивая Давыдова, не промахнуться с лёту по скачущей по льду шайбе. Щелчок и красный фонарь весело загорелся за воротами Пашкова, 4: 3.

— Виталий Семёныч, я тебя не сильно помял? — Спросил я Давыдова.

— Иди на х... — бросил обиженно защитник бело-голубых.

— Пока не прощаюсь, — улыбнулся я, скромно поздравив своих одноклубников, так как радоваться пока ещё было рано.

После забитой шайбы на льду пошла совсем другая игра. Инициатива полностью перешла в наши руки. Мы лезли на ворота, а «Динамо» когда хаотично, а когда и вполне прилично отбивалось. На скамейке запасных оживился и Всеволод Михалыч.

— Поднажмите мужики, нужно ещё забить, — приговаривал он, прохаживаясь за нашими спинами. — Давай Тафгай на смену! — Подтолкнул он меня в очередной раз примерно минуты за три до конца.

«Удачная диспозиция, — подумал я, перелезая через борт. — Вбрасывание в зоне атаки, в левом кругу».

— Кулик, — сказал я нашему правому защитнику, прикрыв рукой рот. — Сейчас я полезу на пятак, «Малыш» уйдёт налево, а Скворец укатится за ворота, смело подключайся в атаку по своему правому краю.

— А если обрежут? — Почесал хоккейную каску Куликов.

— Гордеев пусть страхует, ему за это на заводе деньги платят, — махнул я рукой и поехал на точку, где на меня уже печально посматривал Саша Мальцев.

«Спрашивается — это сколько нужно было принять на грудь, чтобы Мальцева, великолепного крайнего нападающего, с его скромными габаритами, запузырить в центр? — улыбался я Александру. — Ну, не я наливал, не мне судить».

Ленинградский судья бросил шайбу на лед, и я очень быстро откинул её назад Куликову, а тот запустил её, наоборот вперёд, катнув по правому борту. Скоростной и маневренный Скворцов, как я и предполагал, завладел шайбой уже за воротами Пашкова. Я же, врезав Мальцеву, попёр на пятак, драться. А тут у меня собрались все хорошие знакомые: Валера Васильев, Виталий Давыдов и ещё Саша Мальцев обиженно в спину клюшечкой тычет. Не знаю, чего они так перепугались, шайбы-то у меня нет. Потому что в этот самый момент справа подкрался защитник Куликов и с передачи Скворцова расстрелял пустой угол динамовских ворот, 4: 4.

— Да! — Заорал Куликов, забив первую шайбу в сезоне.

— Гооол! — Поддержала его остальная команда.

Пятнадцать секунд не могли Куликова успокоить, пока он со всей скамейкой не переобнимался не уселся перевести дух, ведь Сева Бобров тут же сообщил, что наша пятёрка сейчас выходит через смену, сразу после комсомольцев Федотова.

— Поплыло «Динамо», — похлопал меня по плечу главный тренер.

— Куда, Михалыч? В Кругосветку? — Спросил я. — Тоже хочу посмотреть на Стамбул, город контрастов.

— Иди ты, — махнул рукой Бобров, — на лёд. Две минуты осталось, смотри там не обделайтесь.

— Умеешь ты, Михалыч, подбодрить хорошим словом, — пробубнил я, выкатываясь в поле.

Кстати, динамовский наставник Аркадий Чернышёв тоже решил доигрывать матч в две первые пятёрки, поэтому я радовался до ушей, видя перед собой Мальцева и его уставших компаньонов. Но начальные двадцать секунд на льду мы ковырялись в средней зоне, и лишь за полторы минуты до конца игры опять подобрались к воротам Пашкова.

Боря Александров, «Мальш», сыграл хорошо индивидуально и по своему левому краю вкатился в зону атаки. И тут на него, как лев бросился защитник бело-голубых Васильев и припечатал в борт. Не смертельно конечно, без членовредительства, но Александров вдруг психанул и врезал Васильеву прямо в пятак, а потом ещё накинуд пару раз. Валера, не ожидав такой наглости от юниора, сначала остолбенел, а затем тоже шмякнул «Мальша» по загривку, и вообще стал метелить его как курёнка.

Секунды три мне понадобилось, чтобы раскидав зря встававших на моём пути динамовцев, добраться до драчунов.левой рукой я оттолкнул Александра в сторону, а правой прижал Васильева к борту. За что Валера мне звизданул по уху. В голове зазвенело и я быстро, пока не зазвенело второй раз, ухватил уже свободной левой рукой защитника обиженных динамовцев за грудки и вытянул в поле.

— Мочи тридцатку! — Заголосил народ на трибунах, «встав на уши». — Бей первым «Васька»!

Ленинградские судьи Кириллов и Быстров тут же кинулись нас разнимать. Но пока они соображали, пока ехали, за несколько секунд я так накидал Валере по правому глазу, что синяк к вечеру будет и светить, и отсвечивать. А вот в ответ Васильев меня достать уже не смог, так как руки мои длиннее, и за хоккейный свитер держу его я, а не он меня. Хоккейная драка — это же не бокс, у неё свои законы.

«Хватит, пожалуй», — решил я и повалил Валеру на лёд, резко дёрнув того вниз. И лишь потом обратил внимание, что на моей спине висит, как колорадский жук на листе картошки, ленинградский судья Быстров, который меня отправил на скамейку штрафников. До кучи туда поехал и Боря Александров, а вот у «Динамо» покатился отдыхать один Валера Васильев.

— Вот теперь у тебя Валера аватарка что надо! — Крикнул я со своего места. — Зачётная, хоть сейчас на сайт знакомств! Ищу красивую и работающую москвичку с жилплощадью, рядом с метро, центр!

— Расшибу сука! — Ответил мне коротко Васильев, погрозив кулаком.

— Смех смехом, а ничья-то может и ускользнуть, — сказал я «Мальшу», с которым решил побеседовать попозже, и, подскочив с лавки, гаркнул. — Сергеич! Покажи класс!

— Виктор Сергеич держите! — Крикнул вратарю Коноваленко, вставший рядом и Боря Александров.

Тридцать секунд в нашей зоне творился настоящий ад, за время которого Виктор Коноваленко показал, что он вратарь экстра-класса, элита. Потащил четыре броска в упор, прежде чем Фёдорову удалось выбросить шайбу из зоны.

— Ух! — рухнул я обратно на скамейку, когда прозвучала финальная сирена и наша команда вывалилась на лёд поздравить вратаря с выстраданной ничьей. — Любой хоккеист за игру теряет два килограмма живого веса, и только я три. Знаешь почему? — Глянул я на дерзкого «Мальша». — Потому что дополнительно теряю килограмм нервных клеток. В гостинице поговорим.

Глава 20

Вечером в номере гостиницы «Юность», в который мы заселились ещё днём с Борей Александровым, разговор о неправильном поведении юниора на игре не состоялся. Я хотел, конечно, юному гению прорыва, как выразился после битвы с «Динамо» Всеволод Боров, открутить одно ухо, и для этого ждал подходящего момента и настроения. Но вовремя в номер постучал Коноваленко.

— Иван, — сказал разодетый по последней московской моде Виктор Сергеевич, — одевайся, помощь твоя нужна. Съездим сейчас на полчаса, поговорим в одно место.

— Если разговор на полчаса в одном месте, то чего ты так вырядился? Пиджачок импортный, брючки маде ин ненаши, — я встал с кровати, где отлёживался после ужина, и расправил плечи. — На такие разговоры нужно напяливать что похуже.

— И я с вами, — подскочил Александров.

— Не, не, не, — покачал я головой. — Детям пора спать, завтра выходной, готовься, сходим с тобой в зоопарк, в детский мир, куплю тебе железную дорогу. Будешь запускать по ней поезд и нервы успокаивать.

«И к мавзолею Ленина на Красную площадь», — добавил голос в голове.

— И в ЦУМ, мне костюм новый нужен, — закапризничал «Мальш».

— Хоть в ГУМ, — согласился я. — Так чего напяливать? — Спросил я уже у вратаря Коноваленко.

Виктор Сергеевич вошёл в наш скромный двухместный номер, открыл шкаф и с лицом полного омерзения посмотрел на то, что висело на вешалках внутри.

— Сергеич, не у себя дома, костюм мой не нравится? — Хмыкнул я. — Тогда внизу в паркетe носки не стиранные, нюхни, бодрит.

— ГШФ, — недовольно пророкотал Коноваленко, вынув из шкафа единственный мой костюм. — Горьковская швейная фабрика № 4. Надевай, пока сойдет и так.

— Вещизм, заикленность на материальной стороне бытия — не лучшая черта советского хоккеиста, — сказал я, скидывая с себя синий спортивный костюм, чтобы облачиться в неказистое изделие отечественной лёгкой промышленности, которое лично меня несколько не смущало.

* * *

Смутные догадки того, куда мы едем с вратарём, стали возникать тогда, когда московское такси стало притормаживать на Кремлёвской набережной около самой крупной гостиницы в Мире. По крайней мере, в 1970 году именно «Россия» была занесена в Книгу рекордов Гиннеса, а не какой-то иной отель.

— Колись Сергеич, куда ведёшь? — Я легонько толкнул компаньона-заговорщика в плечо. — Если по девочкам, то кто обещал помнить клятву верности жене?

— Ну, ты Тафагай и балаболка! — Обиделся Коноваленко, когда мы вылезли из такси и двинули на крыльцо гостиницы. — По девочкам, б...ь. Познакомить тебя кое с кем хочу. Потерпеть минуту не можешь.

В вестибюле на первом этаже, где мы сдали верхнюю одежду сразу, что мне не

понравилось, было непривычно накурено. Смолили здесь, не стесняясь общественного порицания, все, и мужики в хороших костюмах, и женщины в хороших платьях, юбках, блузках и жакетах. А судя по доносящимся звукам музыки живого музыкального оркестра со второго этажа, ресторан «Россия» находился именно там.

— Напоминаю товарищи, ресторан работает до 23-ёх часов, — сказал строгий вахтёр, с неприязнью посмотрев на мой горьковский серый в елочку выходной костюм.

— А если здесь гуляет дипломат из дружественной капиталистической страны, где ночные заведения работают как им и полагается до утра? Что тогда, Дядя? — Спросил я наглого работника гостиницы. — Не боитесь нарваться на дипломатический конфликт и уронить высокую честь советской индустрии развлечений? Или вам на честь страны начхать?

— Не хулиганьте, — уже менее нагло ответил вахтёр.

— Ой, довыёживаешься ты дядя, — я погрозил неприятному мужику пальцем. — Пан Коновалевски показывайте, где вам тут ещё не понравилось! Сегодня работаете до 23-ёх 30-ти, и это не я придумал, а там, — я кивнул в сторону Кремля, который ещё в 14-ом веке воткнул здесь по соседству Иван Калита.

И я с Коноваленко исполненный королевским достоинством, пока вахтёр скрипел извилинами, соображая, а вдруг на самом деле что-то подкрутили с расписание работы ресторана, проследовал по бетонным ступень навверх.

— Довыёживаешься ты, Тафгаев, когда-нибудь, — пробубнил Сергеич, еле сдерживая смех.

Первое, что бросилось в глаза внутри увеселительного заведения — это высокие колоны, которые были покрыты каким-то позолоченным материалом. Толпа народу, дойдя до кондиции, в центре ресторан около невысокой двухступенчатой сцены уже бодро отплясывала. А музыканты в синих концертных костюмах с бабочками лабали задорный мотив шлягера номер один этого 1971 года «Увезу тебя я в тундру», который первым исполнил дуэт Льва Полосина и Бориса Кузнецова:

Увезу тебя я в тундру, и тогда поймешь ты вдруг,

Почему к себе так манит и зовет полярный круг.

Ничего, что здесь метели, не беда, что холода,

Если ты полюбишь север, не разлюбишь никогда...

— Вот знакомься, — Виктор Коноваленко провел меня к столику у стены за лестницей, ведущей на балкон, где тоже сейчас отдыхал народ.

— Знакомы уже, — прокашлялся я, так как на меня смотрело три пары примелькавшихся глаз, Мальцева, Васильева и Харламова. Правда, если быть точнее, две с половиной пары, так как Валерий Васильев левым глазом смотреть не мог из-за хорошего сочного синяка.

— Садись, поговорим, — отодвинул один стул Саша Мальцев.

— Давай Малец ему врежем и разговаривать не надо будет, — предложил зло поглядывающий на меня одноглазый Валерий Васильев.

— Если вы сейчас хотя бы рыпнитесь, — я сжал кулаки, — то я вашими костюмчиками заграничными весь пол здесь оботру. А тебе Васёк второй глаз закрою.

Васильев цокнул языком и отхлебнул из фужера советскую газированную полусладкую шипучку.

— И мне плесни «пшика», — подставил пустой фужер Саша Мальцев.

— Не надо ссориться, мужики, не на льду, — улыбнулся Валерий Харламов. — Присаживайся Тафгай, выпьем шампанского.

Жуткое «Советское шампанское», которое я и в прошлой жизни в будущем терпеть не мог, не полезло в меня и в этом времени. И я, под усмешки хоккеистов, налёг на отварную рыбу, запивая её минералкой, а Коноваленко же медленно потягивал один единственный бокал с советской алкогольной газировкой. Сначала, после символического примирения, мы принялись обсуждать все последние хоккейные новости. Харламов рассказал, что у Тарасова после игры с нами появилось новое упражнение — «бей Тафгая», а Владу Третьяку он сейчас просто продохнуть не даёт. Мальцев тоже пожаловался, что из-за меня, нехорошего, ему главный тренер за концовку игры сильно напихал, а потом побежал звонить председателю КГБ СССР Юрию Андропову, так что мне больше одного сезона в Горьком отыграть не дадут.

— Ты чего батя молчишь? — Васильев приобнял нашего легендарного вратаря. — У тебя можно сказать вторая молодость открылась, — хохотнул он. — Как ты сегодня в конце в одиночку отбился? Давно такого не видел.

— А я сейчас скажу, — пророкотал низким бархатистым голосом Виктор. — Я уже несколько дней всё хожу, всё думаю.

— Чего тут думать, наливай да пей, — заулыбался Саша Мальцев, который в компании был заводилой и неформальным лидером.

— А не можешь, воздержись, — добавил Валера Харламов и ребята захохотали.

— Вот я чего думаю, — как будто на что-то решился наш ветеран. — Вы слышали, что в сентябре следующего 72-го года наша сборная будет играть серию с канадскими профессионалами?

— С настоящими? — Еле сдерживая гогот, уточнил Мальцев.

— И сборную повезёт играть за океан Сева Бобров, — продолжил, игнорируя смешки Коноваленко.

— Тараса с Аркашей снимут что ли? — Оживился, криво усмехнувшись, Васильев.

— Да, на чемпионате мира в Праге, команду уже будет тренировать Бобров и Пучков, — кивнул голкипер. — А меня ни на Олимпиаду, ни на чемпионат, ни на суперсерию не возьмут. Мне же всего тридцать три, и я своё место в сборной никому не уступлю. Я ещё семь лет спокойно могу в рамке стоять, а может и больше. Шлем у меня новый, щитки новые, защиту на тело скоро новую сделают, технику игры новую осваиваю. И с этим делом я завязал, потому что долго играть хочу. — Коноваленко ткнул в фужер с шампанским и демонстративно отодвинул его от себя.

— Сергеич, с чего ты взял, что с профессионалами играть будем? — Харламов единственный из компании кто серьёзно заинтересовался этой темой.

— Вон у него спросите, — вратарь кивнул в мою сторону.

«Вавилонская башня, всемирный потоп и тридцать недобитых спартанцев! Что ж ты Сергеич творишь! — пронеслось в голове. — Ладно, всё равно ничему не поверят, молодые ещё, зелёные».

Компания легенд советского спорта разом уставилась на меня. Я сначала глотнул минералочки и выразительно прокашлялся, как лектор, которому своя эта лекция осточертела.

— Могу, как легендарный Нострадамус предсказать историю развития отечественного хоккея до 1984 года, — я ещё раз задумался говорить или не говорить, но решился ничего не

угаивать. — В том году в декабре состоится прощальный хоккейный матч СССР против сборной Европы, и на нём проводят на пенсию тебя, Мальцев, тебя, Васильев, и ещё Владика Третьяка.

— А меня? — Подпрыгнул на стуле Харламов.

— Тебе что, на пенсию в тридцать пять захотелось? — Засмеялся Мальцев. — Ерунда. Будущего никто знать не может.

— Мне тогда будет уже тридцать шесть, — как будто почувствовав что-то нехорошее, пробормотал Валерий Харламов. — Может, я в Испанию уеду доигрывать? А, Иван?

«Сука! Вот что я должен ответить человеку, который после того, как Виктор Васильевич Тихонов не возьмёт его на Кубок Канады в 1981 году, погибнет вместе с женой в жуткой автомобильной аварии?»

— Будущее, Валера, может ещё и измениться. Это я тебе гарантирую, — я грустно улыбнулся. — Знаете, мужики, какое у меня есть предложение? Выигрываем Кубок Канады в 81 году и все одновременно здесь в СССР вешаем коньки на гвоздь и едем доигрывать в Испанию. К тому времени уже разрешат в Кремле на старость лет там, за бугром, немного валюты хоккеистам подзарабатывать.

— Какой кубок выигрываем? Канады? — Вдруг переспросил Васильев, который на том памятном турнире станет капитаном сборной.

— Да, — я почесал затылок. — Организуют такое соревнование по инициативе НХЛ для всех сильнейших игроков планеты в 1976 году. Кстати, обязательно нужно будет первый розыгрыш забрать себе, а Канада перетопчется. Так на чём я остановился?

— На 81-ом году, — поёрзал на месте от нетерпения Харламов.

— Едем доигрывать в Испанию, — я стал загибать пальцы. — Принимаем испанское подданство, далее со сборной Испании пробиваемся на Олимпийские игры 1984 года в Сараево. Есть такой городок в Югославии. И в финальном турнире завоёвываем призовое место. Вот это и будет настоящий прощальный матч для всех для нас.

Что я в этот момент прочитал на лицах ребят? Мальцев — усмешка и недоверие, Харламов — хоть сейчас готов в Испанию, Васильев — по одному целому глазу не разобрать.

— А меня старика вы тоже с собой берёте? — Вдруг невесело спросил Коноваленко. — Мне в 84-ом году будет, — задумался он. — Больше сорока пяти лет.

— Сергеич, — я хлопнул его по плечу, — запомни. В сорок пять — вратарь ягодка опять!

И вся компания согнулась «в три погибели» от смеха. Даже Валера Васильев одним глазом прослезился.

— Ерунда всё, ничего не получится, — отсмеявшись, заявил временно одноглазый динамовский защитник. — Вот смотрите. Центр у нас есть — это Тафгай. Крайки тоже имеются — Харлам и Малец. Батя, допустим, на воротах, если весь песок не рассыплет. А кто в защите пахать будет кроме меня? Кто под шайбу ляжет, я вас хочу спросить?

— Давайте пойдём логическим путём, — предложил я. — Двое игроков из «Торпедо», двое из «Динамо», значит, нужен ещё один из ЦСКА. Защитника Сашу Гусева возьмём только вы ему пока не говорите, чтобы он раньше времени не обрадовался.

— Годится, — согласился Харламов. — Мы с Сашкой за Чебаркуль ещё успели поиграть, надёжный парень, бросок, что надо, наш человек.

— И Севу Боброва возьмём тренером, — добавил Коноваленко. — Нужно же чтоб кто-

нибудь и испанцев научил играть. А то дай волю Тафгаеву он там всех перекалечит, прежде чем они на коньки встанут.

— Хорошая мысль. Предлагаю за это дело выпить минералочки, — я встал из-за стола. — Потому что с этим делом, — я хлопнул себя пальцами по горлу, — мы до 84-го года не доедем. Мне тогда уже будет тридцать восемь и если не режимить, то организм сам развалится к едреней фене. Ну, вздрогнули!

* * *

Вроде и не пил вчера, а такую ахинею наговорил, корил я себя на следующий день, в воскресенье 17 октября, когда мы с Борей Александровым гуляли по московскому ЦУМу. Ничего, пройдёт несколько месяцев, впереди турнир «Приз Известий», Олимпиада в японском Саппоро, в чемпионате тоже свои игры и очки, и весь вчерашний разговор обернётся просто невинной шуткой.

Вот Сергеич только, не на шутку разошёлся, поклялся, что пахать будет до седьмого пота и новый вратарский стиль «Баттерфляй» доведёт до полного совершенства, чтобы завоевать медали на Олимпиаде 1984 года.

Харламов расчувствовался, говорил, что у него в Испании родня богатая, обещал всем получение испанского гражданства организовать без проблем. Вот только сначала все за сборную СССР надо выиграть, а потом уже ехать туда к морю.

Мальцев с Васильевым всё больше посмеивались и ни одному моему слову не поверили. Я бы тоже на их месте не поверил. И вообще нужно жить в настоящем, а будущее держать, как примерный ориентир куда двигаться и развиваться. Ведь далёко не уйдешь, если не смотреть себе под ноги.

— Смотри под ноги! — Я ухватил Александрова за шиворот, который чуть не влетел, в стоящий на постаменте манекен, разглядывая на себе попку. — Доволен костюмом? Сто пятьдесят рублей как корова языком слизала.

— Вы сами-то себе тоже взяли, чё теперь деньги жалеть? — Хмыкнул юный гений прорыва, указав на меня в новом в сером отдающем синевой костюме, в новом плаще тёмного окраса и шляпе, которую я подобрал специально, чтобы придать своему простоватому лицу немного интеллигентного лоска.

— Бобров сказал, что я в продукции горьковской швейной фабрике позорю команду, — пробубнил я. — А по мне так, сделаешь дырку или посадишь пятно — не жалко, ведь цена старому костюму всего сорок пять рубликов. Ну, надо признать, что в таком виде мне хоть прямо сейчас в ЗАГС, — ухмыльнулся я, разглядывая своё отражение в большом зеркале. — Всё, хорош ширпотребом мозги засорять, пошли на Красную площадь. Володю проведем — как он там лежит, в каких условиях содержится?

— Какого Володю? — Опешил Александров.

— Ульянова, который Ленин, а то у меня одно ухо уже заложило от нетерпения перед встречей с вождём мирового пролетариата. — Я сунул в ухо палец и попытался, конечно, безрезультатно, заткнуть ненавистный голос в своей «черепной коробке», что требовал немедленного приобщения к творцу Великого октября.

— А может лучше в зоопарк? — Скуксился пока ещё очень юный хоккеист.

— Потом будет тебе и зоопарк, и мороженное, и лимонад с какао, — сказал я, как отрезал. — Тут идти то всего семь минут по улице 25 октября.

По Никольской улице, которую в тридцатые годы переименовали в улицу 25 октября, чтобы потом в девяностые годы снова переименовать в Никольскую, перемещалась огромная

толпа народу. Судя по объёмным бумажным свёрткам из магазинов, народ этот был в большинстве своём, как и мы, с разных концов нашей необъятной страны. А кроме суесящихся людей посередине проползали редкие автомобили. Они беспрестанно библикали, чтобы хоть чуть отогнать прущих под колёса «понаехавших».

— Александров! «Малыш»! — Крикнул я, когда в районе Казанского собора потерял из вида паренька, над которым негласно взял шефство. — Граждане, кто видел точно такого же, как и я, только невысокого роста? — Спросил я, некоторых встречных прохожих вернувшись немного назад.

— Иван! — Выскочил из толпы как из леса, Александров. — Я только газету купил «Советский спорт». Смотрю, а тебя уже нет.

— Предупреждать нужно заранее, — немного обиделся я. — Что сегодня пишет пресса? — Я взял у паренька свежий номер и развернул на странице, где освещали первенство СССР по хоккею с шайбой. Под результатами состоявшихся игр красовалась турнирная таблица чемпионата:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	5	4	1	0	27 — 19	9
Динамо (М.)	6	3	2	1	27 — 19	8
ЦСКА (М.)	6	3	2	1	27 — 20	8
Химик (Вск.)	6	3	0	3	26 — 20	6
Крылья Советов (М.)	4	2	1	1	17 — 15	5
Трактор (Чел.)	4	1	2	1	14 — 15	4
Спартак (М.)	6	1	2	3	18 — 23	4
Локомотив (М.)	5	1	0	4	15 — 22	2
СКА (Лен.)	6	1	0	5	18 — 32	2

— Мы на первом месте, — ткнул пальцем в газету довольный до ушей Борис. — И ещё игра в запасе. В следующем туре дома с ленинградским СКА разделаемся и ещё сильнее упрочим лидерство.

— Не говори гоп, — я запнулся на полуслове, так как, перевернув газету на последний разворот, обомлел. — Под моей здоровенной фоткой, где я радовался забитой шайбе стоял обидный заголовок: «Такой хоккей нам не нужен». Автор статьи живописал отдельные эпизоды вчерашнего матча нашего горьковского «Торпедо» с московским «Динамо». Про красивые комбинации и забитые шайбы он не упоминал, зато смаковал драки, возникавшие на льду. Кто кому и куда двинул. Особенно автора озаботило последнее «побоище» между мной, Иваном Тафгаевым, и Валерием Васильевым. В конце заметочки корреспондент задал вопрос всей спортивной общественности: «Не пора ли сказать нет всем хоккейным хулиганам, которые позорят советский спорт?» Автором статьи оказался заслуженный тренер СССР Анатолий Тарасов.

— Вот сука! — Вскрикнул я, перепугав мимо идущих людей и передав газету Боре Александрову. — Ты понимаешь, что это такое?

— Реклама, — улыбнулся парень, — ещё больше зрителей пойдёт на хоккей.

— Молодой ещё, — я от бессилия сжал кулаки. — После такой статьи чиновники из «Спорткомитета» меры принять могут. Штраф какой-нибудь вляпать. А из чего весь сыр-бор? Драка-то была смешная, три удара, один толчок, так, для потехи. С настоящей грубостью нужно бороться, с толчками на борт, с зацепами, которых в игре тьма, с ударами исподтишка. Не к добру статейка.

— Да не берите в голову, — Борис часто переходил в общении со мной с «вы» на «ты» и обратно. — Пойдёмте лучше на Красной площади сфотографируемся. День сегодня какой красивый.

— И к Володе заглянем, — пробубнил задумчиво я, — в мавзолей.

Глава 21

Во вторник 19 октября, утреннюю тренировку наконец-то начали с разбора субботней игры против «Динамо», а то понедельник, можно сказать, пролетел впустую. Пока приземлились, заехали сразу же на спортивную базу в «Зелёный город», поели, поспали, потягали железо. Даже Сева Бобров сев на велотренажёр, и покрутив десять минут педали сказал, что эта штука — вещь! А потом Всеволод Михалыч, распустил всю команду по домам.

— Хватит тут на базе сидеть в карты играть и за брагой в соседнюю деревню бегать, — заявил он. — Привыкайте к профессиональному отношению к делу. В четверг перед пятничной игрой с Ленинградом здесь заночуем. А в остальные дни потренировались, поели и к жёнам с подругами.

— Совсем Михалыч, народ распустил, — тихо ворчал на ужине капитан Лёша Мишин. — Раньше месяцами со сборов не вылезали, а тут казачья вольница какая-то.

— То есть тебе, Алексей чтобы режимить, нужно рядом приставить бойца с автоматом? — Услышав этот разговор между игроками первой пятёрки, спросил я. — Чем плохо сейчас приехать, обнять жену, погулять с детьми? Мозгам маленько дать отдохнуть от хоккея?

— Как бы не уйти в пике, — под тихие смешки брякнул пан Свистухин.

— Об этом Михалыч и думает, чтобы никого из вас по жизни в штопоре не закрутило в «синие дали», — ответил я. — Ведь сначала насидишься тут за забором до остервенения, затем на воле с катушек и слетишь. А тому, кто сам себя в руках держать не сможет, на первый раз я уши откручу.

— А на второй? — Николай Свистухин тревожно потёр левое ухо.

— Молодых найдем, для которых хоккей важнее, — улыбнулся я, вспомнив как этому весёлому нападающему, уже ставил мозги на место, пока у нас тренера не было.

Кстати, возможностью уехать в город воспользовались не все. Молодёжь, Ковин, Скворцов и Доброхотов, которой сидеть дома с родителями, было неинтересно, осталась в «Зелёном городе». У них тут гимнастки и фигуристки из школы олимпийского резерва знакомые, первые юношеские шуры-муры и прогулки под естественным спутником Земли, Луной.

А перед самым отбоем в свою комнату меня пригласил на разговор Сева Бобров, которому тоже в свою пустую квартиру в Горьком ехать не хотелось. Поэтому притащив из кухни целую вазу плюшек и, вскипятив электрочайник, над картой хоккейных баталий склонились втроём: Всеволод Михалыч, я и Боря Александров. «Мальш» все последние дни следовал за мной как хвост. «Целее будет», — усмехался я про себя.

— Борис, возьми из тумбочки «Индийский чай», дефицит, между прочим, — поднял указательный палец вверх Сева Бобров. — Да сыпь в заварник, не жалея, чтоб погуще было.

И пока наш самый юный игрок колдовал над завариванием дефицитного чая, Бобров расставил пять против пяти черные и белые шашки из одноимённой настольной игры и спросил:

— Всё думаю и не могу разобраться, почему ты с «пионерами» против пятёрки

Мальцева сыграл хорошо, а Федотов с «комсомольцами» провалился?

— Тут Михалыч, дело не во всесоюзных организациях, — я передвинул вперёд центральную белую шашку и выдвинул навстречу ей центральную чёрную. — Ты же видел нашу игру с ЦСКА? Я с юниорами играл против Викулова, Фирсова и Харламова. Это все большие мастера и отличные игроки, но они небольших габаритов и по стилю, и по манере игры — фланговые нападающие. То же самое и динамовцы Чичурин, Мальцев и Мотовилов. Мне в центре площадки противостоять против Фирсова и Мальцева просто удобно. Вбрасывание я забираю, физически давлу, где корпусом разок другой дам. Они даже в организации атак помешать не могут, так как у меня руки длинные плюс клюшка ещё длиннющая. Центральный нападающий — это же игрок, который выполняет большой объём тяжёлой черновой работы, там двинул, там задвинул, тут шайбу отобрал и быстро её отправил на крайнего. А «крайки» — это художники, творцы, куда им против нас, дровосеков?

— Угу, — задумался где-то на минуту Сева Бобров, что-то дорисовывая своим воображением. — Ладно, ешьте плюшки, пейте чай, а я ещё покумекаю.

И вот на следующий день, во вторник, перед тренировкой на льду дворца спорта «Торпедо» Всеволод Михалыч расставив магнитный фишки на железной доске с нарисованным хоккейным полем, начал разбор полётов:

— Вот в этом твоя, Саша Федотов, основная ошибка на игре против Мальцева и была Мало оказывал на него силового давления. Вместо того чтобы вмазать ему в корпус, пытался отобрать шайбу. Плохо мы ещё в СССР готовим своих центральных нападающих. Сегодня пять на пять отрабатываем «замок в средней зоне» и быструю контратаку с лёту. Первой пятёркой я временно назначаю пятёрку Тафгаева, второй Федотова и третьей — кабачок «13 стульев» пана Свистухина.

— Вам бы только поржать, — огрызнулся Коля Свистухин на множественные хохотки коллег по команде.

— Ещё одно небольшое изменение, — немного помялся Бобров. — В первой пятёрке на левом краю сейчас будет наигрывать Борис Александров, а на правом Саша Скворцов.

— Ему же ещё шестнадцати нет, — обиженно бросил Вова Ковин, который теперь перемещался в запас, где нужно тренироваться, терпеть и ждать своего шанса.

— В этом возрасте Пеле уже первые мячи за «Коринтианс» забивал, — ответил Сева на реплику обиженного хоккеиста. — А бразильский футбол по жесткости нашему хоккею не уступит. Давайте на лёд. Слишком много сегодня разговоров.

Не знаю почему, но сегодняшняя тренировка по жёсткости максимально приблизилась к официальной игре. Даже Бобров несколько раз останавливал занятия и со словами вы чего вытворяете черти, перебить друг друга решили, тяжело вздыхал и опять дул в свиток. А в одном из эпизодов, когда столкнулись у борта Боря Александров и Вова Ковин, после взаимных толчков тут же вспыхнула драка. Борис пробил в голову три раза, как у бывшего боксёра у него это хорошо получилось, а Володя успел воткнуть противнику один раз. Закончился поединок тем, что я этих юных забияк растащил, схватив за шиворот хоккейных свитеров.

— Вы мне Валю Котика не позорьте! — Гаркнул я. — Он, между прочим, за Родину свою жизнь отдал в четырнадцать лет. За место в составе нужно биться, демонстрируя мастерство, а не кулаки. Руки пожали, пока уши не оторвал, потом ведь в больнице перепутаю, где чьё.

— Закончили тренировку! — Не выдержал накала страстей Сева Бобров. — Сейчас и душ, потом на обед в «Зелёный город» и свободны.

В автобусе, который нас возил с базы на каток и обратно я опять «присел на уши» начальнику команды Иосифу Львовичу Шапиро.

— Львович, ты не увиливай, если не можешь так и скажи, не могу, — пихал я начальника в плечо, который из всех сил делал вид, что спит. — Когда меня в институт определишь? Я ведь учиться хочу спасу нет. Раньше всё на бухалку тратил, а сейчас мне делать нечего.

— Противозаконно это, впихивать человека в институт посреди учебного года, — протараторил Шапиро, открыв глаза.

— А водительское удостоверение делать без сдачи вождения и прочих правил дорожного движения — это законно? — Тихо прошептал я на ухо начальнику нашей не спокойной команды. — Ты пойми, Львович, скоро сессия, как я её сдам, если с преподавателями не успею познакомиться? Ведь отчислять за неуспеваемость. Так и не полистаю с однокурсницами конспекты.

— Не могу я закон в такой степени нарушить, — зашептал, оглядываясь по сторонам, Иосиф Львович.

— Ну, смотри, если без высшего образования моя результативность покатится вниз, с тебя ведь спросят, где победы, где очки, — я «обиженно» посмотрел в окно, где замелькал богатый кислородом сосновый лес.

— У, холера, — пробубнил себе под нос начальник команды.

На обеде в столовой, после восполнения потраченных за тренировку калорий, настроение почти всех игроков «Торпедо» резко пошло вверх. А когда в помещение вошла группа гимнасток, возглавляемая тётей Машей, то не женатые хоккеисты упрямо стали тянуть время. То им вдруг ещё захотелось блинчиков, то ещё компотика, то сметанки. Всеволод Михалыч, с усмешкой посмотрев на этот, цирк тактично покинул столовую. Во-первых, дело молодое, а во-вторых, у тети Маши не забалуешь.

На улице, где с каждым днём уже становилось всё холоднее и не уютнее, я подумал, что через недельку котов пора вместе с их домиками переносить в наши жилые корпуса. Кстати, после столовой мы вместе с Александровым сразу же направились кормить хвостатых и усатых обитателей «Зелёного города».

— Может, в город в кино съездим? — Спросил Борис, подкладывая в миски для котофеев кильку в томатном соусе.

— Можно, — согласился я.

— Может, девчонок с собой пригласим, фигуристок. Женю и её подругу Алёну? — Хитро прищурился Александров. — На последний сеанс?

«На местные фильмы только на последний сеанс и ходить, так как смотреть там нечего», — промелькнула шальная мысль.

«Не о том думаешь! Тебе к комсомолу пора готовиться, а не по кино с девочками бегать», — ответил голос в голове.

— Не о том думаешь, — пробурчал я. — Дриблинг у тебя хороший, а кистевой бросок слабоват. А щелчок вообще никуда не годится. Нужно достать лист фанеры и с неё щелкать каждый вечер перед сном двести раз.

— Ты на Женю не обращаешь внимания, а зря, она глаз с тебя не сводит, — заулыбался юный гений прорыва.

— Я же сказал, сегодня идём в кино, — отмахнулся я. — Кстати, чего там афиша обещает?

— Да без разницы, — заулыбался паренёк. — Так я сбегая, приглашу?

— Может, лучше по шайбе пощёлкаем? — Замялся я, так как ещё не отошёл от прошлых отношений, и всё ещё иногда думал о «принцессе» Снегирёвой.

Однако мой вопрос так и остался без ответа. К домикам для котов подошли трое наших игроков обороны Володя Астафьев, Юра Фёдоров и Саша Куликов. Вообще очень часто спортивная судьба бывает извилиста. Например, Фёдоров и Куликов, в начале карьеры вместе поиграли за «Торпедо» из города Ульяновск. Затем съездили на год в ЦСКА, где правда не задержались, одного отправили в Тверь, то есть в Калинин, а другого в Чебаркуль. И вот сейчас Юра с Александром вместе играют за Горький. А Вова Астафьев подтверждая поговорку, где родился, там и пригодился, никуда из Горького не уезжал.

— Иван, нам с тобой бы переговорить, — сказал Куликов, с которым мы играли в одной пятёрке.

— У меня мужики, тайн ни от котов, — я погладил черного как уголь Фокса, — ни от «Малыша» нет. Давай выкладывай, а не то я в кино сегодня собрался на последний сеанс. Побриться бы ещё. Ну, чего мнётесь, как девочки?

— Я машину поцарапал одним парням, и они теперь требуют пятьсот рублей за ремонт, — выдавил из себя малоразговорчивый Вова Астафьев. — И через час я с ними встречаюсь.

— А хариусы у них не треснут? — Присвистнул я. — Хотите, чтоб съездил с вами на разговор? И чтоб в воспитательных целях хариусы у них всё-таки треснули?

— Может, всё миром решим? — Пожал плечами наивный Астафьев.

«Стрелку» для выбивания денег у нашего хоккеиста аферисты, я был просто уверен, что это они, назначили на пустынном берегу Оки в Приокском районе за какими-то дачами и садами. «Ни хрена себе, — думал я, — ещё лихими девяностыми и не пахнет, а уже какие «стрелки» забиваются. И порядочного скромного парня на деньги разводят». Кстати, скромный парень ездил не на какой-то там иномарке, и даже не «Волге» и «Жигулях», а на такой же, как и у меня «Победе», неизвестно какого махрового года выпуска. На берег реки мы, Астафьев, Фёдоров, Куликов и «Малыш», куда без него, приехали на двух наших развалюшках минут за пять до назначенной встречи.

— Иван, ты только того, — мялся Вова Астафьев.

— Никого не убей, — подсказал я ему нужные слова. — Не бойся, я с тобой. Кстати и сам боюсь. Ещё не рассчитаю пробивной силы своего убедительного аргумента, — я сжал огромный стальной кулак.

И тут на «Волге» ГАЗ-24, на модели, которая спокойно доживёт и до нулевых, пожаловали какие-то мутные товарищи. У нас даже Коноваленко ездит на горбатой модификации ГАЗ М-21, а эти совсем берега Оки попугали.

— Ну, чё деньги принёс, — с водительского кресла элитной для начала семидесятых машины выскочил высокий и плечистый парень в широких штанах и черной по пояс куртке.

Я же на свидание с гражданами бандитами оделся скромнее. Брюки от старого костюма горьковской швейной фабрики и старый свитер поверх спортивной футболки. Плащом, который мог помешать воспитательно-оздоровительным процедурам, я пренебрёг. Мои товарищи по команде оделись более прилично, спортивные костюмы и болоньевые куртки. И если верить этикеткам у защитников эти куртки были японского производства.

— Чё пялитесь? — С переднего пассажирского кресла вылез уже широкий и коренастый, похожий на штангиста браток, одетый, как и его поделщик. — Гоните «капусту»!

— Капусту? — Я сделал шаг навстречу. — Тебе какую надо, Брюссельскую или Савойскую? Несколько кило или просто дать по кочану?

— Почему? — Переспросил длинный браток, постепенно понимая, что сегодня, скорее всего, придётся уехать без денег, до кучи отоварившись кое-чем другим.

Но вот его коллега по бандитскому ремеслу, который штангист, соображал гораздо хуже и попёр на меня как маленький трактор:

— Я чё-то смешное сказал?

— Вот что бывает, когда мышцы шеи проникают в мозг, — усмехнулся я, сказав это своим товарищам.

И в тот же момент штангист ринулся в бой, быстро семеня своими короткими толстыми ногами. Длинный и хлёткий боковой удар, который обжог мой кулак огнём, коренастого остановил и потряс. Но, даже потеряв ориентацию в пространстве, штангист всё равно остался стоять на своих двоих и, подняв руки к подбородку, выбросил пару ударов в пустоту. Пользуясь подходящим моментом, я разрядил ещё один правый боковой, ведь моя левая была не так сильна, чтобы свалить этого перекаченного «колобка». Однако и со второго раза тело братка не легло плашмя на каменистый берег реки, оно стало, как бы само собой покачиваться на нетвёрдых ногах, и медленно поворачиваться против часовой стрелки.

«Учёные давно подозревали, что левая нога у всех людей чуть-чуть короче правой. Именно поэтому заблудившийся человек в лесу ходит кругами. И вот подтверждения этой теории», — подумал я, наблюдая шатающегося в прострации штангиста.

Но закончить до конца наблюдение за научным экспериментом мне не позволил второй бандитствующий элемент, длинный и плечистый. Он выхватил нож и с криком, что стоять сейчас попишу, бросился на помощь своему поделщику. Я сделал резкий шаг навстречу и тут же отпрыгнул назад, чтобы его рука с ножом миновала дорогие моему сердцу печень, почки, легкие и другие прочие органы моего тела. А как только длинный чуть завалился вбок, я саданул длинным и хлётким боковым. И пока штангист все ещё бессмысленно топтался на месте, его компаньон уже прилег отдохнуть от трудов несправедливых.

— Длинные и высокие они конечно девушкам нравятся больше, — сказал я, облегченно выдохнув и растирая больные костяшки на правой руке. — Но стойкости у них меньше. Первыми не выдерживают под натиском временных житейских трудностей.

— Здоров бык, — сказал Боря Александров и пока более старшие товарищи по команде обдумывали сложившуюся ситуацию, юниор подбежал к штангисту и залепил короткий, но мощный хук снизу.

Наконец, когда братки пришли в себя, особенно им понравилось, что мы на них попрыскали холодной водичкой из Оки, беседа по поводу царапины на бампере вошла в конструктивное русло. Штангист, даже очнувшись угрюмо молчал. Наверное, всё думал — где он и зачем он здесь? А вот длинный, особенно, когда я его взял за ухо, очень быстро и четко ответил на все вопросы. Как я и предполагал, царапина на автомобиле была просто подставой для разводки «лохов ушастых», и после лживого признания, что они больше не будут, длинный произнёс самое главное, что теперь они с хоккеистом Астафьевым в расчёте.

— С хоккеистом вы в расчёте, — я удовлетворённо кивнул и отпустил покрасневшее ухо. — А сейчас гоните пятьсот рублей на починку моих разбитых костяшек. Могу взять

золотом. — Я шлепнул штангиста по щеке и заставил того открыть рот. — И у тебя тоже я вижу фиксы золотые. Может и цепочки имеются. Или ещё хотите со мной встретиться поговорить? Тогда стрясу тысячу и уши откручу по-настоящему.

— Отцепись, — пробормотал длинный и вынул из внутреннего кармана несколько сотенных рублёвых бумажек.

«Хорошо живут, суки», — подумал я, отсчитав пятьсот рубликов. Лишние же деньги я сунул в рот штангисту, который ничего не соображая так и сидел, разинув пасть.

«Скажи им, сам Фридрих Энгельс писал, что преступность есть выражение негодования рабочего класса против класса капиталистов! — рявкнул мне в ухо голос в голове. — У нас в СССР такого класса нет, пусть завязывают».

— Ты Энгельса читал? — Спросил я длинного братка. — Нет? Тогда запомни, если тронете ещё хоть кого-нибудь из «Торпедо» я вам все труды Маркса и его кореша Энгельса в рот запишаю. Понял? Вот так, — сказал я напоследок.

* * *

В кинотеатре «Мир» на автозаводе, куда мы с Борисом приехали на последний сеанс в компании двух фигуристок Жени и Алёны все билеты бил проданы, кроме тех которые иногда держат специально для дорогих гостей. Не знаю, попадали ли мы, хоккеисты горьковского клуба в разряд дорогих, но переплатил я за вход в кинозал в пять раз. Благо было чем.

Сегодня давали премьеру фильма польского режиссёра Романа Полански, который уже укатил в загнивающий «Голливуд», где закрутил с красавицей Шэрон Тейт и снял несколько киношек. В частности экранизировал трагедию Шекспира «Макбет», которую и показывал киномеханик нашего кинотеатра.

Лично меня кровавая возня за шотландский престол, мало трогала. Там в Шотландии и земли-то с гулькин нос, ни золотых рудников, ни алмазных шахт, ни газа, ни нефти ничего нет. И чего спрашивается, средневековые дикари устроили резню друг друга? Поэтому я полфильма клевал носом, а вторую половину безмятежно спал. И когда на обратной дороге фигуристка Женя принялись нахваливать «шедевр» польского режиссёра, лично я молча держался за баранку своей «Победы».

— Тебе что не понравилось? — Удивилась она, сидя около меня, на переднем диванчике.

А вот молодёжи, Борису и Алёне, на заднем посадочном месте было фиолетово, что они сейчас посмотрели. Когда бурлят гормоны, мозг отключается, включается нечто другое.

— И пьеса шекспировская — муть, и кино — дрянь, — резко ответил я. — Если нет сопереживания главному герою, то не стоило и бумагу марать, и плёнку переводить.

— Просто люди не жалея никого вокруг рвутся к власти, что тут не понятного? — Чуть-чуть обиделась Женя. — Каждый хочет сделать карьеру и стать руководителем.

— Отчасти согласен, на определённом жизненном этапе, есть такие мысли, — я сбросил скорость, выехав на Молитовский мост через Оку. — Психически ненормальные люди рвутся во власть, чтобы от неё брать, как этот Макбет. Жаждают дорваться до кормушки и жрать в три глотки как свинья. Зачем же про всякую погань кино снимать? Про нормальных нужно делать фильмы, которые идут во власть, чтобы дать, привнести свои идеи, мысли, чтоб польза была для народа. Вот я когда командой руководил до Севы Боброва, думаешь, приятно было всех гонять? Одному подзатыльник отвесишь, другого за ухо возьмёшь, третьему клюшкой пониже спины шлёпнешь, но результат мы в первых матчах

дали. Власть — это тяжёлое бремя. Вот о чём Шекспиру писать надо было.

— Это же искусство, а оно не для пользы, а для чувств, — ответила Женя и отвернулась к окну.

Глава 22

В четверг 21 октября накануне игры с ленинградским СКА из Госкомспорта в команду пришло пренеприятнейшее известие. Прямо в конце тренировки на льду дворца спорта прибежал запыхавшийся начальник команды Иосиф Львович Шапиро и стал что-то нашёптывать Севе Боброву. Михалыч от принесённой весточки, даже свисток изо рта выронил. Затем он взял микрофон, через который иногда давал советы по той или иной игровой ситуации на льду, и спокойным голосом произнёс:

— Товарищи хоккеисты, сейчас после тренировки состоится собрание команды. Кстати, тренировка окончена.

— Михалыч, можно я ещё по воротам побросаю? — Спросил, подъехав я к бортику, так как всевозможные собрания с детства не переваривал.

— Нельзя, — пробурчал Бобров. — Это тебя непосредственно касается.

«Что ж я сделал-то? — ломал я голову, топая, как и вся команда в раздевалку. — Бандиты, которым я настучал в «кочан» пожаловались? Маловероятно. Может мне звание какое полагается, ну там мастер спорта междугородного класса? Или тренерша фигуристок пожаловалась, что у нас с Женей отношения из дружеских и платонических плавно переросли в любовные со всеми вытекающими из этого последствиями? Так ей уже девятнадцать лет, не маленькая, а наоборот вполне самостоятельная. В общем, сейчас итак объявят, чего голову ломать понапрасну».

Всеволод Михалыч дождался, когда последний игрок покинет душевую и пристально посмотрел на наши раскрасневшиеся лица, после беготни по ледяному полю.

— Завтра с Ленинградом по требованию Госкомспорта хоккеист Тафгаев играть не будет, — тяжело вздохнув, сказал он.

Потом Бобров выждал паузу, пока остальные хоккеисты выплеснут эмоции, потребовав справедливости от чиновников, которым, честно говоря, на простых хоккеистов всегда было с большой колокольни начхать. Меня хоть в команде не все с восторгом принимали, но за пользу, что я приносил коллективу — ценили все.

— Вот, — Сева Бобров показал в руке конверт. — Здесь сообщается, что за драку учинённую Иваном Тафгаевым и Валерием Васильевым в матче 16 октября оба дисквалифицируются на одну игру. А в целях осуждения хулиганства на льду нам рекомендуется провести командное комсомольское собрание. Лёша Мишин, — главный тренер посмотрел на капитана и комсорга команды. — Ты должен будешь протокол собрания отпечатать и отослать в Госкомспорт. Предлагаю всё это сделать по-быстрому, не откладывая в долгий ящик. Нужно ещё над составом подумать для завтрашней игры.

— Так это, — встал с деревянной лавки наполовину переодетый Мишин, — сначала должен кто-то высказаться, осудить Ивана, что неправильно он ударил динамовского защитника. Кто это готов сделать?

Хоккеисты дружно притихли. Во-первых, такое высказывание попахивало паранойей, во-вторых, сегодня меня осудят за то, что я защищал своих партнёров, а завтра на льду никто за тебя уже не заступится.

— Мы сейчас все в одной лодке, — высказался молчун Вова Астафьев, которому я недавно помог разобраться с бандитами. — Если мы сейчас Ивана осудим, то далеко не

уплывём. Они там, чиновники эти сидят бумажки со стола на стол перекладывают. Что они могут знать о хоккее? Чё они лезут со своими рекомендациями.

— Что ж ты Вова предлагаешь, не реагировать? — Спросил Мишин.

— Ничего не предлагаю, — отвернулся от собрания Астафьев.

— А давайте им дулю нарисуем и отправим вместо протокола, — засмеялся Коля Свистухин.

— Ладно, пусть Иван сам скажет, что осознал, что амбала Валеру Васильева бить не будет, — улыбнулся Толя Фролов. — Тафгай давай уже скажи что-нибудь. Плохо конечно, что тебя отстранили, но с Ленинградом мы итак должны справиться.

Я встал с лавки, голова непривычно медленно соображала, так как иначе как сюрсом ситуацию назвать было нельзя, тяжело вздохнул и ответил:

— Я понимаю так, в Госкомспорте заинтересовались моей дракой на льду после статьи Анатолия Тарасова в «Советском спорте». И сейчас мы эту статью должны осудить и потребовать публичного извинения от Тарасова за нарушение профессиональной этики.

— Ты, Иван, вообще соображаешь, что говоришь? — Удивился Лёша Мишин.

— Отлично соображаю, мы такими статейками роем яму нашему Советскому хоккею, — я махнул рукой так, как будто в ней был булатный клинок. — Не сегодня, завтра нас ждут встречи с канадскими профессионалами. Что мы будем делать, когда заокеанские бандиты начнут калечить наших лидеров? К примеру, какой-нибудь условный Рик Лей изобьёт Валерия Харламова, а остальная команда даже толком и не заступится, подотрётся статейкой этой тарасовской в одном месте. Советский хоккей должен быть с кулаками, чтобы пресекать гряз и грубость.

— Всеволод Михалыч, так что ответить в Госкомспорт? — Растерялся капитан команды Мишин. — Фигу что ли рисовать?

— Иосиф Львович, — Сева обратился к сидящему тихо в углу Шапиро, начальнику нашей боевой команды. — Ты давай сам что-нибудь ответь спортивным чиновникам, а нам этой ерундой заниматься некогда. Поведение обсудили, Тафгаев осознал, постановили сделать ему строгое предупреждение. И всё, все свободны.

Спустя минут пятнадцать, когда я переоделся и собрал хоккейную амуницию в баул, в раздевалку вновь заглянул наш прославленный главный тренер.

— Зайдите в тренерскую оба, — кивнул он мне и Боре Александрову.

Мы с «Малышом» переглянулись, почти синхронно пожали плечами и двинули на ещё один разговор, но Бобров нас надолго не задержал. Попросил впредь не размахивать кулаками направо и налево, как меня, так и юниора Александрова. После чего Михалыч склонился над своими шашечками, размышляя, кем заменить меня в игре против СКА.

На обед в «Зелёный город» вместе со всей командой я и мой юный друг не поехали, решив восполнить потраченный калории здесь же в городе. На Верхне-Волжской набережной, которую ещё при Николае Первом стали застраивать основательными каменными зданиями, в советский период добавили очень симпатичное из стекла и бетона кафе «Чайку». Вот туда мы и решили заехать. Судя по контингенту, сейчас в дневное время здесь тусовались исключительно студенты, а вечером же эту точку общепита могла посещать и другая, более серьёзная публика.

— Замечательные цены, — улыбнулся я, рассматривая меню. — Курица жареная с маринованными фруктами — 1 рубль 58 копеек. Бульон с яйцом — 38 копеек. Блинчики с творогом соус шоколадный — 43 копейки. Коммунизм! Что Боря заказывать будешь?

— Тоже что и вы, только ещё мороженное за 51 копейку, — добавил Александров.

Уселись мы за свободный столик поближе к окну, чтобы можно было смотреть вдаль на неторопливо бегущую Волгу и какое-то время поедали заказанные блюда молча, украдкой поглядывая на симпатичных весёлых горьковских студенток.

— Что ж теперь будет? — Спросил Боря, оторвавшись от мороженого. — Неужели за каждую драку будут дисквалифицировать на целую игру?

— Даже не сомневайся, — я от злости чуть не хлопнул кулаком по хлипкому столу, но вовремя сориентировавшись, затормозил. — Запомни «Малыш» если играешь жёстко, никогда не делай несколько вещей: удар в голову локтем на скорости, атаку в колено и толчок на борт игрока, который тебя не видит. Человек может шейные позвонки повредить или сотрясение получить серьёзнейшее.

Мне очень хотелось рассказать Александрову, как он, спустя шесть или семь лет в игре против «Спартака» отправит в больницу Валентина Гуреева, который после этого закончит с хоккеем. А самого Бориса исключат из сборной и отправят из ЦСКА играть в какую-то глухомань. Но какой сейчас был в этом толк?

— А драться это нормально? — Хитро улыбнулся юный балбес.

— Если я проучу игрока, который играет грязно, то это даже хорошо, хоккей станет чище. — Я отставил пустые тарелки и посмотрел на наручные часы. — Поехали, у девчонок сейчас тренировка начнётся в «Торпедо».

Вчера, то есть этой ночью, кроме того что мы с фигуристкой Женей не давали характерными для страстных любовных отношений звуками соседям спать, мы ещё и просто общались. И вдруг, я не знаю, что на меня нашло, спросил:

— Слушай, а мужики ваши сейчас квады на соревнованиях прыгают?

— Не поняла? — Женька даже привстала от удивления. — Четверные прыжки? Это же невозможно!

— Тише, за стенкой соседи пытаются уснуть, — я зажал девушке рот. — Я тебе точно говорю, придёт время, и мужчины будут прыгать по несколько квадов за один прокат. Да и девчонки такие появятся. Кстати, ты сама всеми тройными владеешь? Ну, там лутц, флип, тулуп, риттбергер, сальхов.

— Шутишь? — Обиделась Женя. — Кстати, откуда у тебя такие познания?

— Была у меня одна знакомая давным-давно, — я неопределённо махнул рукой. — Как только вина с ней немного выпьем, так сразу начинала про свои лутцы и флипы рассказывать.

— Фигуристка что ли? — Ревниво процедила девушка.

— Ну, почти, — я сделал вид, что засыпаю.

«Не рассказывать же мне было, что в той жизни я встречался какое-то время с тренершей по фигурному катанию. Кстати!»

— Кстати, — я резко проснулся. — Есть же прекрасная методика, чтобы поставить всем девчонкам и парням тройные и четверные прыжки. Завтра у вас тренировка после нашего хоккея? Вот и прекрасно. А сейчас иди ко мне...

На искусственном льду торпедовского дворца спорта, куда мы вернулись с Борей Александровым, шум и крик стоял не меньшей чем на хоккейном матче. По всей площадке носились девчонки в синих спортивных костюмах, и повсюду разносился, усиленный колонками, звонкий голос главного тренера, невысокой молодой женщины. Между прочим, крепкие выражения, которыми наш Сева Бобров пренебрегал, здесь сыпались одно за

другим.

— Аж уши вянут, — шепнул мне на ухо Александров и помахал рукой своей первой подружке в этом незнакомом для себя городе фигуристке невысокой и миниатюрной Алёнке.

— Даже мне смотреть страшно, — поморщился я, когда очередная хрупка девушка без защитной амуниции грохнулась на лёд.

— Почему на тренировке посторонние? — Подъехала к бортику и спросила главная тренер этих бесстрашных барышень.

— Здравствуйте, я Иван Тафгаев. Это тоже наш торпедовский хоккеист, — указал я на Бориса. — У меня есть хорошая идея, как всем вашим воспитанницам поставить все тройные прыжки.

— Вам что, заняться нечем? — Усмехнулась тренерша. — У вас игра завтра с Ленинградом, вот идите и готовьтесь к ней.

— Вы хотя бы выслушайте, — пробурчал обиженно «Малыш». — Чего сразу рот затыкать.

— Ты, Борис, неправ, — сказал я своему молодому другу, как в 88-ом году Егор Лигачёв Борису Ельцину на партийной конференции в Москве. — Если здесь кому-то не нужны золотые Олимпийские медали, то так сразу и скажите. И нечего нам морочить голову.

— Пять минут перерыв! — Крикнула в микрофон тренерша. — Ладно, слушаю, всё равно не отстанете.

Кроме главного тренера послушать нас тут же подъехали и хитро улыбающиеся спортсменки. Некоторые из девчонок тихо шушукаясь, косились то на меня, то на свою мигом покрасневшую подружку Женьку.

— Устройство для постановки многооборотных прыжков называется «удочка», — я взял клюшку, которую всегда крепил к баулу с формой, и вытянул её черенком вперёд. — Допустим — это она.

— Удочка, — добавил Александров.

— На конец её, — я почесал затылок и развернул клюшку крюком вперёд. — Так даже будет лучше. На конец крюка крепим небольшой страховочный ремень, а потом к ремню металлическую планку, от которой идут ещё два ремня, которые уже фиксируются на поясе фигуристки. Работает это так, я еду параллельно спортсменке и держу её на удочке, она выполняет прыжок, а я её в воздухе поддерживаю и страхую. Как итог и волки сыты, то есть прыжки тройные разучены, и фигуристки целы.

— Любопытно, — пробормотала главная тренер школы олимпийского резерва.

— Ещё бы не любопытно, олимпийские медали на дороге не валяются, — поддакнул Боря Александров.

— И где же мне такую «удочку» взять? — Растеряно посмотрела на нас тренерша. — В Госкомспорт обращаться что ли?

— Да в этом Госспорте только бумажки лживые штамповать могут! — Разгорячился Борис.

— К умельцам нужно срочно на автозавод обращаться, — сказал я, улыбаясь Жене и другим фигуристым фигуристкам. — Денег заплатить и простимулировать скорость выполнения заказа в жидкой валюте.

— В какой валюте? — Не поняла женщина с микрофоном.

— От которой на заводе в узком кругу не принято отказываться, — хмыкнул юный и

смекалистый Александров.

— Продолжайте тренировку, — Я подмигнул своей Женьке. — Сегодня уже четверг... К субботе «удочка» будет готова.

* * *

После ужина в столовой на базе «Зелёный город», где сегодня перед игрой осталась ночевать вся команда, когда торпедовские старожилы ушли резаться в преферанс, я предложил Борису, и фигуристам подружкам Жене и Алёне незаметно смотаться в город.

— В кино опять? — Недовольно искривился юный гений прорыва.

— В ресторан? — Хихикнула Алёна. — Так надо платье погладить.

— А мне чтобы платье погладить, его сначала нужно купить, — обиженно засопела Женя.

— Что у вас за интересы такие, либо кино, либо рестораны? — Всплеснул я руками. — Поедем сейчас на авторскую встречу с прекрасной советской эстрадой. Только Михалычу скажу, чтоб не волновался.

— Тогда я надену брюки, — заявила Женька.

— Красоту ничем не испортишь, — согласился я.

В своей комнате на базе, где Сева Бобров бывал чаще, чем в пустой квартире, которую ему на время работы выделил автозавод, я и застал главного тренера, вновь склонившегося над шашечными фишками.

— Заходи, присоединяйся, — кивнул Всеволод Михалыч на свободный стул. — Давай рассуждать вместе, как играть команда без тебя завтра будет.

— Михалыч, я не по этому поводу, отпроситься хочу, — сказал я, но так как Бобров даже не шелохнулся, то добавил. — В аэропорт мне нужно сгонять, встретить Фиделя Кастро с Луисом Корваланом. Они тут в Горьком лекции для студентов читать будут на кубинском языке. Хочу щёлкнуться с ним для истории государства Российского.

— Что? — Спросил Сева, передвигая шашечки по нарисованному хоккейному полю.

— Я говорю, шведские хоккеисты Кемь взяли, а Вацлав Недоманский на Изюмском шляхе безобразничает, — пояснил я тревожную политическую ситуацию в стране.

— Тогда много не брать, и не безобразничать, — пробормотал Бобров. — Хватит нам одной дисквалификации.

— Ты, Всеволод Михалыч, главное дамку поскорее проведи, — я тоже двинул одну шашечку. — С дамками мы Ленинград быстро порубаем.

— Да, да, да, — согласился главный тренер.

* * *

Во дворце культуры Автозавода, где занималось множество кружков и коллективов народного творчества, сжалившись в профкоме, выделили маленькую комнатку и вокально-инструментальному ансамблю «Высокое напряжение». На вопрос, почему родилось такое дикое название Толя, который меня, случайно встретив сегодня на заводе, и пригласил на репетицию, ответил просто:

— Если сложить имена Толя и Коля, то получится слово — ТоК. А если ток, то это почти всегда высокое напряжение.

Чтобы поместиться в комнату для репетиций на третьем этаже ДК, мне пришлось не без удовольствия усадить себе на колени Женьку, а Борису его подружку Алёну. Остальную площадь занимали музыканты и инструменты: ударная установка, синтезатор, гитары и колонки к ним, или как их ещё называют комбики.

— Во-первых, — начал Толик, покосившись на недовольного моим присутствием Николая, — мы хотим тебя, Иван, поблагодарить за песню «Мой адрес — Советский союз». Да, поблагодарить! Потому что без неё мы бы сейчас «Портвейн» пили в подъезде, зазря прожигая молодую жизнь.

— Я не гордый, можно и деньгами, — хохотнул я.

— Нет пока денег, — пробубнил мрачный Коля.

— Так не в них счастье, — сказал, приобнимая Алёнку, Боря Александров.

— Сыграйте что-нибудь мальчики, — попросили дружно девчонки.

Барабанщик ансамбля обречённо стукнул четыре раза палочкой о палочку и музыканты грянули:

Заботится сердце, сердце волнуется,

Почтовый пакуется груз.

Мой адрес не дом и не улица —

Мой адрес — Советский Союз.

Причём Колян пел с таким видом, как будто проглотил что-то совершенно несъедобное мерзкого коричневого цвета. Поэтому когда он резко провёл по всем шести струнам, песня оборвалась. Алёна с Женей дружно похлопали.

— Во-вторых, — продолжил Толик. — В декабре здесь в Горьком состоится музыкальный конкурс «Серебряные струны» в честь 650-летия города. Александр Градский со «Скоморохами» приедет.

— Тоже мне рок звезда нашлась, — тихо пробубнил Николай.

— На конкурс нас взяли, но нужна ещё одна песня, — толкнул Толик в плечо своего друга-бунтаря из подворотни. — Ты же Иван говорил, что ещё какие-то песни в Череповце слышал.

— Вы нам только намёк на тему сделайте, мы дальше сами всё досочиним, — пискнул худосочный клавишник Савелий.

«Чем же вам таким намекнуть, чтобы за это ещё и неприятностей не было?» — задумался я.

«Про коммунистическую партию нужно что-нибудь и про Ленинский комсомол», — стал подсказывать голос в голове.

«А почему нет?» — вспомнил я одну вещицу.

— Значит так, начнём с припева, — я аккуратненько ссадил Женю на свой стульчик, а сам встал, стараясь не наступить на переплетающиеся повсюду провода. — Давай пианист записывай:

Всё, что в жизни есть у меня,

Всё, в чём радость каждого дня,

Всё, о чём тревоги и мечты,

Это всё, это всё ты.

Всё, что в жизни есть у меня,

Всё, в чём радость каждого дня,

Всё, что я зову своей судьбой

Связано, связано только с тобой.

— Ух! — Я стёр рукавом пот со лба, вспоминая почти забытые слова.

— А про что песня-то? — Почесал затылок Толик. — Про любимую девушку? — Музыкант кивнул на Женю.

— Песня про Коммунистическую Партию Советского союза, — прокашлялся я. — Первый приз точно будет гарантирован. Против такого оружия у «Скоморохов» песен — нет.

— Дрянь, а не песня, — высказался Колян. — Вот гимн «Торпедо» — это си...

Остальные слова бунтарь договорить не успел, так как он находился в пределах досягаемости моей длиннющей руки, потому что в следующее мгновение от лёгкой затрещины гитарист, дёрнувшись всем телом, вылетел в дверь. И лишь провода, которые соединяли электрогитару и колонки не дали Николаю далеко убежать или брякнуться на пол коридора.

— Быстро приготовились к репетиции нового всесоюзного шедевра! — Я поднял руку с воображаемым стартовым флажком вверх. — И только попробуйте мне слова перепутать, Моцарты. Я вам так посальерю, что Пушкину в своих «маленьких трагедиях» и не снилось! На страт, внимание, марш!

* * *

В пятницу переполненный хоккейный стадион автозавода под открытым небом, куда на матч с армейцами из культурной столицы города на Неве Ленинграда стеклось почти восемь тысяч человек, гудел, свистел и орал. К сожалению, очень сильно нас подвела погода, во-первых для конца октября сегодня было довольно тепло, целых 4 градуса по Цельсию. Во-вторых, зарядил мелкий неприятный дождь, из-за которого шайба скользила хуже, чем под крышей во дворце спорта, где все эти дни мы наигрывали мудрёные комбинации.

«Денег областной администрации за билеты захотелось побольше срубить, — зло думал я, сидя на шестом ряду по самому центру вместе с Женькой. — Ни музыки, ни группы поддержки, играют тут в лужах как при царе Горохе».

— Сколько осталось до конца матча? — Спросила, нервничая моя девушка.

— Почти четыре минуты чистого игрового времени, — ответил я, посмотрев на табло, где кроме больших механических часов указан был и счёт 1: 0, в пользу «Торпедо».

Начали-то игру за здравие, первая пятёрка Федотова на четвёртой минуте матча закрутила весёлую карусель в зоне противника, и Толя Фролов с передачи капитана Лёши Мишина открыл счёт. А дальше сгустили серые и рыхлые тучи, и с неба, наказывая администрацию за скупердяйство, покапал нудный осенний дождь. И вся комбинационная игра мигом рассыпалась. Кстати вместо меня с Александровым и Скворцовым Всеволод Михалыч выпустил Вову Ковина. Получилась такая юниорская тройка нападения, которая показала самую бестолковую игру за всё время пока я знаком с ребятами. Говорил же Боброву, поставить в центр к пацанам пана Свистухина. А в Свистухинской тройке в центр перевести Смагина, где приставить к нему либо Ковина, либо Доброхотова.

— Ладно, — махнул я рукой, когда стрелка часов отмерила последнюю минуту. — Не мытьём, так катаньем, главное победили. Жень, пошли на выход, а то сейчас на двадцать минут как встрянем на выходе со стадиона.

И мы с девушкой, как и многие другие умники стали пробираться к проходу. И вдруг, я просто случайно оглянулся на лёд, как там, последнюю резкую контратаку организовали ленинградцы. Александр Андреев, который нам забил один гол в первой встрече, ускользнул по правому борту от защитника Славы Ушмакова и выскочил на оперативный простор.

«И какого хрена Свистухин со своей бандой за минуту до конца полез в нападение?» — подумал я, когда Андреев ворвался в нашу зону и бросил по воротам. Коноваленко был начеку и отбил шайбу в поле более чем уверенно.

— Ох! — Выдохнули болельщики.

И слава отечественному автопрому, первым до шайбы дотянулся второй защитник Серёжа Мошкарков.

— Выбрасывай, б...ь её на х..! — Заорал я, как и многие другие зрители на трибунах.

Но у Мошкарова в луже поехала нога и вместо мощного кистевого броска, он покачнулся, а шайба просто сползла с крюка и досталась накатывающему на него ленинградцу Валентину Панюхину. И Панюхин буквально с сиреной об окончании матча вколотил шайбу в наши ворота. Коноваленко, к сожалению не выручил, так как бросок армейца вышел на редкость сильным и точным прямо в девятку.

— Б...ь! — Охнули все восемь тысяч преданных болельщиков.

— Когда каждое очко на счету, а тут кому-то денег срубить захотелось! Суки! — Громко высказался я, медленно пробираясь на выход.

«К сожалению, негативными эмоциями делу набора недостающих очков в чемпионате СССР не поможешь», — думал я, прижимая к себе Женьку и вместе с народом двигаясь единой колонной.

— Тафгай, почему не играл? — Вдруг спросил кто-то с боку.

— Сказал в интервью, что Аляску пора возвращать в состав СССР, вот и вклеили дискву на матч, чтобы вперёд ЦК КПСС не высывался, — брякнул я первое, что пришло в голову.

— А разве её не продали ещё при царе? — Спросило кто-то с другого края.

— Темнота! На Аляске местное население пищит и просится шестнадцатой республикой к нам в союз, — хмыкнул я. — Тоже хотят ноги греть в Чёрном море.

— Не пустим! — Ляпнул кто-то сзади. — В Крыму итак яблоку негде упасть!

— Не нагнетай! — Я показал кулак себе за спину. — Если с умом всех на пляже разложить всем места хватит. Сервис нужно до ума доводить.

Наконец, из толпы, где уже позабыли про обидную ничью и вовсю обсуждали судьбу далёкой неведомой Аляски, мы с Женей вышли к автостоянке. Однако и около моей «Победы» топтался подозрительный среднего роста широкоплечий парень в плаще и кепочке.

— Интересуешься антиквариатом? — Спросил я, отодвигая непонятного товарища в сторону. — Тогда должен огорчить машина не продаётся. Коллекционная модель, на ней ещё Михаил Романов последний император Российской империи перед убийством в Перми катался. Так что не задерживаю.

— Весело шутишь, — усмехнулся парень. — Отойдём на пару слов?

— Женя посиди в машине, — я открыл дверь своей девушке. — Сейчас только товарищу автограф оставлю и вернусь.

Мы пересекли небольшую площадь перед заводским хоккейным стадионом и встали так, чтобы нас никто не слышал.

— Меня зовут Гена Заранко, — товарищ в плаще протянул ладонь для рукопожатия. — Или как зовут друзья — «Заран».

— Иван Тафгаев, иногда зовут Тафгай, — я пожал крепкую руку. — У меня времени мало. Надо ещё с командой побеседовать.

— Ты ребят моих поломал недавно, — перешёл к сути Заран. — Если по справедливости, то они давно напрашивались, тем более наехали на хоккеистов «Торпедо», поэтому обиды на тебя нет. Никто ваших в Горьком больше не тронет. Вот только в других регионах будь осторожней, Тафгай.

— Ладно, и ты им тоже передай, — ухмыльнулся я, — в Горьком я их больше не трону,

но вот в других регионах могу и третью степень инвалидности оформить без нудного медицинского обследования.

— Хорошо, — парень натянул кепку на глаза и пошёл своей дорогой. — Может, ещё пересечёмся, поговорим, больно интересный ты товарищ. — Добавил он, внезапно развернувшись.

«Кто вас бандитов знает. Ещё клеветуют напрасно на лихие девяностые, когда тут лихие семидесятые в самом, что ни на есть разгаре», — подумал я, возвращаясь к переволновавшейся за меня Женьке.

Глава 23

В понедельник 25 октября перед гостевым выездом на две спаренные игры, сначала в Москву со «Спартакoм», а затем в Челябинск с «Трактором», директор автозавода Иван Киселёв решил устроить команде встречу с заводским коллективом. Чтоб значит, мы осознали всю ответственность и посмотрели в глаза трудовому народу, которого на мякине не проведёшь. Под это дело в сборочном цеху в обеденный перерыв остановили конвейер. А нас, выдав новенькие робы, одели как на новогодний утренник, если вы, конечно, решили на него прийти в костюме Самоделкина, Винтика и Шпунтика.

— Теперь все посмотрите на себя в зеркало, — по-деловому прохаживаясь, сказал Сева Бобров, который от такого рабочего костюма настоятельно отказался. — Кому надоел хоккей, и кто иногда забывает, что такое спортивный режим, подводя своих товарищей, вот ваше ближайшее будущее.

— В будущем, Михалыч, — заметил я, — такую робу не дадут. Снимут с какого-нибудь вышедшего на пенсию товарища, прополоскают её с хлоркой и тогда уже торжественно вручат вместе с ключами.

— От квартиры? — Заинтересовался вероятным будущим Свистухин.

— С ключами для гаек разного размера, — тяжело вздохнул я, вспомнив своё недавнее прошлое.

А в заводском цеху собралось народу больше, чем на иной московский хоккейный матч, десять тысяч человек минимум. Для нас, руководства и спортсменов, соорудили помост, сколотив между собой ящики для заготовок, чтобы было лучше видно. Ну а чтобы было хорошо слышно, приволокли микрофон с усилителем и колонками. Первым взял слово директор автогиганта «ГАЗ» Иван Киселёв, который нам поведал, что план мы выполняем, смотрит в будущее, что должно быть прекрасным, смело и впредь не уроним почётное знамя советских строителей коммунизма. Затем Сева Бобров коротко поблагодарил рабочих предприятия за горячую поддержку на спортивных трибунах, и пожелал всем новых трудовых достижений. А потом посыпались неудобные вопросы.

— Вот свежий номер «Советского спорта», почему после первых четырёх побед посыпались ничьи? — Спросил вредный седой дяденька с передних рядов, протянув нам газету, где наше «Торпедо» имея игру в запасе, поместили на третью строчку из-за худшей разницы забитых шайб.

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Динамо (М.)	8	4	3	1	34 — 24	11
ЦСКА (М.)	7	4	2	1	36 — 25	10
Торпедо (Г.)	6	4	2	0	28 — 20	10
Химик (Вск.)	8	4	0	4	30 — 25	8
Крылья Советов (М.)	6	2	2	2	25 — 25	6

СКА (Лен.)	8	2	1	5	23	— 33	5
Спартак (М.)	7	1	2	4	20	— 27	4
Трактор (Чел.)	5	1	2	2	15	— 23	4
Локомотив (М.)	5	1	0	4	15	— 22	2

— Опыта пока маловато, команда у нас молодая, дерзкая, отсюда хромает стабильность результатов, — сухо ответил на вопрос рабочего Всеволод Михалыч. — Но как я и обещал, в этом сезоне в призах будем!

Обещание быть в призах, было встречено аплодисментами. Кончено, хлопали не так как товарищу Брежневу на очередном съезде КПСС, громко и продолжительно, зато от души.

— Тогда такой вопрос, — опять вылез тот же дядя. — «Спартак» в этом чемпионате стартовал плохо. Обыграете его дважды на выезде или как?

— «Спартак» команда мне не чужая, — начал издалека Сева Бобров. — Состав у красно-белых замечательный. Есть много игроков, которые играли за сборную СССР: Старшинов, Якушев, Шадрин, Зимин, Мартынюк, Паладьев, Витя Зингер! То, что «Спартак» начал неудачно чемпионат — это не показатель.

— Всеволод Михалыч! — Крикнул уже другой рабочий. — Ты не юли! Выиграете у «Спартака»? Да или нет? Защитите нашу честь или что?

В толпе раздалась смешки, шуточки и непонятные шепотки.

— Михалыч, дай я отвечу, — сказал я на ухо Боброву и сам протиснулся к микрофону. — Товарищи рабочие, передовики производства, ударники труда, а так же те, кто пока временно отстаёт, ответьте мне на такой вопрос — кто и где посягает на вашу честь? Если мы, допустим, сыграем вничью, то вас всех прямо у проходной поставят в неудобную позу и обесчестят или в другом месте?

— Это, смотря кого? — Брякнул кто-то и весь цех загоготал.

— Что такое честь страны? — Я поднял руку, призвав народ к тишине. — Честь страны заключается в том, чтобы народ в большинстве своём жил на недостижимой мировому уровню жизни высоте. Чтобы у каждого был дом или отдельная квартира, одна машина на семью, дача. Чтоб в городах и в сёлах была чистота, хорошие дороги и красивая архитектура, а в магазинах все продукты без очереди, чтоб каждый мог себе позволить съездить раз в год отдохнуть на море. И желательно не на море Лаптевых.

— Чтоб шубу можно было жене купить норковую! — Опять кто-то крикнул из толпы и все разом зааплодировали, как Генеральному секретарю ЦК КПСС.

— А что такое честь завода? — Я поднял руку, и все разом притихли. — Это когда продукция предприятия котируется по всему Миру. Чтоб купил человек нашу «Волгу» комфортно в неё сел и поехал, и чтоб в салоне она не гремела, как ведро с болтами, и чтоб не пахло в ней бензином и прочей гадостью. Чтоб горючка расходовалась экономно. И каждый мог с гордостью сказать — эту машину делал я. А мы, хоккеисты, должны играть так, чтоб нам не было за игру стыдно. Вот в этом и заключается честь, которую защищать ни от кого не надо. Просто работать нужно по совести. Я закончил, спасибо за внимание.

Вторая часть моей речи, про работу, судя по жидким аплодисментам, такого оглушительного успеха, как первая уже не имела. Из чего я сделал вывод, что хорошо жить хотят все, а вот работать не всегда.

— Ну, ты Тафгаев и оратор, — улыбнулся директор завода, когда мы в его кабинете сели пить чай с песочным печеньем.

Сева Бобров устроился за длинным столом рядом с самим Иваном Ивановичем

Киселёвым, ну и мы орлы «бобровские», разместились дальше по бокам.

— Кстати, как планируете выступить в четырёх выездных играх? — Задал уже надоевший вопрос Иван Иванович.

— Хорошо если наберём половину очков, — громко ответил я, сидя в самом конце стола. — А что я не прав? — Спросил я уже у Боброва. — С вашей помощью Иван Иваныч мы организовали на заводе экспериментальный цех, по изготовлению хоккейной продукции. Сейчас он завален коммерческими заказами на производство вратарских шлемов. А когда будут делать новую защитную амуницию нашим вратарям, нагрудники, налокотники и прочее?

— Меньше шайб пропускать будем, — поддакнул, хитро прищурившись, Сева Бобров.

— Я поговорю с начальником цеха, когда он из Финляндии вернётся, — промямлил директор завода.

— Вы ещё этому начальнику передайте, когда он вернётся из Суоми, если к празднику Великого октября, защитная амуниция для товарища Коноваленко не будет готова, я ему нос ноздрями в противоположную сторону разверну. — Я улыбнулся, представив, как бывший друг и сосед по комнате Василёк будет нюхать воздух не снизу, а сверху.

— Вы, Иван, — директор вдруг перешёл на «вы», — я надеюсь, сейчас выразились фигурально.

— И фигурально тоже, — хмыкнул я. — Или вот ещё, уже месяц талдычу, что производство клюшек должны наладить своё, скопировав весь процесс в Риге. Худо-бедно нам пока есть чем играть, но кроме нас существует горьковский «Полёт» из класса «Б», есть команды городские и областные, юношеские и детские. Далее хоккейные свитера пора делать из смесовых тканей...

— Ну, всё, всё, всё, — замахал руками Киселёв. — Не сразу Москва строилась.

— Так это Москва — огромный город. А свитера, кстати сказать, можно продавать болельщикам, — я решил директора дожать по-полной. — Сразу нанести на них номера и фамилии лучших игроков. Хорошие деньги можно заработать, да и мы не будем выглядеть, как бедные родственники в дырявой форме. Кстати, над дизайном нужно серьёзнейшим образом поработать. Особенно над выездным комплектом.

— Тафгаев, прекрати! — Цыкнул Сева Бобров. — Потом поговорим. А идея, между прочим, хорошая.

* * *

В завершении суетного понедельника вечером на базе «Зелёный город» собрались жены с детьми и подруги всех членов хоккейной команды. И пока одни торпедовцы жарили шашлыки и коптили рыбу, а детишки гонялись за кошками и котами, другие члены команды для клятвы верности уединились со своими жёнами в жилом корпусе.

Лично я сидел в столовой, за одни длинным столом с главным тренером Бобровым, с юниорами и ещё несколькими игроками постарше. Рядом со мной, положив мне голову на плечо, устроилась фигуристка Женя. С другой стороны налегал на мясо Боря Александров. С Алёнкой он почему-то сегодня поссорился. Напротив сидел, блаженно улыбаясь, Всеволод Михалыч, который, наверное, уже представлял свою встречу с семьёй. 26-го и 27-го октября у нас игры со «Спартаком», 28-го целый выходной день в Москве, а вот 29-го летим сразу в Челябинск в гости к «Трактору».

— Хорошо сидим, по-семейному, — сказал Бобров, косясь на вино, которое сегодня можно было только женщинам. — Как думаешь, хоть половину очков возьмём за четыре

выездные игры?

— У «Трактора» точно одну игру выиграем, а вот со «Спартаком» будет сложнее, — я налил себе и Женьке домашнего кваса из трёхлитровой банки. — Спартаковцы сейчас злые, драться будут до последнего. Все хотят в сборную попасть, чтоб на Олимпиаду поехать.

— Авторитетно заявляю, выиграем все четыре игры! — Встал, чуть пошатнувшись, пан Свистухин.

— Ты, Николай, квас себе больше не подливай, — охладил хоккеиста Бобров. — И бутылочку вина отодвинь подальше. И когда только успел?

— На заводе, мужики сказали, что минералка, обманщики, — махнул рукой Коля Свистухин и уселся обратно.

Тут двери в столовую распахнулись и, оглашая помещение громкими пронзительными детскими голосами, внутрь забежала с улицы группа мелких ребятешек, которых возглавляла дочка вратаря Коноваленко Оля:

— Папа, мы кошку поймали! — Заявила девочка, прижимая к себе затравленно озирающегося черного кота Фокса.

— Это кот, Фокс, — сказал, смачно икнув, пан Свистухин, — если вы его поймали, то нужно его покормить и отпустить, иначе удачи не будет.

— Да дети, отпустите животное, удача нам завтра очень понадобится, — пророкотал вратарь Виктор Коноваленко.

* * *

Дворец спорта «Лужники», который уже меньше чем через год на суперсерии с канадскими профессионалами разместит на своих трибунах почти пятнадцать тысяч человек, сегодня в рабочий вторник 26 октября собрал тоже не мало, около десяти тысяч преданных болельщиков «Спартака» и прочих нейтральных любителей спорта. Кто-то ещё перед игрой запустил невероятный слух, что, дескать я, Иван Тафгаев, буду бить защитника красно-белых Евгения Паладьева. На простой вопрос: «Зачем?», знатоки хоккея отвечали так: «Раз Тафгай бил Валерку Васильева из «Динамо», значит, пока всех не переколотит, не успокоится».

Однако пересечься с Паладьевым на льду мне не пришлось, не знаю, по какой причине, но главный тренер москвичей Юрий Баулин оставил лучшего защитника в запасе. Возможно, имело место быть общее недовольство результатами команды. Иногда у тренеров возникают такие мысли, что некоторые спортсмены их что называется «сливают», то есть выживают из клуба. Возможно, защитник получил микротравму. Кто его знает?

Но этот факт болельщиков не расстроил. Уже в первом периоде в первой же смене, когда я со своей пятёркой, в составе Гордеев, Куликов — защитники, а Александров и Скворцов — крайние нападающие, вышел на лёд, мы пропустили гол. Дело в том, что главный тренер «Спартака», выпустил против нас своё лучшее сочетание, нападающих Зимина, Шалимова и Якушева. Если Шалимову в центре площадки я сразу же врезал, тем самым намекнув, что сегодня будет «весело», а справа Зимина неплохо прикрыл Сашка Скворцов, то на левом фланге всё было грустно. Против высокого и реактивного Александра Якушева пришлось играть ещё очень молодому и неопытному Боре Александрову. Как известно — где тонко, там и рвётся. И примерно на тридцатой секунде Якушев прорвал наш «замок в средней зоне», и выскочив один на один, открыл счёт, 1: 0.

— Ничего, ничего, бывает, — успокоил «Малыша» на скамейке запасных Сева Бобров. — Время впереди ещё много, отыграемся.

— Времени, Михалыч, целый матч, и отыгаться успеем и проиграть, — сказал я Боброву, стоящему за спиной. — Намудрили мы с очередностью пятёрок. Нам неудобно против Якушева играть, а пятёрке Федотова неудобно против пятёрки Шадрина. Вон чё творится, — я кивнул на лёд, где спартаковские нападающие Мартынюк, Шадрин и Климов при поддержке своих игроков обороны прижали нас к воротам.

— Неудобно штаны через голову надевать, — цыкнул на меня Всеволод Михалыч. — Сейчас ребята разбегаются, освоятся и переломим...

«Чего переломим? Кого переломим? — думал я, бегая за Александром Якушевым в следующей смене, безответственно бросив в центре «своего игрока», Виктора Шалимова. — Смотрел я там, в будущем такой фильм, как «Легенда № 17», красиво его сняли, ничего не скажешь. Только почти всё переврали. Харламов — игрок великий, но против канадских профи лучше всех отыграл, точнее, отыграет, этот несносный «Як-15». Да и Анатолий Тарасов, который весь фильм якобы мечтал об играх с НХЛ, на самом деле боялся этих профессионалов как огня. Во-первых, он был против, чтобы на ЧМ 1970 года впервые в истории за сборную Канады выступили игроки с профессиональным статусом. А во-вторых, своей статьёй «Разве это хоккей?» в «Комсомольской правде», где он критиковал НХЛ, мог вообще угробить переговоры о Суперсерии 1972 года».

— «Малыш» Якушева цепляй! Цепляй, б...ь! — Крикнул я, когда «Як-15» опять прорвал наш «замок».

Хорошо, что судьи в этом 1971 году пока «сквозь пальцы» смотрят на мелкий фол, вот и сейчас Боря Александров лишь в последний момент притормозил прорыв реактивного спартаковца, зацепив его клюшкой за руку. Из-за чего нападающий красно-белых завозился с шайбой у левого борта и получил от меня хороший и смачный удар в корпус. Народ на трибунах возбуждённо взвыл, а «Як-15» обиженно посмотрел в мои честные глаза.

— Вставай Як, простудишься, — усмехнулся я и повёл свою пятёрку в атаку, которая, к сожалению, оказалась безрезультатной.

На первый перерыв в матче я шел, сильно запыхавшись, скрипя зубами от злости и весь мокрый от пота. Ведь первый период остался за москвичами 2: 1. По конец первой двадцатиминутки дальним броском отличился защитник «Спартака» Валентин Марков, и буквально через десять секунд от синей линии огорчил вратаря красно-белых Витю Зингера наш игрок обороны Серёжа Мошкарлов. А я же весь период только и делал, что бегал и бил Якушева, два раза уронил Шалимова и один раз посадил на лёд Зиминова. По этой причине сил что-то путёвое организовать в атаке не осталось.

— Михалыч, — я остановил на входе в раздевалку Боброва, пропустив вперёд всю остальную команду. — Перемен требуют наши сердца.

— Чего? — Не понял Всеволод Михалыч.

— Давай так, — я тяжело вздохнул. — Против пятёрки Шалимова выпустим Систухина и его весёлую компанию, я выйду против пятёрки Шадрина, а Федотов сыграет уже против слабойшей третьей пятёрки «Спартака», Гуреева вроде бы. И всем будет счастье.

— Зачем? — Упёрся главный тренер.

— Потому что мне в жизни неудобно делать две вещи, — я показал два пальца. — Это штаны через голову надевать и гоняться за реактивным Якушевым системы «Як-15». Или нам победа не нужна?

— Я правильно понял, что если внесу коррективы, то ты обещаешь, что победим? — Хитро усмехнулся Бобров. — Ты мне не юли, прямо скажи: да или нет?

— Отстоим честь завода, — пробухтел недовольно я, входя в воняющую едрёным мужским потом раздевалку.

Во втором периоде после смены очередности выхода пятёрки на лёд дела пошли веселее не только у меня, но и у всей команды. Принимать на корпус спартаковцев я стал меньше, зато играть больше. Кстати, тройка нападения красно-белых Зимин, Шалимов и Якушев обрадовавшись, что на площадку я теперь выхожу против других игроков, чуть-чуть расслабилась и пропустила шайбу от пятёрки Свистухина. Вновь дальний бросок защитника Мошкарлова достиг цели, сравняв счёт 2: 2.

А потом, наконец, заработала и моя «пионерская команда». Всё началось в центре поля, где я «продавил» очень крепкого и неуступчивого чемпиона мира Володю Шадрина. Ведь законы физики вещь упрямая, у меня вес тела под сто кг, у Володи под восемьдесят, и при столкновении двух разных весовых категорий отлетела та, которая гораздо легче. Поэтому Шадрин лишь взглядом смог проводить мою разрезающую среднюю зону передачу.

В шайбу как коршун вцепился Боря Александров и ворвался в зону атаки. Один из защитников «Спартака» отжал его к левому борту, но оттуда «Малыш» вернул шайбу мне. И я метров с десяти без какого-либо сопротивления, сделав короткий замах, и вытащив второго защитника на себя, отдал шайбу на пустой угол ворот Скворцову. И Сашке осталось лишь подставить крюк клюшки, чтобы загорелся красный фонарь за воротами москвичей, 2: 3.

— Что ж ты раньше не сказал, что тебе удобней играть против пятёрки Шадрина? — Не то всерьез, не то в насмешку спросил меня Сева Бобров, когда мы уселись передохнуть.

— Это значит Михалыч, у кого-то из нас склероз рассеяно прогрессирует, — улыбнулся я.

— Хорошо разыграли, — похвалил главный тренер моих юных партнёров. — Но надо ещё поднажать.

«Сказано поднажать, сделано поднажать», — подумал я, когда в следующей смене, отправил в контратаку Сашку Скворцова.

— «Малыш» помогай, помогай! — Крикнул я, сам устремляюсь следом за правым крайним нападающим.

Скворцов же войдя в зону атаки и ускользнув от столкновения с более мощным защитником москвичей, сместился в правое закругление хоккейной площадки. Затем в доли секунды оценив обстановку, запустил шайбу по борту дальше за ворота Виктора Зингера, где первым подобрал её Александров. «Малыш» тут же отдал в центр, а я в касание шмальнул по воротам. Однако шайба предательски звякнула в штангу и улетела бы далеко влево, но зацепив по пути игрока обороны «Спартака» плюхнулась куда-то на пятак.

Как пропихнул её в сетку более расторопный Александров, я не заметил, и лишь услышав громкий мат с трибун и вздох всеобщего разочарования болельщиков московской команды понял, что счёт уже 2: 4. И дело пахнет разгромом.

— Мишин, Федотов, Фролов, мужики, поднажмите ещё чуть-чуть, пятую бы забить, — сказал Сева Бобров, выпуская новое сочетание игроков на лёд.

Однако хоккеисты московского «Спартака» тоже не погулять вышли. Разозлившись на себя, и в том числе на нас, красно-белые взвинтили темп, мы же наоборот слишком уверились в свою удачу и, потеряв нити игры, несколько смен просто отбивались в защите. И опять нас огорчил «Як-15». На 30-ой минуте Якушев ловко ушёл от нашего нападающего оборонительного плана Вовы Смагина, и, прорываясь к воротам Коноваленко, был сбит защитником Мошкарковым, который неудачно попал клюшкой в конёк спартаковца.

А в численном большинстве отличился с подачи Шадрина Саша Мартынюк, кстати, тоже игрок сборной СССР и чемпион мира этого года. И электронное табло «лужниковского» дворца спорта показало пока ещё победный для нас счёт 3: 4.

В раздевалке перед последним третьим решающим периодом Всеволод Михалыч упрямо искал нужные для поднятия командного духа слова, но почему-то не находил. Так как за одну минуту до конца второй двадцатиминутки бедный Серёжа Мошкарров опять нарушил правила на Якушеве, а Володя Шадрин в численном большинстве счёт взял и сравнял, 4: 4.

— Михалыч, сматерись легче станет, — подсказал я выход из фонетического тупика, попивая горький грузинский чай.

— Вы что, литературный язык не понимаете? — Обиделся Сева Бобров. — Я говорю поднажать, а вы наоборот не поднажимаете. Мошкарров, едрён-батон, сегодня две шайбы умудрился забить, зачем же потом две банки привёз?

— Банки, между прочим, из-за Якушева залетели, — заступился я за нашего «героя» защитника. — Зачем вы Всеволод Михалыч, семнадцатилетнего Сашу Якушева в 64-ом году к себе в «Спартак» взяли? Сами же раскрыли талант, а нам теперь с ним мучиться. Так?

— Ты ещё игры с пражским ЛТЦ вспомни 1948 года. Чтобы в третьем периоде поднажали так, как надо, а не наоборот, — махнул рукой на нас главный тренер.

— Всё! — Я встал и бросил свои хоккейные краги на пол. — Всё! И всё! Показывай Михалыч какого из «Спартака» отправить в реанимацию? Какого из сборной СССР тебе меньше всех жалко?

Выражение перепуганного лица Севы Борова нужно было видеть, поэтому я, с трудом сдерживая смех, выдержал МХАТовскую паузу и загадочно посмотрел на притихших партнёров по команде.

— Вставай мужики, пошли с Москвой драться, — я мотнул головой, поднимая хоккеистов на последний и решительный бой. — Оросим каток красненьким.

— А ну охладись! — Гаркнул Сева. — В третьем периоде играйте спокойно, хрен с ней с победой.

«Если сказано играть спокойно, то играем спокойно», — усмехнулся я про себя, выигрывая в очередной раз вбрасывание в зоне атаки. Вообще хорошо начали третью двадцатиминутку. Либо я команду напугал, либо Сева, который перед выходом на лёд настраивал игроков действовать не так напористо, поаккуратней, чтобы команда обошлась без ненужных травм. Как итог первые пять минут борта просто трескали от силовой борьбы. Даже Толя Фролов, который никогда в силовые единоборства не лез, нагло кому-то двинул в корпус.

— Вы мне, что за ледовое побоище устроили? — Твердил на скамейке запасных Всеволод Михалыч. — Я ж сказал — не поднажимай!

— Потом, после игры поговорим Михалыч, — зло улыбаясь, ответил Коля Свистухин, решительно перемахивая через бортик.

В итоге на сорок шестой минуте наш напор принёс свои плоды. Красивую комбинацию разыграли Федотов, Мишин и Фролов. Последний закатывал шайбу под раздражённый свист трибун уже в пустые ворота, 4: 5.

— Что, не нравится?! — Помахал кому-то кулаком автор забитой шайбы, усаживаясь на скамейку запасных.

А ещё через смену два моих «пионера», Скворцов и Александров так лихо закрутили

кружева позиционной атаки, что у красно-белых голова закружилась. Поэтому в конце комбинации «Малыш» из-за ворот выкатил мне шайбу на такую позицию, из которой промахнуться было почти невозможно. Хотя я промахивался и из более выгодных положений, но не сегодня. Щелчок, шайба забила в сетке и красный фонарь за воротами печально вспыхнул.

Трибуны внезапно стихли видя такое серьезное игровое преимущество команды гостей, когда неутешительные для москвичей цифры 4: 6 высветились на электронное табло уже к пятидесятой минуте матча. Однако лишь произошла смена ворот в третьем периоде, как по взмаху волшебной палочки наш напор куда-то испарился и «Спартак», почувствовав силу, бросился отыгрываться.

Минуты три мы хоть и не без труда, но душили в средней зоне гусарские наскоки хоккеистов из команды героического римского гладиатора, пока не случилась небольшая авария. В жесткой борьбе у правого борта, в толчее Александр Якушев столкнулся с Колей Свистухиным. Кто прав был в данной ситуации, а кто нет, без видеоповтора разобраться было решительно невозможно. Поэтому судьи, дав свисток, остановили игру на тридцать секунд. За это время мы отвезли на свою скамейку запасных державшегося за плечо Николая, а спартаковцы помогли покинуть лёд Александру, который закрывал руками лицо.

— Плечо болит, — пожаловался Свистухин врачу команды Тамаре Иоффе.

— Остались мы с двумя центральными, — махнул рукой расстроенный Сева Бобров. — Тафгаев, сейчас будешь выходить в двух пятёрках. Ясно?

— Хоть в трёх, главное чтоб Коля у нас серьезно не сломался, — ответил я, посмотрев на время, что высвечивало электронное табло. — Нет, давай только в двух, семь минут я не потяну.

— Балабол, — пробубнил главный тренер и сам посмотрел на часы.

Самое обидное, сразу как возобновилась игра, пятёрка Федотова пропустила резкую контратаку от пятёрки Гуреева, он же и сократил разницу в счёте 5: 6. Народ на трибунах, который несколько минут назад «посыпал голову пеплом», взревел, требуя от своих любимцев: «Шайбу! Шайбу!». Ну а что играть ещё шесть минут, можно и победить. А когда на площадке появился Якушев с пластырем на лбу, то разом болельщики встали и криком, и свистом, и грубым мужским матом погнались «Спартак» добивать горьковское «Торпедо».

— Это, устал я чё-то, — сказал я Боброву, отыграв две подряд тяжелейшие смены, сначала за Свистухина, затем за себя.

— И? — Грозно глянул на меня Сева, когда присели отдыхать игроки звена Федотова за три минуты до конца матча.

— А давай музыкальную паузу попросим? — С мольбой посмотрел я на главного тренера. — Что нет таких правил? А на спортлото есть на «5 из 36»? И даже на «6 из 49»? Не везёт мне в лотерею, — пробубнил я, выкатываясь на лёд с партнёрами травмированного Свистухина, Смагиным и Шигонцевым.

Усталость настолько сильно сковала мои мышцы, что вбрасывание я безнадежно проиграл, поэтому со всей пятёркой откатился в свою зону защиты. А против нас разворачивали широкую красивую атаку мои старые знакомые по первому периоду: Зимин, Шалимов и Якушев при поддержке двух своих игроков обороны.

— Смага прижми Якушева, я помогу! — Крикнул я, смещаясь к левому борту.

Однако Якушев легко ушёл от Смагина и укатил в левое закругление, где вытянул на себя нашего защитника Мошкарвоа. «Сейчас прострелит на Шалимова и кабздец,

вынимай», — подумал я, быстро оглядываясь, где «мой» Виктор Шалимов. И точно Якушев заложил резкий разворот, так называемую «улитку» и, оставив Мошкарлова за спиной, выкатил шайбу под бросок своему центральному нападающему. И вдруг вратарь Коноваленко прыгнул вперёд, прерывая опасную передачу. Если бы промахнулся то, всё Шалимов оставался бы перед пустыми воротами. Но Виктор Сергеевич не промахнулся, и шайба от его клюшки отлетела ко мне. Я пропихнул её ещё дальше и стартанул из последних сил.

Защитники «Спартак» прозевали мой рывок и за секунду отстали от меня на три или четыре метра. Смотреть, где они там ковыряются, я не стал, все оставшиеся силы я вложил в этот рейд к воротам Виктора Зингера.

— Проманись, гад! — «Подбадривали» меня болельщики красно-белых.

— Витя держи! — Орала трибуны Зингеру.

Я чуть сбросил скорость перед воротами спартаковского голкипера, набрал в легкие воздуха, качнул вправо, ушёл влево, бросил и шайба вместо открытого угла ворот брякнулась в ненавистную штангу!

— Б...ь! — Заорал я, падая, оставив все силы в этом стремительном прорыве.

— Гооол! — Заблажили охрипшие глотки моих партнёров по команде через секунду.

Я повернул голову и действительно увидел, что шайба заползла в сетку. Наверное, отрикошетила от лежащего на льду Вити Зингера. И так стодится!

— Гол в ворота команды «Спартак» забил номер тридцатый Иван Тафгаев, счёт 5: 7 в пользу «Торпедо» из Горького. — Совершенно безучастным голосом объявил мою шайбу диктор по стадиону.

Кстати, за пять секунд до конца игры «Спартак» в лице неугомонного Александра Якушева забил нам шестую шайбу, но поздно спохватились игроки из команды прославленного в боях за свою свободу римского гладиатора.

— 6: 7, так и инфаркт раньше времени получить можно, — провожая нас в раздевалку, сказал Сева Бобров. — Тафгаев, а хорошая у тебя музыкальная пауза вышла! «Дзинь» об штангу на весь стадион, — Улыбнулся прославленный советский спортсмен, похлопав меня по плечу.

Глава 24

После нервного валидольного матча, блаженно развалившись за столиком ресторана «Юность», что находился на первом этаже нашей же гостиницы, я медленно потягивал молочный коктейль. Рядом расположилась неразлучная тройка юниоров. Слева Боря Александров, справа Саша Скворцов, а впереди, загораживая мне вид на ресторанных музыкантов, Вова Ковин, который всем своим видом вопрошал: «Когда я буду играть?».

— Володя, я тебе гарантирую, — я потёр чуть-чуть ушибленное плечо. — Если так же продолжишь прогрессировать, то от тебя основной состав никуда не уйдёт. У нас же Свистухин примерно на десять дней выбыл. Вот и цепляйся за шанс.

— Ты, Кова не обижайся, Боброву виднее — кому играть, — сказал Скворцов. — Он «Малыша» к нам в тройку поставил, я тоже сначала думал — ерунда, а ведь нет, так даже лучше стало. Как мы сегодня против хоккеистов сборной СССР сработали?

— Отлично разобрались, — поддакнул Александров, с шумом вытягивая через трубочку остатки молочного коктейля. — Если так будем всех рвать, то Михалыч и во вторую сборную возьмёт?

— Обязательно, — я чуть не подавился коктейлем от ребячьей наглости. — Коньки

точить, ключки носить и шайбы собирать. А я вам поджоппников надаю, чтобы от «звездняк» раньше времени мозги не помутились. Молодые ещё. Хотя, если подумать, во вторую сборную, пока не проводят молодёжных чемпионатов мира, можно вас и взять.

Когда речь зашла о реальных перспективах поиграть за вторую сборную СССР, на запасного Вову Ковина просто стало жалко смотреть. И по его лицу ясно читалось, парню очень обидно осознавать, что даже лучший друг уже не за него. К сожалению, в большом спорте такое случается. Дружба дружбой — а спортивные достижения врозь.

А тем временем на небольшой сцене музыканты, закончив инструментальную композицию, о чём-то принялись совещаться. Затем один из парней, одетый в концертный синий двубортный пиджак, вышел к микрофону и объявил:

— Сегодня у нас в гостях, прекрасная певица, юная солистка «Поющих гитар» Ирина Понаровская! Давайте её поприветствуем, друзья!

Раздались очень громкие аплодисменты, ведь сейчас для начала семидесятых «Поющие гитары» — это ансамбль номер один в СССР. Перефразируя дрессировщика Алмазова из «Укротительницы тигров», можно было сказать так, что «Поющие гитары» — это аттракцион! Это имя! Афиша, публика, касса!

И под авиации всего зала с ближайшего к сцене столика на сцену поднялась молоденькая чуть полноватая девушка в красном платье по колена с короткой причёской и встала к микрофону. В нулевые годы, в будущем я Понаровскую видел, что называется вблизи, на одной презентации с уже такой основательной «пластикой» на лице. Что поделать красота — это вещь проходящая. И если женщин, в стремлении искусственно продлить молодость, я внутренне всегда поддерживал, то мужиков, которые колют себе ботокс — презирал за трусость оставаться самим собой.

Кстати музыканты с Ириной Понаровской как раз и заиграли песню о «Неприметной красоте»:

Никто не приглашает на танцах,
Никто не провожает до дому
Смешную угловатую девчонку,
Тихоню и не модную совсем...

Кроме хоккеистов в ресторане сегодня отдыхали и другие гости Москвы, туристы, спортсмены из регионов, иностранцы, наверное, из Китая, и женщины определённой профессии, которой в СССР как бы официально не существовало. И вся эта разношёрстная компания ринулась на танцпол. Мои юниоры улетели первыми, далее потянулись и хоккеисты постарше, позабыв о тяжелейшей игре, что для возраста в двадцать с небольшим лет — нормально. А Понаровская красивым голосом продолжала петь:

Не заменит внешность
Губ приятных нежность,
Маленького сердца большую доброту...
Даже травмированный Свистухин ломанулся подрываться вместе с народом.

— Николай! — Одёрнул его я. — У тебя же плечо больное!

— А я плясать буду ногами, а не плечами, — хмыкнул нападающий.

— Только попробуй через восемь дней не выздороветь! — Погрозил я кулаком вслед «безбашенному» пану Свистухину.

Взамен же умчавшихся танцевать юниоров за столик подсели, возбуждённые долгим спором, тренер вратарей Саша Котомкин и второй тренер Боря Чистовский, которого

сегодня за старшего оставил, уехавший к семье Сева Бобров.

— Кого думаешь, завтра против «Спартака» вместо Свистухина в центр третьей тройки нападение поставить? — Спросил почему-то меня Чистовский.

— Ничего не думаю, — пожал я плечами. — Можно конечно универсала Смагина, но тогда за Якушевым бегать будет некому. Поэтому в центре играть придётся Жене Шигонцеву.

— А может, молодых там попробовать, Доброхотова или Ковина? — Посмотрел на меня с надеждой на чудо Котомкин. — Или есть ещё вариант тебе самому в двух пятёрках отыграть.

— Мужики, отвалите а, дайте музыку послушать, — махнул я рукой. — Как Сева Бобров скажет, так и будем действовать, чего сейчас голову засорять? И вообще утром лучше соображается.

— Не серьёзный ты человек, Тафгаев, — обиделся Боря Чистовский. — Некогда утром нам соображать, вечером уже игра! Думать надо!

— А я говорю, Доброхотова воткнуть в центр и всё! — Заладил Котомкин.

— Отвалите от греха! — Я схватил в правую руку вилку. — Я салат сейчас кушать хочу!

Угроза вилкой и салатом возымели действие, и недовольные беседой со мной Чистовский с Котомкиным убрался за свой тренерский столик. А музыканты, поблагодарив юную певицу, продолжили выступление уже зарубежными хитами. Не знаю почему, но сейчас наибольшим шиком на танцах и в ресторанах считалось перепивать репертуар ливерпульской четвёрки «Битлз». Вот и эти ребята грянули «Yesterday» на нашем великом и могучем языке, на языке Пушкина, Лермонтова и Толстова Льва.

Я вчера...

Думал жизнь весёлая игра.

Но теперь ушла удача в тень.

О где же ты, вчерашний день?

«От таких стихов все отечественные классики в гробу, наверное, завертелись», — подумал я, высматривая, где там мои «пионеры», не рановато ли им с барышнями в медленных танцах обжиматься?

— Пригласите даму танцевать, — вдруг предложила мне женщина с серьёзным боевым раскрасом на лице, при этом обдав меня жутким табачищем.

«С проститутками не танцую, даже если они и валютные путань», — чуть не вырвалось у меня, но оскорблять даже таких женщин лично мне всегда было неприятно, поэтому я высказался более дипломатично:

— Извините, я уже обещал танец другой девушке.

— Кому? — Зыркнула глазами по сторонам «ночная бабочка».

«Гони её, она не комсомолка», — заворчал голос в голове.

«И без тебя знаю, верный ленинец», — ответил я голосу.

— Вон там, с той барышней договорился, — я махнул неопределённо рукой в сторону сцены и встал, подумав, что сейчас сделаю пару шагов и вернусь обратно, когда эта «бабочка» успокоится.

Но не тут то было, путана, прицепившись словно репей, пошла следом. Я же стал лихорадочно высматривать — кого бы попорядочней пригласить? И вдруг навстречу поднялась из-за столика юная певица Ирина Понаровская.

— Извини Ирина, — громко сказал я, чтобы услышала проститутка за моей спиной. —

Я чуть задержался, но, как и обещал этот танец твой.

Далее я схватил смущённо улыбающуюся девушку за руку, и увёл от, скрипящей зубами, путаны на просторную овальную танцевальную площадку, где медленно кружилось множество пар.

— Вы мне ничего не обещали, и я вам тоже, — пробормотала девушка, высматривая за столиком своих друзей.

— Я знаю, просто валютная «бабочка» прицепилась, мало ей наших иностранных товарищей, — я оглянулся убедиться — стоит та размалёванная женщина или нет. — Вы извините, я вас через минуту верну туда, где взял. — Сказал я, так как путана упрямо меня караулила.

— Хорошо, — улыбнулась певица, поняв, в чём дело. — А вы такой большой, потому что спортсмен?

— Я большой, потому что таким родился, но и со спортсменом вы попали в «яблочко». — Я снова посмотрел на «ночную бабочку», которая вела себя крайне странно. — Я хоккеист горьковского «Торпедо».

— Знаю, вы сегодня «Спартак» обыграли, — похвасталась Понаровская. — Мои друзья целый вечер об этом и говорят. Какой-то там у вас игрок новый появился, Тафгай, кажется, ребята говорят, всех спартаковцев перебил.

— Есть такой, — я улыбнулся, впервые посмотрев на юную восходящую звезду, о которой все заговорят после конкурса в польском «Сопоте». — Иван Тафгаев — это я, только я никого не бил, то была обычная мужская жёсткая игра.

Друзья, с которыми Ирина Понаровская пришла в «Юность», оказались двумя музыкантами из ВИА «Поющие гитары», один — пианист Григорий Клеймиц, а другой — бас-гитарист Евгений Броневицкий. Ребята из ресторана, что играли весь вечер на сцене, специально их пригласили, чтобы показать своё творчество и спросить мудрого совета — как попасть на «большую сцену»?

— Как попасть на «большую сцену»?! — Горячился пианист «Гитар» Гриша Клеймиц, когда я провожал музыкантов по набережной Москвы реки в гостиницу «Россию», где у них было запланировано в ближайшие дни несколько концертов. — Да никак!

Так-то ребята хотели сначала уехать на такси, но Ирина Понаровская закапризничала, и захотела прогуляться пешком под луной, которая иногда проглядывала из-за туч. Тем более с таким провожатым как я, опасаться музыкантам было нечего.

— Почему никак? — Заинтересовался я. — Вот мне, чтобы в сборную попасть, нужно просто хорошо играть, отдавать и забивать. Главные тренеры сборной не враги сами себе.

— А я об этом и говорю, — ответил Клеймиц, — ты играй как «Битлз», и никакой протекции тебе не потребуется.

— Вот по поводу «Битлз» я бы поспорил, — хмыкнул я. — На прослушивании у Брайна Эпштейна «битлы» лабали «Бесаме Мучо»! То есть у них не было ни одной своей стоящей песни. Да сейчас таких «битлов» даже слушать бы не стали, ведь брэнчать на гитарах все умеют.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать? — Удивился Женя Броневицкий.

— Есть такое подозрение, что кое-кто подобрал на улице в целом неплохих артистичных ребят, написал им все главные хиты, вложил кучу денег в раскрутку, причёсал, придел и теперь мы имеем легенду всех времён «Битлз». — Выдохнул я. — Ну не верю я, что парни без классического музыкального образования сочинили такие сложные почти

симфонические мелодии, как «Yesterday», «Michelle», «Let It Be», «Here, There and Everywhere».

— Ты что старик, отрицаешь, что обычные ребята с улицы могут писать музыку? — Опять разгорячился пианист Клеймиц, у которого, между прочим, отец преподавал в консерватории.

— Почему могут, вот например, — я прокашлялся и заблеял, как козёл в брачный период. — Бутылка кефира пол батона, а я сегодня дома, ля-ля-ля-ля.

Простенькое творчество группы «Чайф», которое «зайдет» молодежи из девяностых, сейчас у музыкантов семидесятых вызвало гомерический хохот, потому что всему своё время.

— Давай будем прощаться, — протянул мне руку Броневицкий, — вон наша гостиница, горит как новогодняя ёлка.

— Удачных гастролей, — пожал я руку парями из «Поющих гитар».

Только Ирина Понаровская немного задержалась и спросила:

— Мы ещё увидимся?

— Не знаю, 20 ноября вроде бы к вам в Ленинград приезжаем, будем биться за очки со СКА, — улыбнулся я и добавил, — беги, вон, как Гриша Клеймиц нервно смотрит, кося ревнивым взглядом.

Девушка тихо хохотнула, развернулась и шустро посеменила догонять своих музыкантов. Я же, тоже развернувшись, потопал в обратную сторону, мне предстояло прошагать ещё пять километров до своей гостиницы «Юность». Кстати во время пути под тусклым из-за облачности звёздным небом можно было и спокойно порассуждать, кем заменить Свистухина в завтрашней игре. Однако ни нормально подумать, ни далеко уйти мне не дали. Где-то через десять минут дорогу преградил, какой-то слишком поздний рыбак в брезентухе с капюшоном и что самое странное без удочек.

— Я уж думал не судьба нам побазарить тет-а-тет, — ухмыльнулся он противной и очень знакомой рожей. — Варьке дуре зря денег дал, чтоб она тебя из гостишки вытащила, сам пришёл.

— Чё надо? — Я двинулся на «рыбака». — Закурить, чтобы в глаз дали, или время желаешь узнать, чтобы в ухо прилетело? А может тебя интересует, как пройти в библиотеку, чтобы в Москве искупаться?

На все мои вопросы высокий мужик, который, кажется, несколько дней назад в Горьком тыкал в меня ножичком, вынул из-за пазухи свёрнутую газетку и, резко размахнувшись рубящим ударом, опустил её на мою голову в шляпе. Блок левой рукой я выставил автоматически, похвалив себя за здоровый образ жизни, но почувствовав сильную боль от удара в предплечье, обругал за тупость. Ведь в печатном средстве массовой информации был спрятан самый обыкновенный обрезок стальной трубы, который с характерным звуком брякнулся на асфальт.

— Убью тварь! — Прошипел я, выбрасывая правый прямой в челюсть.

Но «рыбак» итак предполагал, что если что-то пойдет не по плану, его будут убивать, и, не теряя ни секунды, помчался вдоль набережной, получив от меня лишь вскользь.

— Молись Бафомету тамплиер недожаренный! — Гаркнул я, настигая своего обидчика.

— Хер тебе! — Выкрикнул в ответ бандит, петляя по набережной.

«Ещё маленько, ещё чуть-чуть и достану», — думал я, как вдруг «рыбак» ломанулся на проезжую часть и тут же «встретился» с не успевшим затормозить автомобилем «Москвич».

Глухой удар, запоздалый скрип тормозов и жизнь бандита мгновенно разделилась на до и после. До — жилось весело и куражно, когда сам чёрт не брат, а после — судя по вяло шевелящемуся телу, инвалидное кресло дураку гарантировано.

* * *

В понедельник 1 ноября, на горьковском автомобильном заводе весь обеденный перерыв то тут, то там возникали жаркие споры среди рабочих, поводом которых становилось неровное выступление любимой команды. После победы 26 октября в первой спаренной игре над московским «Спартаком» торпедовцы ненадолго возглавили турнирную таблицу, но затем последовали: обидное поражение от «Спартака» 27 октября со счётом 4: 3, и ещё более обидная ничья 31 октября с челябинским «Трактором», 5: 5. И в свежем номере «Советского спорта» во вновь опубликованной турнирной таблице чемпионата СССР горьковчане рухнули на третью строчку:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Динамо (М.)	10	5	4	1	42 — 28	14
ЦСКА (М.)	9	5	3	1	42 — 32	13
Торпедо (Г.)	9	5	3	1	43 — 35	13
СКА (Лен.)	10	4	1	5	31 — 35	9
Химик (Вск.)	10	4	0	6	36 — 34	8
Крылья Советов (М.)	8	3	2	3	34 — 29	8
Спартак (М.)	9	2	2	5	30 — 37	6
Трактор (Чел.)	7	1	3	3	20 — 32	5
Локомотив (М.)	8	2	0	6	23 — 33	4

— Всё, спёкся Ванька Тафгаев, забухал, — заявил мастер ремонтно-инструментального цеха Сергей Ефимович, сидя в заводской столовой и просматривая ненавистный ему, человеку далёкому от физкультуры, «Советский спорт».

— С чего это ты взял Ефимыч? — Насторожился фрезеровщик Данилыч, который сегодня решил вместе с другом Казимиром пообедать не в маленькой укромной подсобке, а здесь с народом, чтобы обсудить родное «Торпедо». — Иван же в основном составе состоит, значит, не пьёт. Неужто Сева Бобров его пьяного на лёд выпускает?

— Хосподи, — усмехнулся мастер цеха, — я же вас с запашком, да с похмела, да с пьяных шаров допускаю к станку. Вот и Бобров Ваньку пускает для количества. И вообще, бывших алкоголиков не бывает. — Ефимыч сложил газету и презрительно бросил её на стол. — Ещё летом Тафгаев, окосев от спирта разбавленного, и где вы его только находите, жёг ради забавы свои рабочие штаны. А сейчас, ну надо же, звезда спорта. Чушь!

— Ты Ефимка рот-то закрой, пока я тебе зуб золотой не выбил, — зашипел Казимир Петрович. — Иван если сказал, что больше не пьёт, значит, так и будет. У него стержень в характере настоящий.

— Знаем, какой у Тафгая стержень, — криво усмехнулся рабочий за соседним столом. — Особенно врачиха, вон стоит, фря какая.

И действительно в очереди на раздачу, читая «Советский спорт» стояла в белом халате Ольга Борисовна Ладина медсестра самых приятных женских форм из медпункта. Она так была поглощена чтением статей о 26-ом хоккейном чемпионате СССР, что не обращала ни на кого внимания.

— За две последние игры ваш Тафгаев ни одной шайбы не забил, ни одного паса результативного не отдал, зазвездился, — продолжил трудящийся за соседним столиком. —

И машину ему дали, и зарплату положили не чета нашей.

— Завидуешь! — Выкрикнул Казимир. — Тогда получи!

Высокий, жилистый и худощавый, но уже не молодой фрезеровщик Казимир Петрович махнул справа, сильно сжатым кулаком, и опрокинул ненавистного заводчанина лицом на стол прямо в недоеденный «Зимний» салат.

— Бей его Казимир, я сбоку прикрою! — Бросился в драку невысокий и тщедушный Данилыч. — Кто ещё против Ваньки Тафгаева — подходи!

Но не найдя того, кто поблизости уступал ему в габаритах, фрезеровщик саданул мастера цеха Ефимку по носу, из которого тут же хлынула кровь. Однако дальше похулиганить друзьям Данилычу и Казимиру Петровичу не дали, на них быстро налетели коллеги, обедающие тут же в столовой, скрутили руки и вытолкали, надавав подзатыльников, в коридор.

— Слышь, Казимир, а может Иван и в самом деле загулял? — Спросил Данилыч, остановившись около плаката о вреде пьянства на производстве, при этом потирая ушибленный в толкотне глаз.

— Ерунда, даже Харламов не в каждой игре забивает, — махнул рукой довольный собой в проведённом коротком бою Казимир Петрович. — Сегодня вечером наши в Челябинске вторую игру с «Трактором» гоняют. Вот сегодня он себя точно покажет, я в этом уверен. Помнишь Иван у нас в коморке как-то траванулся?

— Ну, было дело, — подтвердил «воинственный» фрезеровщик, что-то такое смутно припоминая.

— Вот с того момента, его как подменили, не таким стал Ваня Тафгаев, — сказал улыбнувшись Казимир. — Мы ещё им в будущем гордиться будем. Помяни моё слово.

— Помяну, если доживём, — хмыкнул Данилыч, щупая наливающийся синяк под глазом.

* * *

Перед второй игрой с челябинским «Трактором» в раздевалке рядом со мной присел озадаченный Сева Бобров и спросил:

— Врач Тамара Михайловна говорит, что ты отказываешься делать обезболивающий укол в предплечье. В чём дело?

— Хватит, две игры уже в холостую отбегал, — ответил я. — После укола левая рука ничего не чувствует и не слушается, ни отдать, ни обыграть не могу. Пусть лучше болит, но работает, как в инструкции по применению написано, чётко и точно.

— Понимаю, — тяжело вздохнул Сева. — Меня в 46-ом году киевский защитник «Динамо» Лерман так саданул по колену, что я до конца спортивной карьеры бинтами эластичными его крепил, да обезболивающие колол. Ещё посоветоваться хотел, может нам Сергеича в воротах заменить?

Я посмотрел на Коноваленко, который невозмутимо переодевался, как всегда на своей волне, как будто вокруг никого и ничего не существовало. Поэтому по внешнему виду Виктора Сергеевича понять было невозможно, что у человека внутри делается.

— Конечно, пора ему отдохнуть, — согласился я. — С «Динамо», где мы 4: 3 проиграли, с десяток сложнейших шайб потащил, поэтому с «Трактором» вчера в третьем периоде и не хватило концентрации. Пусть Вова Минеев сегодня попотеет, зря ему что ли на заводе зарплату в кассе выдают?

Что собой представлял сейчас в 1971 году хоккейный Челябинск? Да, по сути, то же что

и Горький. В городе хоккей — это настоящая религия, возвращенная вокруг промышленного гиганта ЧТЗ, челябинского танкового, то есть тракторного завода. Но была и небольшая разница, у Горького уже есть серебро чемпионата СССР 1961 года, а «Трактор» вырвет свою бронзу лишь через несколько лет в 1977 году.

И почти все таланты, что раскроются в Челябинске к концу семидесятых, благополучно будут собраны Виктором Тихоновым в ЦСКА. Защитники: Сергей Бабинов и Сергей Стариков, нападающие: Сергей Макаров и Вячеслав Быков, и вратарь Александр Тыжных, вечный дублёр Третьяка. А в 1986 году ко всей этой челябинской банде подъедет молодой Евгений Давыдов. Да, ещё Пётр Природин в 76-ом станет партнёром Мальцева и братьев Голиковых в московском «Динамо», а вратарь Сергей Мыльников на два года съездит отдать армейский долг Родине в ленинградский СКА.

Но это дела недалекого будущего, а сегодня против нас на лёд стадиона ЧТЗ под открытым небом, где собралось десять тысяч человек, вышли «местные звёзды» дней сегодняшних, которые тоже кое-что в хоккее умели. Это лучшая пара челябинских защитников: Володя Суханов и Коля Макаров, и первая тройка нападения: Валера Белоусов, Толя Картаев и Петя Природин. В дополнение главный тренер «Трактора» Виктор Иванович Столяров, которого почему-то хоккеисты прозвали «Бригадир» на ворота выпустил молодого паренька Лёню Герасимова, который ещё год назад играл за «Звезду» из Чебаркуля.

— Давайте мужики не подведите, — настраивал нас по-простому перед выходом на площадку Сева Бобров. — Сегодня обязательно два очка нужно взять.

— Правильно говоришь Михалыч! — Подбодрил я главного тренера. — Но есть встречное предложение взять сегодня не два очка, а сразу три! Кто за?

— Лучше уж сразу четыре, — под гогот всей команды предложил капитан Лёша Мишин.

— Очень смешно, — немного обиделся Бобров. — Не опарафиньтесь как вчера, хоккеисты.

Забитый под завязку стадион ЧТЗ был точной копией нашего автозаводского стадиона, даже проглядывающая между трибунами серая пятиэтажка напоминала мне мою родную общагу из Горького. И табло, кстати, было аналогичным, механическим, где меняли цифры забитых шайб вручную.

«А менять сегодня наверняка придётся много», — подумал я, когда лидер челябинских атак Толя Картаев на 12-ой и 14-ой минутах отгрузил нам две безответные банки. «Поплыл» перед ревушими и переполненными трибунами наш молодой вратарь Вова Минеев. После стартовых 2: 0, на Севу Боброва стало жалко смотреть. Наш рулевой сгорбил, осунулся, присел на край скамейки запасных рядом с травмированным Колей Свистухиным и грустными немигающими глазами уставился на лёд.

— Мишин! Комсорг! Капитан! — Окрикнул я Лёшу Мишина, — Давай очередность пятёрок изменим. Я с пионерами выйду сейчас против звена Картаева, ты со своими против Коли Беца, а Шигонцев, Смагин и Доброхотов против третьей пятёрки «Трактора», не могут они Картаева сдержать.

— Давай, пока Михалыч не видит, — согласился капитан команды, покосившись на Всеволода Михалыча.

И не откладывая перемены, до тех пор, пока рак на горе не свистнет и пока рыба не запоёт, в следующей же смене я выехал с Александровым и Скворцовым против первой пятёрки челябинской команды. Вбрасывание у Толи Картаева я выиграл более чем уверенно,

так как к 16-ой минуте матча к боли в левой руке уже привык, и на подобные пустяки не отвлекался.

— «Малыш» играем скрест! — Успел я скомандовать, прежде чем получил обратную передачу от защитника Саша Куликова.

Затем я резко ударил плечом в корпус опекающего меня Картаева и, уронив его на лёд, всем своим видом показал, что сейчас отдам на левый борт Александрову. Но в последний момент я заметил, что к нашим комбинациям «Трактор» приспособился и уже ждал передачу на «Малыша», поэтому я неожиданно бросил в прорыв Скворцова по правому краю. Сашка легко улетел от своего опекуна Петра Пригодина, ворвался в зону атаки и откатился в правое закругление. И пока его как следует не помял здоровенный Вова Суханов, Скворцов мгновенно отпасовал на накатывающего следом по левому борту Александрова. Бросок в касание и юный вратарь «Трактора» Лёня Герасимов в красивом прыжке отбил шайбу прямо перед собой.

«Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, — тихо под нос пробурчал я, раскидывая всех на своём пути к шайбе. — Заполучи Герасимов за миелофон!» Щелчок по воротам и шайба раненой птицей затрепыхалась в сетке!

— Ууу! — Разочарованно выдохнули челябинские любители хоккея.

— Тафгай молодчик! — Гаркнул от ботика капитан Лёша Мишин.

«Ну, наконец-то, прорвало, забил после двух безголевых игр», — подумал я, принимая поздравления своей пятёрки.

А в следующей же смене пятёрка Федотова, с защитниками Астафьевым и Фёдоровым сзади и крайними нападающими Мишиным и Фроловым испортила настроение местной «торсиде» окончательно. Фёдоров мощно щёлкнул от синей линии, а Лёша Мишин добил шайбу уже в пустой угол ворот «Трактора».

В перерыве после первого периода Сева Бобров посмеиваясь, прошёлся по раздевалке и укоризненно посмотрев на меня с Мишиным, сказал:

— Я в принципе так и планировал пятёрки местами поменять. Но в следующий раз попрошу без партизанщины и махновщины. Устроили мне здесь анархию — мать порядка.

— Не, не, — не согласился я, вытирая полотенцем пот. — Ты, Михалыч, нас не путай, это самый что ни на есть демократический централизм в действии. Ты только подумал, а мы же воплотили.

— Чего воплотили? — Заинтересовался беседой травмированный Свистухин.

— Сказку воплотили в пыль, — я хлебнул горячего чая. — Вчера вели пять два, а сыграли пять пять. Мужики, давайте сегодня обойдёмся без валидола.

— Да, да, с лекарствами сейчас в стране напряжонка, — поддакнул Бобров. — Я ещё пожить хочу.

Однако как мы ни старалась сломить сопротивления упрямых челябинцев, за десять минут до конца встречи счёт вновь стал равным 4: 4. Сначала во втором периоде отличились наши Мишин и Федотов, доведя разницу до двух шайб, 2: 4. А вначале третьей двадцатиминутки Пётр Природин и Геннадий Цыгуров все усилия свели на нет.

— От Челябинска до Праги нету лучше нашей браги, сколько лет Суханов пьёт, шайбу он свою забьёт! — Весело горланили болельщики «Трактора» требуя забитой шайбы от своего любимца защитника с могучим броском Владимира Суханова.

Я же с этим Сухановым уже пару раз чуть-чуть не помахался. Одно сдерживало, новую дисквалификацию за драку могли вляпать, поэтому я от злости сжимал кулаки и терпел.

— Что ж вы мужики делаете? — Укорял нас Сева Бобров перед последней десятиминуткой, — Вторую игру подряд не вытягиваете. Понимаю, тяжело даются две спаренные игры подряд с перелётом Москва — Челябинск, но нужно ещё поднажать.

— Мы Михалыч поднажмём, но потом, дома на диване с газеткой, и в санузле поднажмём, — сказал я громко для всех. — А сейчас выходим и ломаем.

— Что? — Растерялся Боров.

— Всё! — Бросил я, вылетая на искусственный лёд, когда его немного привели в порядок, так как при двух градусах мороза он почему-то странно стал подтаивать, препятствуя быстрой комбинационной игре.

— Тафгай! Только чтобы в пределах правил советского хоккея! — Погрозил мне пальцем в спину Всеволод Михалыч.

— «Мальш», Скворец, — шепнул я своим партнёрам по тройке нападения. — Играем попроще, без фантазий, заброс в зону, расстановка, наброс на пятак. А то лёд как чёрте что.

— Мы в Усть-Каменогорске его тоже подтаивали, когда против лидеров играли, — ухмыльнулся Боря Александров. — Известное дело.

«Конспираторы хреновы», — выругался я про себя, встав на точку в центральный круг вбрасывания напротив Толи Картаева.

— Правда, что вам по восемьсот рубликов каждый месяц отваливают? — Спросил я его.

— Кто сказал? — Картаев от такого вопроса даже вздрогнул.

«Да никто», — ухмыльнулся я, выигрывая ничейную шайбу.

— Картай не спи, б...ь! Догоняй тридцатку! Догоняй её, мать твою! — Заволновался на своей скамейке запасных главный тренер челябинских хоккеистов. — Сухан не пускай тридцатого, б...ь, на пятак! — Орал, предчувствуя беду «Бригадир». — Дай ему, б...ь, как следует! Макар, б...ь, убери тридцатку с пятака, если Сухан нихера не может! Мать твою! Да, б...ь, что вы творите?! Твою мать! Сука! — Хлопнул себя ладонью по лбу Виктор Иваныч Столяров.

Когда красный фонарь зажегся за воротами челябинских «трактористов», то лично я не испытывал никакой радости от своей второй заброшенной шайбы. Руки чесались набить наглые физиономии защитников, которые безнаказанно обстучали мне клюшками ноги, бока и спину во время непродолжительного боя на пятаке.

— Тафгаев прекрати! — Заблажил от нашей скамейки Сева Бобров, заметив, как наливаются кровью моё лицо. — Даже не думай!

На смену я приехал мрачнее тучи и молча плюхнулся на лавку перевести дух. Немного обрадовало то, что на табло мы вновь повели в счёте, 4: 5. Но кулаки просто горели. Если Коля Макаров хоть как-то пытался действовать по правилам, то Суханов лупил на поражение.

— Иван, нужно довести игру до победы и без драки, пожалуйста, — из-за спины попросил Бобров.

«Без драки, без драки, меня бьют, а я, значит, крепчать обязан?» — ругался я про себя, выходя на ужасный лёд за две минуты до конца игры. И хорошо, что после вбрасывания, нам удалось секунд двадцать покатавать шайбу в средней зоне, я немного успокоился, разбежался и унял боевой зуд в кулаках. А дальше с «пионерами» мы вновь разыграли ту же простейшую комбинацию, заброс шайбы в левое закругление, расстановка в зоне атаки, и я опять автоматически влез на пятак.

Мат и ругань, удары клюшкой и локтями, вольная борьба переходящая в регби, и даже в

такой нервной обстановке мне удалось откинуть шайбу на пустой угол Сашке Скворцову, который под занавес матча похоронил интригу в игре 4: 6. И вдруг после свистка я получил смачный удар со спины в ухо. Каска моментально отлетела куда-то в сторону. И уже никого и ничего не слыша и не слушая, я ухватил за грудки Суханова, который тоже был не маленьких размеров. Может чуть меньше и легче меня, но кабан здоровый. Первые удары по своему корпусу я пропустил намеренно, чтобы показать один заокеанский фокус-покус. Я резко поднырнул вниз, и свободной правой рукой ухватившись за нижний край хоккейного свитера, дернул его вверх. Не знаю, что почувствовал Суханов, оказавшись с головой внутри своей фуфайки белого цвета с большой буквой «Т» на груди. Но махать кулаками, в таком странном положении было невозможно. Зато я мог сделать с забиякой защитником, что угодно.

— Не вздумай! — Орал всегда выдержанный Сева Бобров грозя мне кулаком.

Болельщики, ожидавшие жёсткой расправы над своим любимцем, притихли, а я покатил такой куль на коньках напрямик к «Бригадиру», к скамейке запасных челябинского «Трактора».

— Тут мальчик потерялся, кажись вашинский, — зло улыбнулся я. — Бойкий мальчишка, вы за ним присматривайте, и ещё на досуге почитайте ему Володю Маяковского «Что такое хорошо, а что такое плохо?».

Глава 25

После тяжелейшего выездного турне в Москву и Челябинск во вторник 2 ноября в своей комнате на базе «Зелёный город» хотелось как можно больше поваляться в кровати и поспать. Но и Женьку, по которой соскучился, тоже обнять хотелось. И разрываясь между двух огней, расслабляющим сном и прекрасной симпатичной девушкой, я выбрал третье — кормёжку заскучавших по мне котов, перед тем как съездить на тренировку группы фигуристов, где занималась моя девушка. Кстати домики хвостатых разбойников мы уже перенесли в различные жилые корпуса. Например, в моём корпусе установили сразу три кошачьих жилища. В одном из них только почуяв мой запах, громче всех замяукал и довольно заурчал Фокс, большой и черный как смоль котяра.

— Всё, обжорная команда, следующая кормёжка вечером, — я отряхнул брюки своего нового костюма от кусочков кошачьей шерсти. — А то, пока вы здесь сытые дрыхните, мышцы совсем страх потеряли. Как сказал Ленин: «Кто не охотится, тот не ест». Ясно?

На улице при температуре в ноль градусов Цельсия я минут пять прогревал свою боевую колесницу с гордым именем «Победа». Ладно, хоть она завелась с третьего раза. Интересно, как я на этом антиквариате буду передвигаться зимой? Наверное, никак. И выбор у меня оставался небольшой — либо запрягать в неё тройку вороных лошадей, либо искать тёплый гараж.

Во дворце спорта «Торпедо», по нам, хоккеистам, и в частности по мне тоже соскучились. Сначала вахтёр долго жал руку за хорошую игру, затем долго ругалась вредная техничка, за то, что я натоптал в коридоре пол своими грязными ножищами, а потом с громким визгом меня встретила вся старшая группа лучших горьковских фигуристок. И отдельно на мне немного повисела Женька. Приятно приезжать домой.

— Я смотрю, Людмила Максимовна «удочкой» моей вы не пользуетесь, — покивал я главному тренеру фигуристок девчонок на то, что такой ценный реквизит пролёживает без дела за хоккейным бортом.

— А у меня спина не железная, чтобы взрослых девок на «удочке» таскать, — не глядя

на меня ответила тренерша. — Смирнова, куда, твою за ногу, едешь?! Корпусом работай, твою так! Ребро держи!

В это время на катке все одиннадцать воспитанниц Людмилы Максимовны чертили коньками какие-то заковыристые фигуры. «Упражнение наверно на координацию движений», — подумал я и снова обратился к главной тренерше:

— Давайте пока у меня сегодня выходной, я удочку потаскаю. Чего они ерундой занимаются, когда на носу чемпионат СССР и Олимпийские игры. Нужно же программы накатывать, а не эти восьмёрки нарезать.

Женщина, посмотрев на меня, как на врага всего прогрессивного фигурного катания, спросила:

— Ты вообще фигурное катание, когда в последний раз смотрел?

— В нулевые и десятые, но не часто, — ляпнул я. — То есть очень давно. Я даже пару раз ездил на... В общем, кхе. Живьём видел выступление лучших спортсменов и спортсменок.

— Обязательные фигуры — это важная часть соревновательной программы, — объяснила мне, дилетанту, прописные истины Людмила Максимовна. — Ладно, девочки, закончили! — Главная тренерша пару раз хлопнула в ладоши. — Сейчас товарищ Тафгаев специально для вас будет таскать «удочку». Соколова Женя, ты первая.

«Напросился», — ругал я себя, катаясь пока в новых брюках и мокрой от пота майке уже целый час с «удочкой». Девчонки, конечно, весили немного максимум килограммов сорок, но десять минут с одной, десять с другой, так и без спины остаться можно! Оказывается, подотстал я от «современности», сейчас в 1971 году соревнованиях одиночников состояли всего из двух видов — это обязательные фигуры и произвольная программа, где больше одного тройного прыжка никто не делал. И лидером сейчас мирового фигурного катания является какая-то Шуба из Австрии, которая и прыгать-то не умеет.

— Значит, слушай сюда! — Гаркнул я на одиночниц, стирая с лица пот. — Каждая из вас на России, то есть на чемпионате СССР, должна вставить в произволку по три тройных прыжка! Тулуп, сальхов и лутц... Хотя... — Я посмотрел внимательно на ноги девчонок, которые были в большинстве своём «иксиком» и решение поменял. — Не лутц, а флип. Запомнили? Поехали по второму кругу! Сейчас все будем прыгать тройной флип, так его за ногу! И чтобы никакие Шубы из Австрии больше нас не побеждали!

На исходе второго часа, когда тренировка неутомимых фигуристок закончилась, и началось следующее занятие юных звонкоголосых хоккеистов, я лежал пластом прямо на зрительских сиденьях.

— Иван, может, ты и завтра на тренировку придёшь? — Спросила безжалостная главная тренер Людмила Максимовна.

— Максимовна, не суетись, — пробормотал я, тяжело дыша. — Нужен чёткий план. Первое — отобрать двух самых способных к прыжкам девчонок, и все усилия направить на них. Второе — у нас в Горьком много бывших хоккеистов, все они здоровые мужики, их нужно срочно привлечь. И третье — дайте помереть спокойно, человеку!

— Пирожки домашние будешь? — Улыбнулась Людмила Максимовна.

— С ядом? Тогда нет, — улыбнулся я, с трудом поднимаясь со зрительских мест.

* * *

В тот же день примерно в пять часов вечера начальник команды Иосиф Шапиро потребовал моего непременно присутствия на встрече с художником-модельером из

Горьковского Дома моделей. На мои вялые попытки увильнуть от ещё одной поездки с базы в город, чтобы уединиться, наконец, со своей ненаглядной фигуристкой, Шапиро приговаривал:

— Давай, давай, чтоб потом было без нареканий. Ты же первый заявишь, что наша хоккейная форма, как из музея крестьянского быта времён крепостного права. Давай, давай.

Пришлось под напором Иосифа Львовича перенести часы блаженного уединения на более поздний срок, ведь форму хоккейной команде давно и решительно требовалось поменять, потому что выглядели мы в ней, как охламоны из «Республики ШКИД».

Современное пятиэтажное здание с большими панорамными окнами, где «ковалась горьковская броня» мощной советской моды, находилось на улице Маяковского 13, недалеко от набережной реки Волги. Добрались мы сюда, где-то минут за тридцать, так как пробки на дорогах ещё не стали печальной реальностью. А внутри нас встретили и проводили в просторный кабинет на третьем этаже.

Среди разных кусков ткани, десятков бумажных эскизов, рассыпанных по столу карандашей, линеек и разных размеров лекал сидел невысокий пожилой мужчина характерной еврейской наружности. «Ну что ж, евреи — люди деловые, хваткие, хоть и хитрые. Значит, сработаемся», — подумал я.

— Иван, познакомься. Это мой хороший друг Самуил Абрамович. — Представил меня модельеру начальник команды. — Между прочим, лауреат всесоюзных конкурсов.

— Очень приятно, — поздоровался я. — Вы спортом увлекаетесь?

— Каким? — Сморщился модельер.

— Метанием ядра, штангой, скачками на колесницах, — я краем глаза посмотрел на рисунки будущей, кажется, детской коллекции одежды. — Вижу по лицу, что вы потомственный троеборец. Целых три раза ещё школьником боролись за гаражами. Так?

— И что ж вы этим хотите сказать? — Обиделся задетый за живое Самуил Абрамович, которого наверняка, как самого слабого поколачивали во дворе. — Вам, молодой человек, нужен спортсмен или портной. Йося какого ты ко мне привёл? — Обратился он к нашему начальнику команды.

— Тафгай Иванович, ну, в самом деле, давайте не будем портить отношения, — затараторил Иосиф Львович.

— Спокойно товарищи «цеховики» не на «Привоze», — я поднял руку раскрытой ладонью вверх. — Мы сейчас с вами решаем вопрос наисерьезнейший, коммерческий. Вот это годится. — Я ткнул пальцем в эскиз модельера, где была изображена оранжевая футболка с тёмно-синими полосками, с длинным рукавом и с большим рисунком морды кота в районе солнечного сплетения. — Хоккейная форма должна быть яркой и с большим потенциалом для будущих ежегодно растущих продаж.

После чего взяв простой карандаш, я прямо на эскизе дорисовал будущий логотип «Торпедо». Дело в том, что эта нарисованная футболка один в один напомнила мне форму команды НХЛ «Флорида пантерз», которую очень кстати пока ещё не организовали. И логотип у того североамериканского хоккейного клуба удачно вписывался. Просто вместо слова «FLORIDA» я написал «ТОРПЕДО». Ну и вместо пантеры у нас на клубном знаке появлялся кот, для спортивного фарта.

— Что вы такое тут накарябали?! — Вскипел Самуил Абрамович, которому я, кажется, испортил рисунок. — Йося какого ты ко мне привёл?! Ты посмотри, этот неандерталец испортил мне эскиз для коллекции!

— Слышь ты, АбрамОвич! — Я схватил модельеры за грудки и приподнял над уровнем пола сантиметров на тридцать. — Я тебе сейчас покажу, как алюминий из страны тырить, да на английских проституток деньги спустать! Я тебе сейчас такое «Челси» устрою с яхтами и Куршевелем в придачу, что футбольный мяч с овчинку покажется!

— Я не АбрамОвич, я Самуил АбрАмович, я не он, — пискнул модельер. — Не ворую я алюминий, честное пионерское!

— Иван Тафгаевич, Иван Тафгаевич, — схватился в другую руку Иосиф Шапиро. — Успокойтесь.

— Я спокоен, — я вернул модельера на грешную землю и ещё раз ткнул пальцем в рисунок. — Это будет наша новая домашняя форма. Нужно помимо неё, нарисовать ещё два варианта, на выездные матчи, где основным цветом станет темно-синий. И запасной комплект, где будет превалировать белый цвет. Вопросы?

— Что такое Куршевель? — Поднял руку как в школе Самуил Абрамович.

— К данной теме — спортивной экипировке, вопрос значения не имеет. — Я почесал затылок и добавил. — Работать попрошу начать без промедлений. Сегодня у нас второе число, четырнадцатого дома мы играем с московским «Динамо». И к этому времени оранжевый вариант формы должен быть готов. А нет, то я зайду сюда и сам всё проверю. А вам это надо? То-то.

* * *

В своей комнате на базе «Зелёный город», лишь ближе к десяти часам вечера произошло то, о чём я так часто мечтал, находясь в Москве и в Челябинске. А именно, стыковка космических кораблей «Союза-19» и «Аполлона». В одном корабле был я, Иван Тафгаев, в другом моя фигуристка, Женька Соколова. И после того, как испытание стыковочного агрегата прошло на отлично, и мы вдоволь наговорили друг другу всяких милых глупостей, разговор неминуемо вернулся к конькам и искусственному льду.

— А я, правда, смогу исполнить все тройные прыжки? — Лёжа на моей груди, спросила Женья, для которой фигурное катание значило столько же, что и для меня хоккей.

— Правда, Максимовна сказала, что у тебя и у твоей подруги Алёнки талант к прыжкам. — Я потянулся к тумбочке за часами и случайно уронил стопку толстых в жестком переплёте книг. — Спокойно, это собрание сочинений Володи Ленина. Такая литература ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Её можно даже с пятого этажа уронить и ни одной царапины не останется.

— Ты иногда бываешь таким странным, — пробормотала девушка, вынырнув из-под одеяла, чтобы убедиться, что книги действительно принадлежат вождю мирового пролетариата, а заодно продемонстрировать свою шикарную спортивную фигуру.

— Ленин нервы успокаивает особенно перед сном, — соврал я Женьке, ну не говорить же ей было про голос в голове, который требовал вступления в комсомол, чтения серьёзной политической литературы, а затем и моего членства в стройных рядах КПСС.

Вдруг в дверь кто-то тревожно постучал.

— Ой! — Хихикнула Женька, запрыгивая обратно под одеяло.

— Я уже сплю! У меня спортивный режим! — Крикнул я, чтобы там за дверью успокоились и убирались подобру-поздорову.

— А мне всё равно! — Затарабанил вновь, судя по голосу, Сева Бобров.

— Михалыч, — я вылез из-под одеяла и «в чём мать родила» подошёл к двери, — я не один. Давай завтра поговорим.

— А мне всё равно! Открывай, дверь сломаю! — Выкрикнул наш главный тренер.

— Можно хоть брюки надеть? — Я повертел головой в поисках брюк.

— Нет! — Послышалось из коридора.

— А трусы?

— Да что я у тебя там не видел, выходи, вынесу всё к чёртовой матери! — Продолжал колотиться Бобров.

Пришлось уступить грубому навалу на мою и без того непрочно сконструированную дверь. Я лишь чуть-чуть приоткрыл её, как Сева Бобров, словно в лучшие свои спортивные годы, как истинный мастер прорыва, влетел внутрь. Но увидев голову Женьки, которая испуганно выглядывала из-под одеяла, Михалыч тут же замялся и закашлялся.

— Здравствуй Женя. — Поздоровался он с девушкой. — Передавай привет Людмиле Максимовне. Что ж ты сразу не сказал, что не один? — Зашептал главный тренер мне в ухо. — Выходи в холл, разговор есть срочный.

В холле нашего жилого корпуса, пока я одевался, Сева Бобров погладил парочку ласковых котиков разного окраса и заметно успокоившись, пришёл в себя. Лишь в глазах читалась какая-то неясная тревога.

— Вот телеграмма из Госкомспорта, — Бобров протянул мне смятый кусок бумаги. — Тебя снова дисквалифицировали на ближайшую игру с «Динамо» 5 ноября в Москве. Нашли на тебя управу, сволочи! На серьёзнейший матч я опять с одним центром остался. Гады!

Я присел рядом на диван и, даже не посмотрев, что там, в телеграмме написали, ненадолго задумался. Выходило, что сейчас за любую безобидную стычку меня могли легко убрать. Жаловаться и подавать апелляции — было бессмысленно. Нужно было воевать тем же оружием, то есть большой и развёрнутой статьёй в центральной газете. Оставалось только додумать детали и срочно действовать.

— Чего молчишь? Скажи что-нибудь, — пробурчал Сева Бобров.

— Так кое-чего придумал, но тебе не понравится, — я по-шпионски посмотрел по сторонам.

— Ну?

— У тебя же в декабре со второй сборной СССР игры со шведами в Стокгольме. — Сказал я так, чтобы никто не расслышал, о чём у нас секретный разговор. — А после матча, конечно, будет фуршет, банкет. Ну и пока все пьют, мы ноги в руки и в американское посольство, просить политического убежища. Телеграмму им покажем твою, статью в «Советском спорте». Дескать, травят нас, драться не дают на хоккейном поле.

— Да ты вообще понимаешь, что сейчас предложил? — Очень громко зашипел Бобров.

— С чувством юмора у тебя Всеволод Михалыч, как у Регины Дубовицкой, вроде где-то было, а вроде нет, — я тихо засмеялся. — Одна идея у меня проклюнулась, потом обговорим. А пока с «Динамо» повоюете и без меня, тем более у них Мальцев травмирован. Ничего серьёзного в атаке без «Есенина русского хоккея» москвичи не создадут.

* * *

Многое что в повседневной жизни я жутко «не перевариваю». И если сейчас всё это перечислять, то ещё на пару куплетов к песне Высоцкого «Я не люблю», точно наберётся. Но больше всего в последние дни я стал ненавидеть проигрывать, особенно в принципиальных встречах. Вот и сегодня в пятницу 5 ноября проиграл. Точнее моё горьковское «Торпедо» в отсутствии меня в матче с московским «Динамо» не дотерпело буквально пару минут. Отличился у москвичей на 58 минуте Михаил Титов, который-то и забивает по очень

большим праздникам. Хотя итоговый счёт 0: 1 не отражал того кошмара, что творился на площадке. Ни пас отдать, ни индивидуально обыграть, ничего у команды не получалось. Только вратарь Коноваленко вытворял в воротах акробатические чудеса, спасая раз за разом от верного гола. Очень хотелось мне спуститься и зайти в раздевалку, чтобы сказать одноклубникам много «приятных» слов, но решил стгоряча не вмешиваться в воспитательный процесс Севы Боброва.

И ещё одну вещь я не люблю — не выполнять данные обещания. Хотя такое и случается по разным, часто независящим от меня причинам. Вот и сейчас, сижу здесь в ресторане гостиницы «Москвы», как и обещал одному очень уважаемому мной человеку и терплю. На сцене гремит популярными зарубежными ритмами советская эстрада, лампы с абажурами какие-то стоят между столиков, а высоченные гранитные колонны подпирают живописный, как в храме потолок.

— Здорово ты против нас в третьем туре сыграл, — сказал, заказав сладкий десерт, Константин Борисович Локтев. — Тарасов до сих пор под впечатлением. Что? Расстроился, что твои сегодня проиграли? Это же спорт. Без поражений не бывает побед.

Про Константина Локтева я кое-что читал. Так для общего хоккейного развития. Олимпийский чемпион, чемпион мира, крайний нападающий, который успел поиграть ещё в одной тройке с Бобровым. Сейчас второй тренер у московских армейцев. Встретил меня перед игрой в своём крохотном дворце спорта ЦСКА, где мы только что влетели «Динамо», и пригласил на ужин. Если бы знал, что проиграем, то точно бы отказался.

— И поражение обидно, а ещё обидней то, что вторая дисквалификация у меня ни за что, — ответил я, допивая настоящим бразильским кофе после шикарного фирменного фрикасе. — Ладно, приятно было с вами пообщаться. Севе Боброву передам привет.

— Подожди, — Локтев зачем-то снова открыл меню и что-то в нём стал высматривать. — Есть такое предложение, а не перейти ли тебе в ЦСКА. Понимаю посреди сезона — это почти невозможно, но у Министерства обороны большие возможности. Звание тебе дадут. Квартира в Москве, машина почти все вопросы быстро решим. А самое главное скоро Олимпиада, в сборную попадёшь.

— Отличное тут фрикасе, — ухмыльнулся я. — И кофе отменный. А я всё сижу, ем и жду, когда начнётся же «Сватовство гусара». Дождался.

— Что согласен? — Симпатичная компанейская улыбка озарила лицо Константина Борисовича.

— Да! В сборную я хоть сейчас побегу, а с ЦСКА у меня разговор короткий. Играть буду против всех кроме Валеры Харламова жестко, но справедливо. — Я очень серьезно посмотрел на легендарного советского нападающего шестидесятых годов. — У меня после статьи Тарасова на вас злости спортивной накопилось — вагон! Нам скоро с канадскими профессионалами играть, которые лупить будут нещуточно всю команду, а Тарасов что сделал?

— Между прочим, Анатолий Владимирович первым ещё с Никитой Хрущёвым разговаривал по поводу игр с НХЛ в 1964 году, — обиделся Локтев.

— Знаю я эту байку, — махнул я рукой. — Якобы сам Юрий Гагарин по просьбе Тарасова во время новогоднего банкета подошёл к Хрущёву и сказал, что играть больше не с кем, всех мы разделали под орех, хотим биться с НХЛ. Так?

— Да, так, — согласился Константин Локтев.

— Тогда давай, Борисыч, посчитаем, — я стал загибать пальцы. — 54-ый год

сенсационная победа на мире, 55-ый — второе место, 56-ой — Олимпийские чемпионы, плюс бонусом чемпионы мира. 57-ой, 58-ой, 59-ый — вторые места. Олимпиада 1960 года — третье место, проиграли американским студентам. 61-ый год — третье место. 62-ой не участвовали по политическим мотивам. И наконец, 63-ий год первое место, которое заняли по лучшей разнице забитых шайб! За десять лет всего три победы, когда Канада, играя любителями выиграла четыре раза. Какая нам в 1964 году НХЛ? Катков искусственных под крышей всего три шгуки, амуниции хоккейной нет, клюшек нормальных нет.

— То есть ты категорически против ЦСКА? — Насупился Локтев. — Учти хоть в сборной и Аркадий Чернышёв главный, команду-то набирает Тарасов. Пролетишь мимо Олимпиады.

— Будущее, Константин Борисович, я вас уверяю, полно сюрпризов. — Я встал из-за стола. — Сегодня ты, как Бог решаешь, кого брать в сборную, а кого нет. А завтра твоего мнения и не спросят. Проводят на пенсию, подарив самовар, удочку для рыбалки и почётную грамоту. Так зачем же заноситься?

Глава 26

Воскресный праздничный день 7 ноября в Москве встретил участников ежегодной демонстрации трудящихся, студентов, творческой интеллигенции и физкультурников холодным ветром и мокрым снегом. Наше горьковское «Торпедо» в виде исключения пропустили на Красную площадь в ряды строго регламентированных гостей. Конечно, к самому мавзолею подойти не дали, ведь около него стройными и мощными рядами сгрудились переодетые в штатское сотрудники комитета государственной безопасности.

— Чё, мужики, закурить есть? — Я ради хохмы решил потолкаться с товарищами из органов.

— Вали на край, дылда, пока не скрутили, — вылез навстречу мелкий росточком, но видать в хорошем звании «старшой».

— Вон тот, — я указал рукой в самую толпу комитетчиков, — сингапурский шпион. Точно тебе говорю. Юстас спросил у Алекса: «У вас продаётся славянский шкаф?»

— Чё, ты сказал? — Засуетился «старшой», медленно соображая, что делать, либо ловить шпиона, либо крутить подозрительного меня.

— Я говорю, шкаф продан. Могу предположить никелированную кровать с креслом. — Заговорщицки шепнул я.

— Я тебе сейчас такую кровать устрою! Сидоров! — Гаркнул «старшой». — Сидоров! Где тебя черти носят! Оформляй задержание, — мелкий комитетчик кивнул на меня, когда появился его подчинённый такого же богатырского телосложения, как и я.

— За что будем оформлять товарища Тафгаева, хоккеиста из горьковского «Торпедо»? — Козырнул Сидоров.

— Так ты хоккеист что ли? — Разочарованно протянул «старшой». — Бесплатный совет, не шути так больше. Мы тут самого Брежнева охраняем от посягательства империалистов. Все на нервах. Может, бахнешь с нами по чуть-чуть?

— Не, спортивный режим, завтра с «Химиком» из Воскресенска играть. — Я тоже козырнул, приложив руку к своей интеллигентской шляпе.

А парад на Красной площади неожиданно для меня начался с демонстрации военной техники и четкого чеканного шага бойцов московского гарнизона. «Что ж это они? — подумал я. — И 9 мая маршируют и 7 ноября перед мавзолеем навтытяжку ходят? А сколько ещё репетируют? Наверное, им бедным и из автомата пострелять некогда. Чуть какая

заваруха, парадные войска — первые кто даст стрекача, пока дети рабочих и колхозников отстреливаться будут».

— Ну что там сказали? На Брежнева посмотрел? — Спросил Боря Александров, когда я вернулся к своим хоккеистам на левый край зрительской колонны.

— Не будет сегодня Брежнева, — шепнул я «Мальшу». — Двойника в специальной бронированной папахе и пальто на мавзолей выпустят рукой махать. Не та нынче политическая обстановочка.

— Аха, так я тебе и поверил, — хмыкнул Александров. — Кто вчера сказал, что сам Тарасов приедет в гостиницу со мной знакомиться специально в двенадцать часов ночи, чтоб внимание не привлекать? А я как дурак в фойе ждал. Теперь веры к тебе нет!

После танков, бронированных машин, пушек и ракет всевозможной дальности на площадь выпустили колонну спортсменов из разных спортивных обществ. От сотен, развивающихся на ветру красных флагов голос в моей голове сбрендил и начал горланить, как пьяный мужик летом под открытыми из-за жары окнами:

Кипучая! Могучая!

Никем непобедимая!

Страна моя, Москва моя!

Ты самая любимая...

«Слышишь ты, Лебедев-Кумач! Я же пообещал, что в комсомол вступлю до конца года, так и ты будь человеком. Заткнись, пожалуйста!» — взревел я про себя.

— Иван, тебе плохо? — Потряс меня за руку Боря Александров. — Вид у тебя какой-то бледный.

— Пока терпимо, — сквозь зубы проговорил я, поминая всеми нехорошими словами шамана-недоучку.

Нет, кое в чём он мне помог, я перестал бросаться на каждую юбку, но нездоровый заворот мозгов на почве идейного коммунизма иногда просто сводил с ума. И слава всему разумному человечеству, после спортсменов нескончаемым потоком на площадь вылилась великая армия труда, которая плавит металл, строит новые города и проникает во все тайны вселенной. Потому что, поорав вместе с подвыпившим рабочим классом залихватское «ура» голос в голове охрип и замолк.

«На долго ли?» — подумал я, рассматривая метровые портреты Ленина, Брежнева и прочих пока живых членов ЦК, а так же читая всевозможные лозунги, среди которых были и не совсем про труд. Например, рабочие какого-то предприятия несли такую растяжку: «Позор израильским агрессорам!», или вот ещё: «Американские агрессоры вон из Индокитая!». В общем, спустя час такой «веселухи», я потащил «Мальша» прочь с Красной площади.

Лучше бы по воротам лишний раз пощёлкал! Ненавижу массовые зомбирующие население театральные действия, где всегда желаемое выдают за действительное. Парады, демонстрации, шествия, а позже вырастут как грибы после дождя всевозможные корпоративы, где все как один, подогреваясь горячительными напитками, будут кричать однотипные лозунги: «Слава нашему директору, самому директорному директору во всём мире!».

— А чё мы так рано ушли? — Спросил мне Александров.

— Тебе, Борис, через неделю шестнадцать стукнет, совсем уже взрослый станешь. Так вот запомни, когда вот так скандируют с трибуны, слава тому-то и тому-то не верь. Это всё

для вида. Потому что настоящее признание, это когда ты после выхода на пенсию сможешь раз в год отдохнуть на море, поправив там здоровье, или по миру попутешествовать, осмотреть руины прошлых цивилизаций. А когда у тебя пенсия 80 рублей и до кучи множество профессиональных болячек, то быстро приходит осознание, что тебя с добрыми словами этими, мягко говоря, обманули.

— Да ладно, подумаешь 80 рублей, говорят, что скоро при коммунизме в будущем вообще денег не будет, — отмахнулся «Малыш».

— Правильно говорят. И денег не будет, и цены в космос улетят. — Хмыкнул я, вспоминая девяностые и последующие тревожные годы.

* * *

В тот же день ближе к ужину в гостинице «Юность», после лёгкой часовой тренировки на льду дворца спорта «Лужники», Сева Бобров познакомил меня с интересным человеком, журналистом Владимиром Пахомовым.

— Вот, познакомься, это Владимир Николаевич, пишет про меня книгу, — похвастался Сева, присаживаясь с незнакомцем в очках, примерно сорока лет, за столик в гостиничном ресторане.

— Ну-с, молодой человек, о чём хотите поведать миру? — Хитро улыбнулся журналист.

— Вот хочу открыть людям глаза, — доверительно тихим голосом сообщил я. — Земля на самом деле плоская и покоится на двух слонах.

— На трёх, — поправил меня Пахомов.

— Об этом и будет статья в «Очевидное и невероятное», что третий слон ушёл, — я серьёзно посмотрел на обоих мужчин. — Правда куда делся капризный слоняра достоверно не известно, наука ещё не дозрела до таких глубин мироздания. Телескоп нужен специальный, который позволит заглянуть за грань.

Сева Бобров глупо улыбнулся и как бы невзначай принялся, не хлебнул ли я лишку на демонстрации трудящихся за Великий октябрь, за текущий ноябрь и за следующий за декабрём новый год.

— Молодой человек шутит, — догадался Николай Пахомов, вынимая из портфеля толстый блокнот и, наверное, любимую трёхцветную ручку. — Кстати, пока мы не начали разговор, вот свежий номер «Советского спорта». А вы молодцы пока в тройке держитесь. И ты Иван хорош, лидер гонки бомбардиров:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Динамо (М.)	12	7	4	1	44 — 28	18
ЦСКА (М.)	10	6	3	1	54 — 33	15
Торпедо (Г.)	11	6	3	2	49 — 40	15
Спартак (М.)	11	4	2	5	43 — 41	10
СКА (Лен.)	11	4	2	5	33 — 37	10
Химик (Вск.)	11	4	0	7	37 — 39	8
Крылья Советов (М.)	10	3	2	5	37 — 38	8
Трактор (Чел.)	9	1	4	4	26 — 40	6
Локомотив (М.)	9	2	0	7	24 — 45	4

Бомбардиры: Тафгаев — 10 шайб + 6 передач, Харламов и Мальцев — 9+6, Викулов — 11+2.

— Он бы ещё поменьше кулаками махал, и цены бы ему не было, — высказался обо мне в третьем лице Сева Бобров.

— Вот об этом Владимир Николаевич мы сейчас и поговорим, — сказал я.

После непродолжительных споров между мной, Бобровым и журналистом Пахомовым статью было решено назвать «Такой хоккей нам нужен». Главный посыл её был следующий, автором вначале задался вопрос: «Нужны ли хоккейным клубам свои «милиционеры» на льду? То есть специальные игроки, которые будут охранять лидеров команды от посягательств хоккейных хулиганов?». Далее приводился пример с тем, как почти безнаказанно били в игре Всеволода Боброва, сломав ему на всю жизнь колено, обокрав тем самым весь наш Советский спорт, лишив страну множества побед на международной арене. А было бы это так, если бы хулиган на спортивной площадке заранее знал, что его самого могут в отместку покалечить? Вывод напрашивался сам собой.

Затем всем любителям хоккея в статье сообщалось, что не за горами игры против сильнейших профессионалов из Канады, которые в борьбе против Мальцева, Фирсова, Викулова и Харламова долго церемониться не станут. Потому что поражения советским спортсменам для канадских хоккеистов могут нанести серьезные репутационные и финансовые потери. Кто защитит здоровье нашим звездам спорта? Кто сделает наш и международный хоккей чище?

— Вроде неплохо, — устало улыбнулся Владимир Пахомов. — И теза, и антитеза всё на месте. Я представляю вал писем, когда болельщики прочитают, что под угрозой находится здоровье их драгоценных кумиров. И это не ирония.

— Очень правильный материал, — пролепетал Сева Боров, потирая больное колено.

— Всё верно. Написано выдержано, без истерик, чётко по-деловому. — Согласился я. — Кстати, вот ещё интересная тема на будущее. — Я ткнул пальцем в «Советский спорт» в таблицу лучших бомбардиров. — У меня здесь указано всего 6 передач, а я их сделал в два раза больше. Да я просто уверен, что Мальцев и Харламов отдали по 16 голевых пасов не меньше. Почему только пас под непосредственный голевой бросок считают результативной передачей? И почему не считают вторые передачи? Если мы хотим развивать красивый советский комбинационный хоккей — вторые передачи просто обязаны засчитывать. Например: вся тройка нападения влетает в зону атаки, разыгрывает шайбу и забивает её, а гол и пас в статистике достаётся только двоим, или вообще лишь гол — одному, несправедливо!

— Между прочим, интересное предложение, — улыбнулся Всеволод Михайлович.

— Давайте сначала с хоккейной милицией разберёмся, — протянул мне ладонь для рукопожатия журналист Владимир Пахомов.

* * *

Воскресенье 14 ноября на подступах к горьковскому хоккейному дворцу спорта «Торпедо» скопилось невероятное количество болельщиков. Победа в прошлом туре на выезде у воскресенского «Химика» со счётом 5: 6, ещё больше подогрела интерес к сегодняшней игре. Вездесущие перекупы за «лишний билетик» драли в пять раз больше номинала. Милиция сначала доблестно гонялась за прохиндеями, выбивая из них взятки, но потом такой метод борьбы со спекуляцией решительно стал невозможен, так как в плотной толпе много не побегаешь.

Однако минут за тридцать до игры органам правопорядка скучать не дали уже другие нарушители общественного беспорядка. Необычно одетая группа болельщиков из десяти человек, в красивых оранжевых хоккейных свитерах устроила на крыльце дворца спорта не то концерт, не то митинг. Один толстый парень выкатил такой же толстый басовый барабан

и принялся в него ритмично бить колотушкой.

— Бум! Бум! Бум! — Разносилось над постепенно возбуждающейся толпой, а затем «оранжевые свитера» дружно стали петь, как на недавней ноябрьской демонстрации:

— Вместе мы с тобой «Торпедо»! Город Горький часть души моей! Сердце бьётся за победу! И «Торпедо» с нами — всех сильнее!

— Бум! Бум! Бум! Бум!

Даже я вздрогнул в хоккейной раздевалке, когда услышал с улицы удары в басовый барабан.

— Это чего такое? — Почесал затылок, полностью восстановившийся от травмы Коля Свистухин. — Болельщики, которым билеты не достались, на штурм дворца пошли?

— Вроде недавно отметили 54-ую годовщину взятия Зимнего, чего это народ всё успокоиться не может? — Усмехнулся я, натягивая пока ещё старую хоккейную защиту. — По привычке, что ли решили каждую осень что-нибудь брать?

Новые нагрудники, налокотники и наколенники, как я не давил на Боброва, а тот на директора завода Киселёва так и не успели сделать к игре. Лишь вратарь Коноваленко заполучил сегодня настоящую хоккейную объёмную броню, в которой он был круглый, как шар.

— Привычка страшная сила, — пророкотал Виктор Сергеевич, рассматривая новенький хоккейный оранжевый свитер, где в районе солнечного сплетения был изображён логотип «Торпедо» с мордой кота. — Слышь, Тафгай, а нас ведь теперь котами будут все кликать.

— Будут, — я тоже натянул оранжевый свитер с тёмно-синими полосками и мордой кота в центре логотипа. — Поверь, Сергеич, коты — это лучше, чем бурлаки, хотя бы тем, что умнее и хитрее. И, между прочим, девушкам больше нравятся.

— Лепота, — высказался Свистухин, разглаживая на себе новенький логотип. — С этого дня будем играть хитрее и умнее. Я правильно мыслю?

— Мыслишь ты, Коля, всегда верно, — сказал Сева Бобров, забежав в раздевалку. — Только тебе в игре ума не хватает. Ну, горьковские коты, готовы сегодня не посрамить Отечество?

— Если, Михалыч, и посрадим, — ответил я, — то исключительно в специально отведённом для этого месте. Сели перед игрой на удачу! — Скомандовал я, и сам прижал свою пятую точку в тёмно-синих хоккейных шортах к лавке.

Волей календаря чемпионат ещё не успел перемахнуть за свой экватор, а мы уже трижды сыграли со «Спартаком» и проводили третий матч с «Динамо». Один раз у динамовцев удалось вырвать ничью, и одну игру недавно в Москве мы проиграли. Сегодня, кровь из носа, нужно было брать два своих законных очка. Поэтому с первых секунд никакой накачки не потребовалось, чтобы обрушить на московского вратаря Пашкова целый град атак.

Один я, уже дважды должен был забивать из очень выгодных позиций. Но первый раз гостей выручила штанга, а во второй раз под шайбу бросился бесстрашный защитник Валера Васильев.

— Землячок, мать твою, куда ты лезешь?! — Крикнул я обиженно Васильеву.

— Не учи играть, помоги материально, — отмахнулся Валера, потирая ногу, в которую попал твёрдый, как камень, резиновый диск.

— Тебе чё в спортивном обществе не доплачиваю? Тогда давай к нам. — Улыбнулся я. — Новенькую «Победу» из старых запасов в виде подъёмных я тебе гарантирую.

— Васька, ты с ним не говори, — зашипел, подъехавший к защитнику Саша Мальцев. — Он тебе зубы заговаривает.

— Вы базарить будете или играть? — В левый круг вбрасывания в зоне атаки с шайбой в руке въехал ленинградский судья Кириллов и знаком подозвал нас на точку.

Я дождался, пока первым, как требовали хоккейные правила, поставит клюшку на лёд Мальцев, а затем тихо сказал:

— Тарасов недавно со мной говорил.

— Ну? — Раздражённо бросил Саша Мальцев, игра у которого сегодня не клеилась.

— Меня на Олимпиаду берёт, а тебя нет. — Я резко хлопнул по льды, выигрывая вбрасывание.

И пока динамовский центрфорвард обдумывал поданную мной «дезу», шайбу на чужой синей линии разыграли наши защитники Гордеев и Куликов и набросили её на ворота динамовца Пашкова. Быстрая и короткая «драка» с Васильевым и его вечным партнёром по обороне Виталием Давыдовым и от моей клюшки шайба отлетала на угол Боре Александрову. Бросок в касание и красный фонарь зажегся за воротами.

— Гооол! — Взревели набитые под завязку трибуны, а музыканты тут же заиграли наш гимн и стадион дружно запел:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький часть души моей...

— Молодец «Малыш»! — Крикнул Сева Бобров, поздравляя нашего самого юного хоккеиста, который только вчера отметил своё шестнадцатилетие. — Хороший подарок сделал себе и нам.

Затем главный тренер подошёл ко мне и тихо спросил, пока следующая пятёрка Федотова выезжала на смену:

— Я тут всё думаю, может всю вашу тройку с Александровым и Скворцовым взять во вторую сборную? Как ты считаешь?

— Спортивная общественность не одобрит, — ответил я, внимательно следя за перипетией игры. — Обвинят тебя Михалыч в кумовстве. Дескать, тащишь в сборную детей, не замечая настоящих состоявшихся мастеров. Мишин, мать твою! Куда даешь?! — Вскочил я, как и вся наша скамейка, так как капитан команды, выйдя вдвоём с Толей Фроловым на одного защитника, загубил вернейший момент.

— Иди ты знаешь куда? — Отмахнулся Сева Бобров. — В баню!

— Хорошая идея, после игры на базе всей командой и попаримся! — Крикнул я главному тренеру. — Слышь, Свистухин! Михалыч сегодня перед баней проставляется, если вы сейчас забьёте!

Коля Свистухин перед выходом на лёд недоверчиво посмотрел на Боброва, который просто пожал плечами. Затем что-то шепнул своим партнёрам по звену Смагину и Шигонцеву и усмехнулся. И завертели, надо сказать, ребята в атаке знатно. Минуту не выпускали москвичей из своей зоны. Бросали по воротам, затем отчаянно бились за подбор отбитой вратарём Пашковым шайбы и снова разыгрывали её по периметру. И наконец, новый выстрел нашего защитника Серёжи Мошкарлова получился и сильным и точным. Вратарь москвичей с огромным трудом среагировал на бросок, даже скорее шайба сама попала ему в плечо. И тут же добивать её на пятак ринулся центра нападения Коля Свистухин. Выкинули Николая с пяточка за пару секунд, однако и шайба в суতোлке откатилась направо, где её добил с острого угла в пустой угол Вова Смагин.

— Гооол! — Опять заорали трибуны, и зазвучала наша победная музыка, а главный тренер Бобров укоризненно посмотрел на меня.

— Михалыч, спокойно, пятьдесят процентов с меня, — пробурчал я, еле сдерживая улыбку. — Ну ладно, ладно, семьдесят. Сам виноват. Каюсь.

Во втором периоде «избиение» легендарного коллектива из Москвы, который был победителем первого чемпионата СССР по хоккею 1947-го года, и который сейчас тренировал главный тренер сборной СССР Аркадий Чёрнышёв, продолжилось. И то, что на табло держались скромные цифры 2: 0, было лишь стечением обстоятельств и делом времени. В доказательство этому, на 25-ой минуте красивую комбинацию разыграли хоккеисты нашей самой возрастной пятёрки. Центр нападения Федотов сыграл скерст на входе в зону атаки с Фроловым, и выкатил под бросок налево Лёше Мишину. Алексей же на замахе уложил Пашкова на лёд и закатил шайбу в пустые ворота. Музыканты за правым лицевым бортом неожиданно после нашего победного гимна заиграли похоронный марш.

«Вот, сволочата! — выругался я про себя. — Ещё играть и играть, а они уже победу празднуют!»

— Михалыч, — обратился я к главному тренеру. — Ты напихай всем, чтоб не расслаблялись, а то довыёживаемся.

— Не учи отца в хоккее играть, — пробормотал довольный как кот Сева Бобров.

— Ну, я предупредил, потом чтоб без нареканий! — Бросил я в спину главному тренеру и пока на льду орудовала пятёрка Свистухина из кабачка «13 стульев», я своим пионерам сделал серьезное внушение, что «Динамо» ещё себя покажет, поэтому булки особенно не расслабляем.

Однако московский клуб к концу второго периода окончательно сник. А добил его я вместе с отрядом Вали Котика. Выиграл вбрасывание у Мальцева, против звена которого действовал всю игру, разыграл короткую двойку, в левом углу зоны атаки с «Мальшом», и резко прострелил направо. На загляденье с лёту по шайбе щёлкнул Сашка Скворцов, будет с парня в будущем толк. И защитники «Динамо» и вратарь Пашков оказались бессильны против разящего мощного броска.

В раздевалке перед заключительной двадцатиминуткой царил небольшой праздник. Мужики, позабыв об опаснейшем противнике, обсуждали, что сегодня купить для бани. Даже Сева Бобров включился в процесс составления меню, тем более закусь на семьдесят процентов оплачивал я, поэтому фантазия одноклубников была ключом.

— Может вам ещё устрицы из Лозанны подогнать? — Не выдержал я. — Шашлык — на первое, если получится, то варёные раки на второе, и всё! Хариусы ваши наглые слишком потрескаются!

Неожиданно дверь в раздевалку отворилась, и к нам зашёл присутствующий сегодня на трибуне директор автозавода Иван Киселёв собственной важной персоной. Быстро поздоровавшись, он принялся пожимать руки всем хоккеистам подряд, и даже двум грустным запасным Ковину и Доброхотову.

— Молодцы, молодцы мужики, — приговаривал Иван Иванович. — Форма новая — замечательная. Даже моей жене понравилась. Прямо сегодня — очень молодцы! Играете с самим «Динамо» в одни ворота! 4: 0! Ну, не буду вас больше отвлекать.

— И это всё? — Спросил я, встав с места.

— А что ещё? — Удивился уже на выходе из раздевалки директор завода «ГАЗ».

— Как? — Я тоже удивлённо развёл руки в стороны. — А квартира, а машина. Я, между

прочим, до сих пор живу на базе «Зелёный город» в комнатухе без удобств. И ездю на «Торпед», то есть на «Победе», которая сегодня даже не завелась.

— Потом поговорим, — закашлялся Иван Иванович.

— Ладно, значит, армейцам Москвы могу смело отказать? — Спросил я. — А то Константин Локтев по заданию Анатолия Тарасова мне уже ключи подсовывал от новенькой однушки недалеко от ВДНХ.

— Иван, потом, всё потом, — замахал руками директор завода, быстро закрыв за собой дверь.

Мужики тут же грохнули от смеха, уже привыкнув к моим жёстким приколам.

— Не свезло, — грустно сказал я, усаживаясь на лавку.

— Не к масти козырь, — коротко высказался Сева Бобров, добавив ещё больше веселья в раздевалке команды.

Как я и ожидал, в третьем периоде, стало совсем не смешно. Сначала, «замёрзший» без работы Коноваленко пропустил дальний выстрел от защитника бело-голубых Михаила Алексеенко, который вообще забил свою первую шайбу за три сезона в высшей лиге. После чего счастливый парень даже пустил слезу, когда его поздравляли партнёры по команде. А на 47-ой минуте с передачи Владимира Юрзинова отличился Юрий Репс, сделав счёт 4: 2, пока ещё в нашу пользу.

— Михалыч, подожди, — я встал на скамейке запасных, отодвинув главного тренера в сторону. — Если из-за вашего головотяпства товарищи, защитник и нападающие, с 4: 0 мы сыграем в ничью или проиграем, то я вам такую вечером баню с раками устрою, на всю жизнь запомните. Двадцать км у меня рванёте на время, пропотеете лучше, чем в парилке. Ясно?!

— Чё сразу на время-то? — Обиделся больше всех Коля Свистухин.

— А тебя кабачок «13 стульев» отдельно погоню ещё десять км! Всё, отступать некуда, за спиной..., - я оглянулся назад, и увидел растерянного главного тренера. — За спиной Бобров. Собрались на концовочку! Держим!

Конечно, парни и сами понимали, что нужно вцепиться зубами в своё законно завоёванное преимущество. Но «Динамо», что называется, поймало кураж. Теперь об атаках на ворота Пашкова мы и не мечтали. Наши защитники отчаянно отбрасывали шайбу подальше из своей зоны, и каждый несколько секунд бросали свои взгляды на время, которое еле-еле ползло к финальной сирене.

А в одной из затяжных атак московских гостей на 52-ой минуте, я на эмоциях лёг под мощный выстрел от синей линии Валеры Васильева, хотя такого героизма всегда старался избегать. Во-первых, и травмироваться можно, а во-вторых, из-за возможного рикошета своему же вратарю можно было оказать «медвежью услугу».

— Куда под шайбу лезешь, землячок? — Зло, усмехнувшись, сказал Васильев.

— Не видишь, человек случайно поскользнулся и упал, зачем же в него сразу шайбу швырять, земля? — Ответил я, растирая больную ягодицу.

— Васька! — Тут же к нам рванул Мальцев вместе с товарищем судьёй для подмоги. — Отцепись от Тафгая, хватит тебе одной дисквалификации на радость ЦСКА.

— Спокойно Малец, мы тут это..., - не нашёл, что ответить защитник бело-голубых.

— Про рыбалку говорили, — помог я «выкрутиться» Валере Васильеву. — В новый год рванём в Таиланд за лангустинами. Правильно товарищ судья?

За две минуты до конца игры, проигрывая 4: 2, наставник «Динамо» и сборной СССР

Аркадий Чернышёв пошёл на не обычный для 1971 года тактический шаг. Он заменил вратаря Пашкова на шестого полевого игрока. Сева Бобров немного подумав на последние минуты, выпустил всех самых опытных игроков. Лучших защитников Астафьева и Фёдорова, двух крайних нападающих Мишина и Фролова и мяч в центр нападения, чтобы я обеспечил нам вбрасывание.

— Две минуты осталось потерпеть, — твердил нам Всеволод Михалыч. — Нельзя отдавать игру!

— Пятьдесят процентов, — сказал я.

— Чего? — Не понял Бобров.

— Закуску для вечерней бани покупаем пятьдесят на пятьдесят, — хитро усмехнулся я.

— Хрен с тобой, только попробуй вбрасывание проиграть, — отмахнулся главный тренер.

«Да тут если и захочешь, не проиграешь, — подумал я, забирая шайбу у Мальцева из-под клюшки и откидывая её защитникам за наши ворота. — У отечественной школы с игрой на выбрасываниях — беда». И тут случилось то, чего никто не ожидал. Вместо спокойного розыгрыша за воротами и выхода в среднюю зону, из которой уже можно было с большой гарантией наказывать «Динамо» пятой заброшенной шайбой, наш лучший оборонец Вова Астафьев сотворил «игровое чудо». Он решил прямо от нашего лицевого борта попасть в пустые ворота москвичей, что в принципе разными хоккеистами делалось неоднократно. Но шайба капризно соскользнула с крюка и вылетела точнёхонько на наш незащищённый пятак, где по ней от всей души щёлкнул динамовец Юрий Чичурин. Вратарь Коноваленко даже не успел шелохнуться, как москвичи бросились обнимать своего удачливого нападающего. Табло под тягостное молчание переполненных трибун высветило новый счёт 4: 3.

— Всё нормально! — Крикнул я своим одноклубникам. — Сейчас выигрываем вбрасывание и контролируем шайбу до конца игры. Второй раз Москве не подфартит. Да и Пашкова Чернышёв в ворота вернул. — Я кивнул в сторону половины поля московских гостей.

После финальной сирены, в раздевалке на Севу Борова было страшно смотреть. Так как удержали победный счёт мы буквально чудом. И спас команду Коноваленко, точнее ему помогла новая более объёмная хоккейная амуниция. Ведь шайба, зацепив плечо нашего голкипера, за пять секунд до конца игры улетела за ворота, а не нырнула в их сетку.

— Астафьев, Володя, — медленно проговорил Сева Бобров, сверля взглядом и без того расстроенного защитника. — Тридцать процентов на закуску даю я, тридцать Тафгаев, и сорок ты. И чтоб больше у своих ворот я таких фокусов не видел, а не то во вторую сборную СССР не возьму.

* * *

В понедельник 15 ноября на огромном автозаводе «ГАЗ» в небольшой заводской камере на минус первом этаже фрезеровщик Казимир Петрович в ожидание своего коллеги по фрезерным работам заварил сразу два стакана крепкого грузинского чая. С недавних пор, как он второй раз женился, почему-то всегда своенравный и свободолюбивый, стал побаиваться приходить домой с запашком. Толи стыдно было Казимиру, толи не хотелось расстраивать молодую и горячую до любовных утех жену. Но факт оставался фактом — медленно, но верно Казимир Петрович перестал «закладывать за воротник». А вот его коллега Данилыч из принципа — нет.

— Достал! — Кирнул, громко топая башмаками по маленькой лестнице вниз, принципиальный Данилыч. — Вырвал из-под самого носа у мастера! — Тяжело дыша, заявил работяга ввалившись в коморку.

— Спирта что ли урвал где-то? — Принюхался Казимир Петрович.

— Ты о чём-нибудь другом думать ещё можешь? — Хохотнул Данилыч и, вынув из кармана клочок газеты, как доминошную костяшку хряпнул его на стол. — Пока Ефимка щёлкал этим самым, я хрясь и бежать. Хоккейная таблица из «Советского спорта». Правда, не вся.

Казимир склонился над газетным обрывком с турнирной таблицей, первые три места были вполне различимы, а кто там ниже, уже давно никого на заводе не волновало:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
ЦСКА (М.)	13	9	3	1	74 — 34	21
Динамо (М.)	15	8	4	1	51 — 38	20
Торпедо (Г.)	13	8	3	2	59 — 48	19

— Ну, «Динамо» наши обойдут. Это не вопрос, — заявил Данилыч, тоже рассматривая таблицу. — Целых две игры в запасе! Что с ЦСКА делать, не знаю? Не нравятся они мне что-то.

— Да, к ЦСКА на кривой козе не подъедешь, — Казимир Петрович сделал небольшой глоток крепко заваренного чая. — Билеты нужно в профкоме на игру достать, вот что я предлагаю. Между прочим, физорг Самсонов с нами ещё за спартакиаду не рассчитался.

— Верно! — Кивнул ему друг. — Без нас мужики здоровенных «тарасовцев» не осилят. Не хватает пока нашей ледовой дружине духа.

— Какого ещё духа? — Удивился Казимир.

— На игре разберёмся, — сказал Данилыч, весело подмигнув своему коллеге.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net